

ВОСПОМИНАНІЯ

КНЯЗЯ А. В. МЕЩЕРСКАГО.

Knut Munksgaard

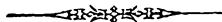
ВОСПОМИНАНІЯ

К Н Я З Я

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА

МЕЩЕРСКАГО.

(Род. 14 Апрѣля 1822 † 22 Декабря 1900 г.).

М О С К В А.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

Происхожденіе 1—2. — Отецъ 3—4. — Село Ошейкино 5. — Семейство Мещерскихъ 23—26. — Няня Татьяна Осиповна 27—28. — Слуга Дмитрій Барановъ 29—30. — Болѣзнь 33—34. — Самоотправленіе отца 35—36. — Пожары въ Москвѣ 37—38. — Поездка родителей за границу 39. — Графъ А. К. Толстой 40—41. — А. А. Перовскій и К. П. Брюловъ 42—44. — О. В. Самаринъ 45. — Ю. О. Самаринъ 46—47. — Поступленіе въ военную службу 53—56. — Князь Ливевъ 60—62. — Поляки въ Русской военной службѣ 63—64. — Поездка въ Кунцево 65—66. — Раскольничья модельня 69. — Бородинскіе маневры 72—75. — Зима 1839 года въ Москвѣ 80—85. — М. Ю. Лермонтовъ 86—90. — Закупка лошадей для полка 97—98. — А. Н. Муравьевъ 99—101. — Я. П. Полонскій 102—103. — Графиня Л. Н. Жульвекуръ 104. — Случай съ поручикомъ Фроловымъ 105—106—107—108. — Балъ у г-жи Деляновой 109—110. — Г-жа Губерти 111—113. — Кончина матери 115—119. — Н. Е. Лукашъ 120—121. — А. Н. Карамзинъ 122—125. — Князь П. А. Вяземскій 126—127. — М. П. Валуева 128—129. — Поездка въ Ревель 130. — Графъ Д. Н. Блудовъ 131—132—133—134. — Графъ Армфельдъ и А. А. Закревскій 135. — Княгиня Юсупова 137. — Великій князь Михаилъ Павловичъ 138—139. — Князь С. Д. Абамелекъ 140. — Поединокъ князей Яшвиля и Долгорукаго 142—145. — Князь Н. Лобановъ-Ростовскій 146—148. — Братья Абазы 149—151. — Карамзины 152—153. — Аничковскіе балы 156—159. — Дѣло Кугушевой и Томилиной 193—194. — Балъ у графини Растопчиной 196. — Віардо и Н. С. Тургеневъ 197. — Дуэль графа Бобринскаго 198—202.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго

Всему на свѣтѣ есть предѣлъ.
Любви и счастью, и страданью.
Но вѣчнымъ быть самъ Богъ велѣлъ
Лишь одному воспоминанью.

Родъ нашъ одинъ изъ очень древнихъ, если вѣрять нашимъ источникамъ: Гербовнику, Бархатной Книгѣ и дальнѣйшимъ генеалогическимъ изысканіямъ дворянскихъ родовъ гг. Румеля, графа Бобринскаго, Петрова, князя Лобанова и менѣе полного изданія князя Долгорукова.

Всесокрушающій потокъ Азіатскихъ дикарей, наводнившій всю страну, и вѣковое владычество Татарщины истребили на Руси не только историческіе документы, но разрушили и самыя зданія православныхъ храмовъ, этихъ хранилищъ всѣхъ нашихъ историческихъ и семейныхъ преданій; поэтому и не удивительны пробѣлы и несогласія въ ученыхъ трудахъ о Русскихъ древнихъ дворянскихъ родахъ.

Первоначальныя данныя о настоящемъ родовачальникѣ князей Мещерскихъ теряются въ области преданій. Тамъ, гдѣ нѣтъ вполне точныхъ указаній, всегда существуетъ разпогласіе, и поэтому неизвѣстно, кто былъ именно Гуссейпъ, который иногда именуется княземъ Ширинскимъ и свѣдѣнія о которомъ восходятъ до XII вѣка*). Сыноу Гуссейпа, судя по источникамъ Гербовника, Бархатной Книжки, графа Бобринскаго, Петрова, называемый то Бахметемъ, то Мухамедомъ, пришелъ въ 1198 году изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее и поселился тамъ; отъ него произошло въ Россіи потомство князей

*) Въ Гербовникѣ упоминается дословно объ этомъ Гуссейпѣ слѣдующимъ образомъ:

„Татаринъ Бахметъ Усейновъ Ширинскихъ князей отступилъ Бахмета царя, да свѣлъ на Мещерѣ. У него сынъ Беклемишъ, и Беклемишъ крестился, и по крещеніи имя ему князь Михайло; а у князя Михайло сынъ князь Федоръ Мещерскій, а у князя Федора сынъ князь Юрій, и былъ онъ съ полкомъ своимъ на Дону противу Мамай въ помощъ В. К. Дмитрію Іоанновичу“.

Мещерскихъ. Его-то главнымъ образомъ и принято считать родоначальникомъ нашей фамили. Первымъ принявшимъ православіе былъ Беклемпшъ (во св. крещеніи Михаилъ), сынъ Бахмета; съ нимъ же одновременно крестился многіе. Онъ тамъ построилъ храмы. Шест поколѣній князей Мещерскихъ были самостоятельными владѣтельными князьями. Одинъ изъ нихъ князь Юрій Ѳеодоровичъ пришелъ на помощь со своимъ полкомъ къ князю Дмитрію Донскому и отличился въ Куликовской битвѣ. Уже эти выраженія «на помощь» и «со своимъ полкомъ» доказываютъ, что онъ пришелъ какъ къ сосѣду, по доброй волѣ. Со времени Михаила, такъ сказать, идетъ петричское начало князей Мещерскихъ. По неудобству или ради какихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, соображеній, уже въ 1389 году Мещерскіе князья начинаютъ продавать свои земли; такъ поступилъ, напримѣръ, Александръ Юрьевичъ. Проправнукъ князя Юрія Ѳеодоровича, Юрій Семеновичъ послѣдній владѣлъ самостоятельно Мещерой и по согласію съ братьями добровольно обмѣнялъ свои владѣнія на волости, данныя ему Іоанномъ III-мъ. Съ этого времени князья Мещерскіе дѣлаются фактически подданными Россіи, вступая въ разрядъ слугъ Московскаго государства. Сколько намъ извѣстно, князья Мещерскіе главнымъ образомъ посвящали себя военному поприщу, «служа вѣрой и правдой царю и отечеству»: 20 человекъ изъ нихъ погибло въ разное время на поляхъ битвъ.

Не лишнимъ, я думаю, будетъ упомянаніе объ одномъ изъ нихъ, Васильѣ Ивановичѣ князѣ Мещерскомъ, генералъ-привѣнштмейстерѣ и сенаторѣ, женатомъ на графинѣ Натальѣ Андреевнѣ Матвѣевой, внучкѣ извѣстнаго Артамопа Сергѣевича Матвѣева, любимца и сотрудника царя Алексѣя Михайловича.

Какъ старый Московскій губернскій предводитель дворянства, будучи знакомъ съ неполнотой и недостатками дворянскихъ родословныхъ книгъ, въ которыхъ записано почти все Русское дворянство, и касаясь только вскользь этого предмета, не пмѣющаго въ нашъ демократическій вѣкъ важности для потомства, если бъ даже и было исполнѣ доказано такое древнее наше происхожденіе.

Я родился въ 1822 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ проживал мои родители послѣ своего брака и гдѣ отецъ мой служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ женился по любви очень рано (20 лѣтъ) на красавицѣ, 16-ти лѣтней дѣвицѣ, баронессѣ Шарлотѣ Борисовнѣ Фитингофъ, мать которой была дочерью знаменитой княгини Ллевелъ, воспитательницы великихъ князей, внучекъ Екаторпы Великой.

Вопреки существующаго въ обществѣ предубѣжденія противъ равныхъ браковъ, бракъ моего отца былъ одинъ изъ самыхъ счастливейшихъ по мнѣнію всѣхъ его сверстниковъ и знакомыхъ.

Не болѣе года передъ своей женитьбой, отецъ мой возвратился изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ своими родителями для окончанія своего образованія въ сопровожденіи ментора, почтеннаго старшаго, барона Вреде, весьма образованнаго человѣка, принадлежавшаго къ высшему аристократическому обществу Остзейскихъ губерній.

Этотъ случай, который въ то время не былъ исключеніемъ, доказываетъ, до какой степени тогда родители заботились о доставленіи своимъ дѣтямъ общеевропейскаго образованія, вовсе не опасаясь при этомъ сдѣлать ихъ космополитами или отщепенцами своей родины и даже религіи, какъ любила изображать молодыхъ людей этой эпохи наша пишущая братія 60-хъ годовъ. Я до сихъ поръ помню, какъ, будучи ребенкомъ и отрокомъ я прислушивался къ патріотическимъ рѣчамъ моего отца. Любовь къ родинѣ выражалъ онъ въ домашнемъ кругу, со свойственнымъ ему пыломъ и увлеченіемъ по поводу каждаго историческаго или военнаго событія того времени.

Это окончательное образованіе за границей доставило ему не только превосходное знаніе иностранныхъ языковъ и стало-быть знакомство со всѣми Европейскими литературами, но и сообщило его уму весьма практическое направленіе, которое впоследствии создало ему такую репутацію, что очень многіе изъ числа его знакомыхъ обращались къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ по всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ и даже семейнымъ своимъ дѣламъ.

Въ защиту людей той эпохи противъ легкомыслія и вопиющей несправедливости нашихъ хроникеровъ, обзывающихъ ихъ космополитами и отщепенцами, я не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ современниковъ и друзей моего отца, достигшемъ высокихъ должностей и занимающемъ мѣсто въ исторіи.

Я хочу коснуться по этому поводу памяти свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владимировича Голицына, одного изъ героевъ нашей народной войны и бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, который, занимая эту высокую должность, очень часто на своихъ дѣловыхъ бумагахъ налагалъ резолюцію по французски и въ своей перепискѣ съ государемъ Николаемъ Павловичемъ большею частью употреблялъ этотъ языкъ, что не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ видныхъ патріотовъ того времени.

Отец мой, проживши въ Петербургѣ лѣтъ пять послѣ своей свадьбы, молодой, смѣтливый, блестящаго ума, пзвнцной наружности, любимецъ высшаго общества, гдѣ онъ былъ принятъ и по своему рожденію, и по родственнымъ связямъ съ княгиней Ливень, игравшей важную роль при дворѣ, вдругъ отказался отъ всѣхъ удовольствій столичной жизни и съ необыкновенною рѣшимостью все бросилъ, вышелъ въ отставку и поселился на неопредѣленное время въ деревнѣ, чтобы создать и оставить состояніе своимъ дѣтямъ, которыхъ тогда у него было уже пять человѣкъ.

Этимъ крупнымъ поворотомъ въ своей жизни отецъ мой спасъ все свое семейство. Его предчувствіе оправдалось: Богъ далъ ему впоследствии одиннадцать человѣкъ дѣтей и еслибъ онъ увлекся честолюбивыми видами по службѣ или удовольствіями, которыя доставляла ему свѣтская Петербургская жизнь, то мы остались бы всѣ безъ надлежащаго образованія и по всей вѣроятности безъ средствъ. Хотя онъ получилъ въ наслѣдство отъ матери своей, урожденной княжны Трубецкой, прекрасное имѣніе (въ Курской губерніи), но, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ С.-Петербургѣ, долженъ былъ его заложить, а поэтому несомнѣнно онъ не могъ бы оставить состоянія своимъ дѣтямъ.

Подобный примѣръ отцовскаго самоотверженія чрезвычайно рѣдко встрѣчается не только въ нашъ эгоистическій вѣкъ; но онъ былъ рѣдкостью и во времена нашихъ отцовъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мы всѣ имѣли счастье воспитываться въ деревнѣ, среди простой, здоровой деревенской обстановки, въ постоянномъ общеніи съ природой, хотя довольно скудной, въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ селѣ Ошейкинѣ, которое мы впоследствии страстно полюбили *).

Превосходство воспитанія дѣтей въ деревнѣ нынѣ признано всѣмъ безспорно, но къ сожалѣнію оно у насъ не всѣмъ доступно по своей дороговизнѣ. Въ этомъ отношеніи наши родители ничего не пожалѣли. Воспитываясь подъ строгимъ и разумнымъ руководствомъ нашей матери, мы имѣли достаточно преподавателей и преподавательницъ. Нашъ менторъ былъ Швейцарецъ, который преподавалъ Французскій и древніе языки; затѣмъ Русскій преподаватель, который кромѣ Русскаго языка и Русской словесности преподавалъ остальные предметы, и наконецъ

*) Нынѣ с. Ошейкино принадлежитъ моему племяннику князю Василю Сергѣевичу, сыну брата моего князя Сергія Васильевича, получившаго его въ наслѣдство отъ нашего отца.

были взяты деъ гувернантки, находившіяся при сестрѣ, которыя преподавали Англійскій и Нѣмецкій языки. Законоучителемъ былъ нашъ приходскій священникъ. Кромѣ того матушка наша, весьма религіозная женщина, читала ежедневно съ нами Св. Евангеліе съ толкованіемъ. При этомъ, разумѣется, наши родители озаботились заставить хорошимъ домашнимъ докторомъ (докторъ Паникъ) изъ окончившихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, который тогда былъ въ славѣ собственно по этой специальности.

По прибытіи нашемъ въ село Ошейкино, я былъ еще слишкомъ малъ, чтобы могъ пользоваться, наравнѣ съ моими старшими братьями и сестрой, нашими преподавателями. Но такъ какъ мы прожили въ деревнѣ безвыѣздно около десяти лѣтъ, то и до меня дошла очередь у нихъ учиться.

Домъ, построенный въ с. Ошейкинѣ моимъ отцомъ, былъ деревянный, весьма помѣстительный и чрезвычайно удобный. Типъ этого деревенскаго дома такъ хорошъ, что достоинъ подражанія для всѣхъ нашихъ средней руки помѣщиковъ. Онъ соединялъ всѣ условія относительно дешевизны, удобства, красоты и во всемъ согласовался съ климатическими нашими условіями. Онъ имѣлъ бы форму покоя, если бы не выдвигались два крыльца на плоской сторонѣ его фасада. Такимъ образомъ получались два балкона: одинъ на Югъ со стороны сада, а другой на Сѣверъ со стороны двора, и оба защищались отъ вѣтра боковыми постройками дома. Отъ дома шли двѣ полукруглыя крытыя, на колоннахъ, галлерей, соединявшія домъ съ двумя флигелями, изъ которыхъ въ одномъ была кухня, а въ другомъ баня и прачечная. Двѣ параллельныя части этого дома, имѣвшаго, какъ я сказалъ, форму покоя, были въ два этажа, а средняя часть въ одинъ этажъ съ коридоромъ по серединѣ. Всего было внизу двѣнадцать комнатъ, а на верху въ двухъ параллельныхъ частяхъ дома по пяти комнатъ въ каждой. Англійскій комфортъ, который много зависитъ отъ хорошо соображеннаго расположенія комнатъ, имѣетъ песомѣнно большое значеніе особенно для лицъ проживающихъ въ деревнѣ постоянно, зиму и лѣто. Вотъ почему я коснулся архитектурныхъ подробностей этого дома, невольно вспоминая о всѣхъ тѣхъ неуклюжихъ и неудобныхъ жилищахъ, которыхъ я на своемъ вѣку видалъ такъ много у нашихъ помѣщиковъ.

Отецъ мой, повидному, купилъ это имѣніе въ этой мѣстности собственно съ цѣлью быть поближе къ нашему родовому семейному имѣнію Лотошину, гдѣ жилъ мой дѣдъ съ семействомъ. Это имѣніе очень

значительное сдѣлалось извѣстно тѣмъ, что дѣдъ мой, первый въ Россіи помѣщикъ, выпсалъ изъ Швейцаріи сыроваровъ и устроилъ у себя сыровареніе, которое до сихъ поръ пользуется репутаціей по всей Россіи *).

Случайность соединила въ этой мѣстности цѣлую группу помѣщиковъ довольно состоятельныхъ и весьма образованныхъ, жившихъ со своими семействами постоянно въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга не дальше десяти или пятнадцати верстъ. Такъ напримѣръ, въ селѣ Осташовѣ жилъ старикъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, устроившій въ этомъ имѣніи знаменитую высшую военную Школу Колоновожатыхъ, послужившую впоследствии началомъ нашей Военной Академіи и гдѣ получили воспитаніе многіе молодые люди, отличившіеся впоследствии на военномъ поприщѣ.

Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ отецъ знаменитаго нашего полководца Н. Н. Муравьева Карскаго, графа Михаила Николаевича Муравьева, Виленскаго генералъ-губернатора и, наконецъ, Андрея Николаевича Муравьева, извѣстнаго писателя и автора «Путешествія по святымъ мѣстамъ». Всѣ три брата получили свое образованіе въ школѣ Колоновожатыхъ, въ селѣ Осташовѣ. Неподалеку отсюда была с. Бѣлая Колпь, родовое прекрасное имѣніе князя Валентина Шаховскаго, гдѣ онъ жилъ съ молодой своей женой и цѣлымъ росомъ молодыхъ дѣвицъ, его сестеръ и барышень Голыскихъ. Бѣлая Колпь, равно какъ и Лотошню, гдѣ проживали мои дѣдъ и бабушка и прелестныя тетюшки, были постояннымъ центромъ вѣчнаго движенія, самыхъ разнообразныхъ удовольствій и непостоянной веселости всей этой молодежи. Съ противоположной стороны, въ 10-ти верстахъ отъ насъ, жили очень пріятные сосѣди въ мѣстечкѣ Яропольцѣ: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, женатый на Натальѣ Ивановнѣ Загряжской, младшая дочь которыхъ вышла замужъ за нашего незабвеннаго поэта Пушкина, а младшій изъ сыновей сдѣлался впоследствии моимъ дядей, женившись на младшей сестрѣ моего отца, той самой Лотошнской красавицѣ, которая была вѣчною зачинщицей всѣхъ удовольствій среди этого избраннаго и веселаго общества. Эти

* Село Лотошню упоминается уже въ Никоновой летописи 1478 г. Первымъ владельцемъ его изъ рода князей Мещерскихъ былъ (1646 г.) князь Петръ Θεодоровичъ, получившій его въ даръ отъ Анны Ильиничны Морозовой (сестры царицы Марьи Ильиничны). Князю Петру Θεодоровичу наследовалъ сынъ его Иванъ, затѣмъ, князь Василій, женатый на Натальѣ Андреевнѣ графинѣ Матвѣевой, потомъ Иванъ (мой дѣдъ) и наконецъ отецъ мой князь Василій второй, который отказалъ его сыну своему князю Борису, а теперь оно принадлежитъ моему племяннику князю Сергѣю Борисовичу, женатому на княжнѣ Абрамскѣ.

два крупные землевладельца: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, имѣнія которыхъ до сихъ поръ сохранились въ ихъ родѣ, проживали въ своихъ барскихъ каменныхъ усадьбахъ, имѣющихъ видъ древнихъ замковъ, въ разстояніи не больше версты одко отъ другой, что въ нашей Русской деревнѣ довольно рѣдко встрѣчается. Затѣмъ въ 7-ми верстахъ отъ насъ, въ селѣ Грибановѣ, жила пзвѣстная тогда въ Москвѣ своимъ балами и обѣдами почтенная и добрѣйшая старуха Марья Степановна Татищева ¹⁾, владѣтельница большого дома въ Москвѣ на Моховой, рядомъ съ домомъ Пашкова, пышъ Румянцовскимъ музеемъ ²⁾.

Она была знатнаго рода, любила говорить о своемъ родствѣ въ Петербургѣ съ Нарышкинымъ, Строгановымъ и проч. и славилась своимъ гостепрѣмствомъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ деревнѣ. Это былъ настоящій типъ Русской барыни (*grande-dame*) XVIII столѣтія. Держа огромную дворню, имѣя массу приживалокъ въ своемъ домѣ и живя постоянно выше своихъ средствъ, она все проживала на балы, на обѣды и всевозможныя удовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нея проявлялись несомнѣнные признаки такого скряжничества и скупости, которыя служили предметомъ бескончаемыхъ толковъ во всемъ Московскомъ обществѣ. Всѣ шутили надъ этимъ, но всѣ къ ней ѣздили, потому что къ ней весь свѣтъ собирался, что всѣ привыкли къ необыкновенному ея гостепрѣмству и что у нея всѣмъ всегда было весело. И надо было удивляться, какъ она, будучи несомнѣнно умной женщиной, могла думать, что никто не замѣчаетъ ея страпностей и не подозреваетъ, что она служитъ предметомъ насмѣшекъ и добродушнаго злословія. Она между прочимъ со всѣхъ вечеровъ и баловъ, на которые была приглашаема почти каждый день, неукопнительно всякій разъ привозила домой въ своемъ большомъ черномъ бархатномъ ридикюлѣ, всюду ея сопровождавшемъ, пропасть конфетъ и фруктовъ, которые, какъ гласила молва, распушенная Московскимъ сплетницами, въпослѣдствіи появлялись въ числѣ угощеній на ея собственныхъ балахъ. Затѣмъ для того, чтобы на тѣ средства, которыми она располагала, ей было возможно чаще принимать у себя гостей и давать балы, а вовсе не въ видахъ благоразумной экономіи, въ ея двухъ огромныхъ бальныхъ залахъ во время пріема горѣли сальныя свѣчи и довольно плохенькія

¹⁾ Урожд. Ржевская (1774—1852), супруга ген.-маіора Алексѣя Евграфовича Татищева (1760—1832), который былъ внукомъ славнаго Василія Никитича, а по матери своей племянникомъ фельдмаршала графа Каменскаго.

²⁾ Этотъ большой домъ, на Моховой улицѣ, съ обширнымъ дворомъ, бывший Татищевыхъ, недавно пріобрѣтенъ Румянцовскимъ музеемъ.

масляныя лампы. Прислуга при этомъ, довольно собою видная, была, разумѣется, въ парадныхъ либреяхъ до нельзя изношенныхъ. Оригинальнѣе всего было то, что, не смотря на постоянный у нея пріемъ гостей, въ будни, ея швейцаръ не надѣвалъ либреи и не находился вѣзду у входной двери, а постоянно сидѣлъ въ передней въ бельэтажѣ, занимаясь на большомъ рабочемъ столѣ преусердно портняжнымъ своимъ искусствомъ, при чемъ, при появленіи каждаго посетителя, онъ бросалъ свои большія ножницы, утюгъ, свою кройку или шитье, чтобы докладывать о гостѣ или гостьѣ ея превосходительству. Все это, разумѣется, служило въ обществѣ неистощимымъ предметомъ шутокъ и злословія, которые не помѣшали однако почтенной старушкѣ умереть въ Москвѣ въ своемъ домѣ, окруженной любовью и уваженіемъ.

Если къ этому обширному кругу близко-знакомыхъ между собою помѣщиковъ прибавить еще нѣсколько землевладѣльцевъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, хорошо принятыхъ въ названныхъ выше домахъ, то нельзя не признать, что подобный центръ мѣстной жизни, состоявшій изъ такого довольно обширнаго избраннаго общества, даже въ то время былъ рѣдкостью на Русь, а теперь это все кажется сказочнымъ вымысломъ.

Разумѣется, въ то время, среди подобныхъ помѣщиковъ, о такъ называемомъ злоупотребленіи помѣщичьей власти не могло быть и рѣчи. Въ положительное изобличеніе неправды о всѣхъ ужасахъ крѣпостнаго права, которые послужили постояннымъ и излюбленнымъ предметомъ повѣстей и романовъ нашей литературы 60-хъ годовъ, не исключая и нашего высоко-даровитаго Тургенева, слѣдуетъ сказать утвердительно, что отношеніе между всѣми названными выше помѣщиками и ихъ крестьянами были самыя гуманныя, самыя отеческія и самыя справедливыя.

Разительнымъ примѣромъ тому, насколько наша пзвѣстная въ этомъ отношеніи литература обобщала исключительные случаи этихъ злоупотребленій и насколько несправедливы тѣ обострившіяся отношенія между помѣщиками и крестьянами, о которыхъ такъ много писалъ, можетъ послужить слѣдующее фактъ. Въ 1812-мъ году все крестьянское населеніе огромнаго помѣстья моего дѣда конечно было смущено пзвѣстіямъ, приходившимъ въ то время въ с. Лотошино изъ Москвы, и въ одинъ прекрасный день, услыхавъ издалика пушечные выстрѣлы какого-то Французскаго отряда, можетъ быть и воображаемаго, все мужское населеніе крестьянъ собралось на большой площади противъ помѣщичьяго дома, вооруженное косами вилами и топорами, чтобы защищать жизнь моего дѣда и его семейства.

Дѣдъ мой мнѣ сказывалъ, что въ данномъ случаѣ ему, лично вышедшему на площадь, очень трудно было успокоить этотъ добрый и простодушный народъ и уговорить его вернуться по домамъ.

Изъ мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ въ то время насъ въ деревнѣ, я припоминаю, между прочими, Назимовыхъ, въ семействѣ которыхъ были двѣ дѣвцы, замѣчательной красоты; затѣмъ одного заслуженнаго полковника и доморощеннаго поэта Эгерштрома, родомъ изъ Шведовъ, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ всю жизнь свою проводилъ въ своемъ тарантасѣ, постоянно посѣщая всѣхъ помѣщиковъ этого околотка и угощая ихъ, при каждомъ посѣщеніи, вновь написанными имъ стихотвореніями на ломанномъ Русскомъ языкѣ, самаго забавнаго содержанія. Эти стихи большею частью посвящались хозяину или хозяйкѣ дома и возбуждали во всѣхъ присутствующихъ гомерическій смѣхъ, никогда его не обижавшій, отчего онъ и умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ желаннымъ гостемъ и обязательнымъ участникомъ всѣхъ удовольствій *).

Перечисляя крупныхъ помѣщиковъ этой мѣстности, Волоколамскаго и смежнаго съ нимъ Старпцкаго уѣздовъ, я не упоминаю о тѣхъ, которые не жили постоянно въ деревняхъ, а наѣзжали только на лѣто въ свои помѣстья, какъ то, напримѣръ, старикъ Безобразовъ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, Головины, изъ которыхъ одинъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ, принявъ участіе за границей въ возмущеніяхъ смутной эпохи 1848-го года, и наконецъ князь Курakinъ, который вовсе не жилъ въ своемъ помѣстьѣ, но у котораго въ домѣ находилась замѣчательная картинная галлерей.

Чтобы довершить картину мѣстной жизни и дѣятельности названныхъ выше помѣщиковъ, надобно сказать, что по принятому тогда обычаю у нихъ были почти у всѣхъ борзые охоты въ полномъ составѣ. Преимущественно славились между знатоками охотниками Назимовская и Татищевская охоты. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи были только мой дѣдъ, мой отецъ и Н. Н. Муравьевъ.

Кромѣ умственныхъ и кабинетныхъ работъ, которымъ предавались многіе изъ этихъ несомнѣнно интеллигентныхъ людей, учушеніе нашего сельскаго хозяйства составляло ихъ общую заботу, служило темой ихъ постоянныхъ преній и разговоровъ и было предметомъ ихъ серьезныхъ и любимыхъ занятій. Между молодыми помѣщиками этой мѣстности мой отецъ былъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ практи-

*) Пушкинъ написалъ шуточное посланіе къ этому Эгерштрому.

ческихъ хозяевъ и особенно отличался своею дѣловою дѣятельностью; затѣмъ старинное родовое имѣніе моего дѣда, с. Лотошино, за служило уже тогда себѣ въ этомъ отношеніи извѣстность. Такъ какъ въ этомъ имѣніи все вниманіе было сосредоточено на выдѣлку самыхъ лучшихъ Швейцарскихъ сыровъ, что даже и въ настоящее время составляетъ его главный доходъ, то мой дѣдъ уже въ то время занялся улучшеніемъ скотоводства. Выписывая чистокровныхъ животныхъ изъ заграницы, онъ создалъ два многочисленныхъ и прекрасныхъ стада: одно чистокровной Тирольской породы, а другое чистокровной Голландской. Въ имѣніи было четыре випокурсиныхъ завода, доставлявшихъ обильное поило скоту, и кромѣ того, для улучшенія корма, довольно значительный свеклосахарный заводъ.

(Объ этомъ хозяйствѣ еще въ 1838 году въ журналѣ «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ» напечатана статья Шелехова подъ заглавіемъ: «Описаніе превосходно устроеннаго современнаго Русскаго сельскаго хозяйства съ зерновымъ трехпольнымъ полеводствомъ въ с. Лотошинѣ». Она пачпается такъ: «Кому неизвѣстно село Лотошино князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго?» Далѣе описывается прекрасное хозяйство, заводы Швейцарскаго сыроваренія, сахарнаго и випокуренныхъ заводовъ и затѣмъ благосостояніе крестьянъ. При этомъ авторъ говоритъ объ учрежденіи въ каждой деревнѣ опекуновъ изъ порядочныхъ и совѣстныхъ поселянъ для надзора за помещицами и обѣдѣвшими крестьянами. Безъ позволенія опекуновъ и допесенія конторѣ никто не могъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ, а тѣ, которые поправлялись и дѣлались исправными, выходили изъ опеки и т. под. Въ концѣ по этому поводу приводится поговорка крестьянъ этого имѣнія, выражающая благодарность помещику за сего о нихъ попеченіе въ слѣдующихъ словахъ: «приставилъ ты, батюшка, намъ голову къ плечамъ.....» «Неслыхано, говорили также крестьяне, чтобы изъ Лотошинской вотчины ходили по міру».

Въ этой же статьѣ упоминается о сынѣ Лотошинскаго помещика князѣ Василіи Ивановичѣ Мещерскомъ, совершившемъ важное хозяйственное предпріятіе въ сосѣднемъ своемъ имѣніи Ошейкинѣ, пожертвовавъ большую сумму денегъ на осушку огромнаго болота, съ котораго получается столько же сѣна, сколько со всего Лотошинскаго хозяйства, вчетверо болѣе по количеству состоящихъ въ немъ десятинъ землѣ. Статья заканчивается слѣдующими про моего отца словами: «честь, хвала и деньги молодому, дѣятельному, разсудительному сельскому хозяину!»

Затѣмъ о познаніяхъ и дѣятельности выдающагося тогда помѣщика, нашего сосѣда, Николая Николаевича Муравьева нечего и говорить: о нихъ свидѣлствуетъ то обстоятельство, что онъ положилъ начало существованію Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, перваго во всей Россіи, и что онъ же былъ создателемъ и учредителемъ Земледѣльческой Школы въ Москвѣ.

Попытно, что во всѣхъ имѣніяхъ названныхъ помѣщиковъ были устроены пародныя школы, существовали больницы, и даже богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Въ этихъ школахъ преподавали лица изъ духовенства, а не подпазорные полціи учителя, какъ это бываетъ часто нынѣ въ земскихъ школахъ. Къ тому же во многихъ имѣніяхъ этихъ помѣщиковъ въ этихъ школахъ являлись помощниками учителей дочери помѣщиковъ, или кто нибудь изъ его домашнихъ женскаго пола, которыя преподавали съ большой охотой и усердіемъ какой нибудь изъ школьныхъ предметовъ.

Когда припоминаешь въ подробностяхъ этотъ бытъ, невольно рождается въ головѣ вопросъ: какія непредвидѣнныя, чрезвычайныя обстоятельства, или какія высшія государственныя соображенія могли заставить не только оскудѣть, но даже вовсе стереть съ лица земли Русской всѣ эти центры интеллигенціи земледѣльческаго прогресса, а стало-быть источника нашего народнаго богатства? Центры, эти тогда были по всей Россіи.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, страшная судьба постигла наше сельское хозяйство?!.. Со времени царя Микѣлая Θεодоровича, занимавшагося усердно земледѣліемъ, что видно по сохранившимся отчетамъ его подмосковнаго имѣнія (гдѣ сѣяли пшеницу) до той эпохи, о которой говорится выше, всѣ трудились; все, что слѣдо на землѣ, усердно занималось улучшеніемъ нашего сельскаго хозяйства, доведеннаго до той степени культуры, что потомки этихъ труженниковъ не могли ихъ превзойти до разгрома, постигнаго всѣ наши хозяйства въ шестидесятыхъ годахъ.

Въ настоящее время новое Министерство Земледѣлія сплитъ всѣмъ возможнымъ искусственнымъ мѣрамъ, весьма дорого стоящимъ государству, вновь вызвать къ жизни эти мѣстные центры когда-то кипучей дѣятельности, отъ которыхъ остался одинъ прахъ, но.... едва ли ему удастся гальванизмомъ вызвать къ жизни этотъ, увы, мертвый трупъ.

Дѣлая характеристику нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому избранному обществу помѣщиковъ, которое я описываю, я въ заключеніе долженъ упомянуть о болѣе всѣхъ выдающейся личности, а именно о проживавшей постоянно въ селѣ Лотошинѣ нашей бабушкѣ, княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской, рожденной Всеволодской.

Она была женщина строгой жизни, очень пріятной паружности; ее всѣ любили и уважали, но и немного побалывали. Она имѣла обыкновеніе высказывать свои мнѣнія безъ околичностей и всѣмъ говорить правду въ глаза, что не всѣмъ нравилось, но къ чему всѣ привыкли и что придавало этой замѣчательной старушкѣ особую оригинальность.

Я всегда находилъ справедливымъ то замѣчаніе, что въ образованныхъ Европейскихъ обществахъ каждая историческая эпоха имѣла свой особый типъ даже наружный какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; напримѣръ, совершенно вѣрно, что типъ нашей бабушки имѣлъ необыкновенное сходство съ большинствомъ портретовъ, писанныхъ въ то время знаменитой Французской художницею мадамъ Лёбрёнъ и, можно сказать, что она такъ и просилась на полотно знаменитой портретистки.

Она была выше средняго роста, ходила всегда въ бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго видѣлись сѣдые волосы, а два довольно длинныхъ бѣлыхъ локона окаймляли ея умное лицо и выдающіеся свѣтлоглубые глаза. Она носила всегда черное кашемировое платье самаго простаго фасона, была довольно подвижная и не выходила иначе какъ съ палочкой и со своей любимой собачкой *Кенз* (Французской породы сетерь, красивый, каштановаго цвѣта).

Бабушка была строго православная, соблюдала всѣ посты и всѣ правила церкви, что не мѣшало ей, въ своемъ образѣ жизни и въ своемъ міровоззрѣніи очень походить на Англійскихъ поэтистовъ. Она была Англоманка, очень много переводила, и печатала сочиненій съ Англійскаго языка, преимущественно тѣхъ простыхъ и превосходныхъ рассказовъ для дѣтей, которые въ Англіи составляютъ цѣлую литературу. Легкій оттѣнокъ въ ней Англійскаго методизма происходилъ столько же отъ ея глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, сколько отъ вліянія на нее простой и ясной религіозно-правственной Англійской литературы.

Она поддерживала частую переписку съ разными выдающимися личностями въ Россіи и за границей. Несомнѣнно, одна изъ са-

мыхъ интересныхъ была ея переписка съ государемъ Александромъ I-мъ, въ то время, когда онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма баронессы Крюденеръ. Къ великому нашему сожалѣнію она передъ самой кончиной своей сожгла эту переписку, вмѣстѣ съ письмами незабвеннаго нашего покойнаго іерарха митрополита Фларета, объяснивъ, сколько я помню, своимъ близкимъ этотъ поступокъ именно тѣмъ, что никто недостойнъ читать эти письма. Повидимому, она въ своей корреспонденціи съ государемъ Александромъ Павловичемъ боролась именно преобладавшимъ тогда на него вліяніемъ мистицизма и сведенборжизма знаменитой проповѣдницы баронессы Крюденеръ. Государь Александръ Павловичъ такъ близко прижималъ къ сердцу эту, такъ сказать, духовную полемику, что передъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, склоняясь уже тогда къ превосходству выраженныхъ ему въ письмахъ бабушки религіозныхъ убѣжденій, самъ заѣхалъ къ ней въ село Лотошино для личныхъ съ нею бесѣдъ. Я хорошо помню, что въ ея кабинетѣ, между множествомъ разныхъ портретовъ и картинъ, находилась одна небольшая литографія въ рамкѣ подъ стекломъ, изображавшая высочайшій пріѣздъ въ Бозѣ почившаго государя Александра Благословеннаго въ село Лотошино. Насколько же были близки духовныя сношенія бабушки съ покойнымъ митрополитомъ Фларетомъ, мнѣ сдѣлалось извѣстно тогда, когда я уже, будучи взрослымъ молодымъ человекомъ, счелъ своимъ долгомъ отправиться къ нему въ день ея смерти, чтобы извѣстить его объ ея кончинѣ; на что онъ, помолясь и сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, изъявилъ мнѣ свое желаніе отслужить самому въ нашемъ приходѣ надъ ней отпѣваніе и этимъ отдать дорогой для него покойницѣ послѣдній долгъ.

Покойная бабушка пользовалась въ семьѣ большимъ авторитетомъ, ея сужденія никѣмъ не оспаривались, потому что онѣ были всегда вѣрны; благодаря ея авторитету и вліянію, въ семьѣ не было ссоръ. Смѣло можно сказать, что если подобное дворянское гнѣздо въ то время было не одно только въ Россіи, то въ другихъ семьяхъ, несомнѣнно, такой другой замѣчательной женщины, какъ была покойная княгиня Софья Сергѣевна, трудно было встрѣтить.

Ея двѣ дочери: княжна Софья Ивановна и княжна Марья Ивановна (впослѣдствіи Гончарова) отличались унаслѣдованнымъ отъ нея замѣчательно - яснымъ умомъ и начитанностью; значительное различіе между ними и ихъ матушкой состояло въ томъ, что онѣ не лишены были большой дозы природнаго юмора, что располагало ихъ, во время молодости, слишкомъ щедро расточать свои насмѣшки надъ окружающими ихъ людьми.

Старшая изъ нихъ, княжна Софя Ивановна, осталась въ дѣвушкахъ и умерла почти 80-ти лѣтъ въ Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ она удостоилась имѣть помѣщеніе во время царствованія покойнаго государя Александра Николаевича. Она всю жизнь любила общество умныхъ людей и искала его. Онъ же, въ свою очередь, любилъ съ нею бесѣдовать и постоянно ее навѣщалъ; такимъ образомъ часто бывали у нея: Чаадаевъ (пріятель Пушкина), Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, князь Михаилъ Александровичъ Голлицынъ, а впоследствии: поэтъ Тютчевъ, Тургеневъ, графъ Алексій Толстой, Иванъ Сергѣевичъ Мамановъ, братья Карамзины и многіе другіе писатели и поэты, особенно дорожившіе ея дружбой.

Она высоко цѣнила умъ Чаадаева и Тютчева, но восторженное ея сердце влекло ее всегда къ Тургеневу и къ графу Алексію Толстому, къ которымъ она питала словно материнскія чувства. Изъ первыхъ почитателей блестящихъ качествъ ея ума и начитанности былъ Чаадаевъ, о которомъ часто упоминается въ запискахъ и воспоминаніяхъ многихъ выдающихся лицъ того времени. Онъ былъ небольшого роста, худой и довольно болѣзненного вида. Его наружность располагала къ нему людей добротою, выражавшеюся въ его глазахъ, необыкновенною пріятностію его манеръ и симпатичнымъ голосомъ; въ его наружности было что-то среднее между элегантнымъ католическимъ монашествомъ и философомъ Французскаго типа.

Его жизнь была полна такими же оригинальными случайностями, какъ оригиналенъ былъ его складъ ума и необычны его взгляды на вещи. Въ зрѣломъ возрастѣ надъ его головою стряслась бѣда: онъ сдѣлался жертвой своей оригинальности.

Въ тридцатыхъ годахъ, предпринявъ путешествіе за границу и объѣхавъ всю Европу, онъ былъ такъ пораженъ успѣхами Европейской цивилизаціи, что, невольно дѣлая сравненіе всего видѣннаго имъ на Западѣ съ тогдашнимъ состояніемъ его отечества, онъ задумалъ пайти средство вѣрное и скорѣйшее, чтобы вывести Россію изъ ея варварскаго состоянія. Задавшись этою мыслью, онъ напечаталъ въ «Телескопѣ» статью, въ которой сплился доказать, что Россія никогда не выйдетъ изъ своего полудикаго состоянія и, какъ могущественная держава, не можетъ никогда надѣяться вступить въ концертъ съ прочими просвѣщенными Европейскими націями, если она не отступится отъ православія и не вступить въ лоно Католической церкви.

Это дошло до государя Николая Павловича, который за это разгнѣвался на автора такого парадоксальнаго сочиненія и приказалъ,

объявивъ его умалпшеннымъ, запретить ему выѣздъ изъ Москвы и подвергнуть ежемѣсячно медицинскому освидѣтельствуванію.

Такое отчасти суровое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣткое наказаніе (смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на него) не лишено было нѣкоторой доли снисходительности, которую можно объяснить только тѣмъ, что графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, другъ Государя, по всей вѣроятности за него ходатайствовалъ. Впослѣдствіи графъ, съ которымъ Чаадаевъ учился на одной скамьѣ, всегда заѣзжалъ къ нему во время частыхъ проѣздовъ черезъ Москву, не смотря на то, что Чаадаевъ былъ въ опалѣ и подъ надзоромъ полиціи.

По этому поводу я вспоминаю довольно забавный случай. Послѣ постигшей его катастрофы Чаадаевъ жилъ на Старой Басманной, гдѣ имѣлъ прекрасную квартиру, и тамъ посѣщала его вся Московская интеллигенція. Онъ пользовался полной свободой, навѣщалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и казался совершенно свыкшимся со своимъ положеніемъ и равнодушнымъ ко всему съ нимъ приключившемуся, хотя въ душѣ всегда надѣялся, что положенная на него эпптимія рано или поздно будетъ снята и что его странному, аномальному положенію, чтобы не сказать болѣе, въ обществѣ настанетъ конецъ. Въ этомъ случаѣ онъ, хотя тайно, но крѣпко надѣялся на дѣятельное покровительство своего всепильнаго пріятеля графа Орлова, самаго разсѣянаго, забывчиваго и лѣпваго человѣка между всѣми сановниками, окружавшими тогда Государя. Вѣдному Чаадаеву пришлось однако случайно удостовѣриться въ тщетности своихъ надеждъ. Лѣтъ десять спустя послѣ постигшей Чаадаева опалы, графъ, снова проѣзжая черезъ Москву, по своему обыкновенію заѣхалъ навѣстить своего пріятеля. Хозяинъ принялъ, разумеется, гостя весьма радушно; бесѣда между пріятелями была очень оживленная и касалась по обыкновенію прошлаго. Долго они говорили, наконецъ графъ всталъ. Чаадаевъ проводилъ его въ переднюю, продолжая съ нимъ разговоръ. Когда же графъ надѣлъ уже шубу и галоши, то онъ остановился передъ Чаадаевымъ и, перемѣняя тонъ, съ озабоченнымъ видомъ обратился къ нему, говоря: «Ахъ, я забылъ у тебя спросить; скажи, пожалуйста, что ты такое написалъ противъ папы? Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Что тебѣ за охота была съ нимъ связываться?» и уходя добавлялъ: «Вотъ и пажилъ ты себѣ непріятности!» Чаадаевъ, писавшій о важномъ значеніи и пользѣ католичества и желавшій видѣть его торжество даже въ Россіи, былъ пораженъ какъ громомъ и, разумеется, ничего не могъ ему отвѣтить. Очевидно, графъ все забылъ и перепуталъ. Пожалуй и теперь среди сановниковъ найдутся такіе забывчивые пріят-

тели. Дѣло въ томъ, что надежды Чаадаева не сбылись, и до его смерти, постигшей его въ Москвѣ, никакой перемѣны въ его положеніи не послѣдовало.

Вспомнилъ объ этомъ замѣчательномъ по своему уму и по своей эрудиціи человѣкѣ, который имѣлъ тогда много сторонниковъ и въ особенности обожателейницъ, я не могу, не упомянуть о злой насмѣлкѣ нашего поэта и знаменитаго партизана Дениса Давыдова надъ Чаадаевымъ, въ томъ извѣстномъ его стихотвореніи подъ заглавіемъ «Современная пѣсня», въ которомъ, онъ, въ 30-хъ годахъ, такъ ѣдко критикуетъ тогдашнюю молодежь. Всѣ говорили тогда, что слѣдующіе стихи изъ этого произведенія относились къ Чаадаеву, а именно:

Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостинныхъ битъ привыкъ
Въ маленький набатикъ.
Всѣ кричать ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobis cum!“
И раздолье языкамъ
И ужъ тутъ не шутка!
И народамъ, и царямъ
Всѣмъ приходится жутко....

Объ остальныхъ лицахъ, поименованныхъ здѣсь и сохранившихъ во всю жизнь свою дружескія отношенія съ тетушкою моею княжною Софьей Ивановною Мещерскою, я не буду говорить, потому что они пользуются Европейскою извѣстностью. Скажу только нѣсколько словъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, о Михаилѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ и объ Иванѣ Сергѣевичѣ Мальцевѣ.

Князь Михаилъ Голицынъ былъ племянникъ весьма извѣстнаго тогда по богатству своему и высокому положенію, настоящаго Русскаго барина, князя Сергѣя Михайловича Голицына, который занималъ въ то время должность первоприсутствующаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ: должность, имѣвшая тогда гораздо болѣе значенія, чѣмъ въ настоящее время, потому что это учрежденіе было совершенно самостоятельное и не зависѣло отъ Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Князь Михаилъ Голицынъ воспитывался за границей и молодымъ человѣкомъ проживалъ въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ большія связи въ высшемъ Парижскомъ обществѣ, такъ какъ тетка его княгиня Евдокія Голицына, прозванная тамъ *Princesse Nocturne* (въ переводѣ *ночная*

княгиня, она обращала постоянно день въ ночь, а ночь въ день), супруга его дяди Сергѣя Михайловича Голицына, имѣла открытый домъ въ Парижѣ, гдѣ прожила много лѣтъ, принимая у себя высшее Французское общество и выдающихся тогда литераторовъ и ученыхъ. Князь Михаилъ изрѣдка покидалъ Парижъ и пріѣзжалъ въ Россію, чтобы навѣстить въ Москвѣ своего стараго котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Мнѣ между прочимъ рассказывалъ одинъ очевидецъ и другъ дома князя Сергѣя Михайловича не лишенную оригинальности подробность, указывающую, до какой степени князь Михаилъ, живя такъ долго въ Парижѣ, могъ офранцузиться.

Въ одинъ изъ его рѣдкихъ пріѣздовъ въ Россію для свиданія съ дядей, онъ прибылъ въ Москву въ Субботу вечеромъ и на другой день, вставъ рано утромъ, отправился къ обѣднѣ въ домовую церковь, зная, до какой степени его дядя строго требовалъ отъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, чтобы они соблюдали требованія православной церкви и своевременно приходили къ обѣднѣ.

На этотъ разъ племянникъ невольно исполнилъ въ точности строгое требованіе дяди и вошелъ въ церковь въ то время, когда только что начали читать часы. Псаломщикъ-старичокъ читалъ очень медленно, такъ что князь Михаилъ, отвыкнуши долго стоять на ногахъ въ церкви во время богослуженія, переминался съ ноги на ногу и наконецъ, потерявъ терпѣніе, обратился шепотомъ къ своему сосѣду, а именно къ знакомому мнѣ другу дома Голицыныхъ, съ такимъ восклицаніемъ на Французскомъ языкѣ: «Oh, mon Dieu, l'ennuyeux prédicateur!» въ переводѣ: «О, Боже, чтó за скучный проповѣдникъ!»

Впрочемъ князь Михаилъ Голицынъ, за исключеніемъ своего космополитизма, имѣлъ несомнѣнныя качества и недюжинныя дарованія. Онъ былъ необыкновенной доброты, снисходительности, и бесѣда съ нимъ была всегда занимательна. Онъ много писалъ и печаталъ на Французскомъ языкѣ брошюры философскаго содержанія. Впослѣдствіи онъ переѣхалъ въ Россію, женился на княжнѣ Долгорукой получилъ огромное наслѣдство отъ своего дяди *), имѣлъ сына и совершенно обрусѣлъ. Здоровья онъ былъ весьма плохого и не долго прожилъ послѣ своего брака. Онъ умеръ любимый и уважаемый всѣми, оставивъ молодую прелестную вдову, вышедшую впослѣдствіи за графа Сакена, нашего посланника въ Берлинѣ.

*) Бывши молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, я былъ шаферомъ на ихъ свадьбѣ.

Другой пріятель тетушки Софьи Ивановны былъ, какъ я упомянулъ выше, Михайлъ Ѳедоровичъ Орловъ, человекъ блестящаго ума, Европейскаго образованія и замѣчательно красивой наружности. Онъ чрезвычайно походилъ на типъ всѣхъ графовъ Орловыхъ, но самъ титула графскаго не имѣлъ. Я помню, что тогда говорили, будто онъ былъ незаконнымъ сыномъ графа Ѳедора Орлова и стало-быть братомъ Алексѣя Ѳедоровича Орлова, друга государя Николая Павловича. Слухи носились, что онъ за что-то впалъ въ немилость, что ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ Москвы и что онъ находился подъ надзоромъ полиціи будто бы за найденную у него переписку съ нѣкоторыми декабристами. Такіе слухи подтверждались тѣмъ обстоятельствомъ, что, будучи жевать на весьма извѣстной дочери генерала Раевского, при большомъ состояніи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, онъ проживалъ безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ и выстроилъ себѣ огромный барскій домъ на Пречистенкѣ, принадлежащій въ настоящее время г-ну Воронину.

Михайлъ Ѳедоровичъ былъ очень любимъ въ Москвѣ, и его постоянныя остроты служили вѣчно новинками и повторялись всѣми въ высшемъ Московскомъ обществѣ. Я впоследствии, будучи юношей и однолѣткомъ его сына Николая, находился съ нимъ въ большой дружбѣ и поэтому былъ въ домѣ очень хорошо принятъ его родителями.

Единственная дочь ихъ вышла впоследствии замужъ за моего однополчанина и сердечнаго друга князя Яшвиля.

Что же касается до Ивана Сергѣевича Мальцева, постоянно навѣщавшаго тетушку Софью Ивановну, онъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, потому что его мать была княжной Мещерской, сестрой моего дѣда. Онъ былъ замѣчательно пріятнымъ собесѣдникомъ, анекдотистомъ и острякомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считался въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ весьма искуснымъ дипломатомъ и лучшимъ совѣтникомъ извѣстнаго тогда министра Нессельроде.

Будучи очень скупымъ и имѣя огромные капиталы, которые онъ отчасти употреблялъ на весьма значительныя промышленныя предпріятія (такъ у него былъ громадный весьма извѣстный стеклянный заводъ во Владимирской губерніи и большая бумаго-прядильная фабрика подъ Петербургомъ), онъ слылъ миллионеромъ.

Въ этомъ послѣднемъ предпріятіи Иванъ Сергѣевичъ, имѣя самъ въ избыткѣ капиталы, взялъ однако себѣ въ компаніоны своего друга Соболевскаго, который помѣстилъ въ это дѣло весь свой капиталъ,

погибшій, нѣсколько лѣтъ спустя, вслѣдствіе страшнаго пожара, истребившаго всю эту громадную бумагопрядильню, одну изъ самыхъ первыхъ усовершенствованныхъ тогда въ Россіи.

Помню, что я, впослѣдствіи, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ посѣщалъ этихъ двухъ пріятелей за городомъ на этой фабрикѣ, гдѣ они вмѣстѣ жили въ прекрасномъ помѣщеніи, устроенномъ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и гдѣ они проводили зиму, принимая тамъ своихъ Петербургскихъ знакомыхъ, не смотря на то, что у каждаго изъ нихъ была въ городѣ своя квартира.

Немало удивлялись въ Петербургскомъ обществѣ оригинальной фантазіи этихъ двухъ холостяковъ, всегда веселыхъ и неистощимыхъ рассказчиковъ, затѣявшихъ обречь себя на отшельническую жизнь за городомъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Странно было видѣть такую тѣсную дружбу между этими двумя людьми, повидимому отъявленными скептиками и сухими эгоистами, не допускавшими, какъ говорили, ничего на свѣтѣ кромѣ денежныхъ интересовъ; немало было разговору въ Петербургѣ объ этихъ диковинныхъ отношеніяхъ между двумя пріятелями. Многіе утверждали, что они другъ другу завѣщали свои состоянія, при чемъ заподозрѣвали Соболевскаго въ корыстныхъ намѣреніяхъ, что немало озабочивало наслѣдниковъ огромнаго состоянія Мальцова, которыхъ было много, вслѣдствіе чего они обвиняли Соболевскаго въ какомъ-то гипнотическомъ вліяніи на своего пріятеля, боясь, что этимъ вліяніемъ онъ могъ злоупотребить для составленія духовнаго завѣщанія въ свою пользу. Однако все это было простой уткой, какъ оказалось впослѣдствіи.

Соболевскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ; онъ самъ нерѣдко писалъ очень удачно стихотворенія шуточного содержания. Одно изъ самыхъ удачныхъ его стихотвореній подобнаго рода было имъ написано объ его пріятелѣ князѣ Одоевскомъ, писателѣ и ученомъ, умершемъ въ Москвѣ сенаторомъ. Князь, ревностный юристъ, былъ извѣстенъ своимъ добродушіемъ, мягкостью характера и необыкновенною снисходительностью. Онъ обладалъ большимъ запасомъ свѣдѣній, но какъ-то они всѣ у него въ головѣ перепутывались, и онъ слишкомъ часто ихъ прилагать къ дѣлу не во время и не къ мѣсту. Соболевскій очень забавно говорить объ этомъ:

Случилось разъ во время бѣно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ комитетъ ученыхъ
Зовутъ тебя, князь Воицдемаръ.

Собразивши этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Роттердамъ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикъ ходилъ.
Одушевленный симъ примѣромъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ,
Таинственно главою поникъ.
Комаръ въ обширнѣйшемъ значеннѣ,
Ты возгласилъ, есть Божья тварь;
Но въ музыкальномъ отношеннѣ
Межъ насѣкомыхъ — онъ звонарь.
И если онъ, паденьемъ въ полъ
Не причинилъ лѣсамъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

Когда въ 60-хъ годахъ я посѣтилъ Испанію, то мнѣ тамъ рассказывали, что Соболевскій во время своего пребыванія въ Мадридѣ оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ весьма богатый, очень красивой наружности и имѣвшій большой успѣхъ въ высшемъ обществѣ. Чтобы быть вездѣ принятымъ съ достоюльнымъ почтеньемъ, онъ употребилъ маленькую и весьма невинную хитрость, а именно: уѣзжал за границу на долгое время, онъ взялъ у своего банкира *кредитизъ* на все свое состояніе, состоявшее изъ довольно почтенной суммы, кажется въ миллионъ франковъ. Размѣръ этой суммы, взятой, повидимому, на путевые расходы, производилъ ошеломляющее дѣйствіе на иностранныхъ банкировъ во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ останавливался, и слухъ о его огромномъ состояніи разумѣется распространялся въ этомъ городѣ, въ обществѣ и въ мѣстныхъ магазинахъ. Тоже самое произошло и въ Мадридѣ при пріѣздѣ туда Соболевскаго. Мнѣ рассказывали, что онъ, между прочимъ, особенно былъ хорошо принятъ въ домѣ нѣсколько уже разорившейся тогда герцогини Монтихо, дочь которой, красавица Монтихо, которая впоследствии была Французской императрицей, такъ заинтересовалась Соболевскимъ, что весь городъ говорилъ о будущей ихъ свадьбѣ. Разумѣется Соболевскій воспользовался всѣми выгодами своего исключительнаго положенія въ Мадридскомъ обществѣ и затѣмъ продолжалъ свое путешествіе, не думая нисколько о супружеской жизни и не мечтая ни одной минуты о подобномъ бракѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ въ свою очередь былъ недюжиннаго ума и замѣчательнымъ юмористомъ, такъ что въ обществѣ этихъ двухъ пріятелей нельзя было скучать, чѣмъ и объясняется безпрестанный къ нимъ пріѣздъ на фабрику гостей изъ Петербурга.

По поводу необычайной скупости Ивана Сергѣевича одинъ очевидецъ рассказывалъ мнѣ очень забавный случай о любимомъ его

племянникъ Калошина, бывшемъ секретарѣ посольства въ Мадридѣ. Когда Калошина сдѣлали камеръ-юнкеромъ, то это весьма обрадовало его дядю Мальцова, который не замедлил его очень радушно и тепло поздравить съ этимъ лестнымъ отличіемъ, причѣмъ увѣдомилъ его, что онъ по этому случаю желаетъ сдѣлать ему подарокъ, а именно подарить ему парадный, золотой, шитый камеръ-юнкерскій мундиръ. Разумѣется, племянникъ былъ весьма растроганъ этимъ щедрымъ подаркомъ со стороны его дяди, никогда его не баловавшаго такими щедростями, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать присылки этого подарка. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ немало былъ удивленъ содержаніемъ письма, полученнаго имъ отъ Ивана Сергѣевича, который его извѣщалъ о плохомъ состояніи своего здоровья, объ упадкѣ силъ и даже намекнулъ, хотя довольно туманно, о своей близкой кончинѣ. Письмо вообще было самого грустнаго содержанія и заключало въ себѣ жалобу на свое одиночество въ такое время, когда онъ нуждался въ присутствіи близкаго къ нему человѣка, при чемъ выражалъ ему свое соболѣзнованіе, что любимый его племянникъ, находясь въ такомъ большомъ отъ него отдаленіи, не можетъ къ нему пріѣхать въ Петербургъ. Такой необычный, минорный тонъ всего письма дяди невольно поразилъ Калошина, такъ что онъ серьезно сталъ заботиться о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, чтобы навѣстить больного дядю и застать его въ живыхъ. Онъ недолго думая рѣшился взять отпускъ и тотчасъ отправился въ Петербургъ. Пріѣхавши въ домъ Мальцова на Моховой, гдѣ въ третьемъ этажѣ Иванъ Сергѣевичъ занималъ небольшое помѣщеніе у своего двоюроднаго брата, онъ тотчасъ же освѣдомился у его камердинера о состояніи здоровья больного. Когда камердинеръ доложилъ Ивану Сергѣевичу о прибытіи племянника, то дядя съ торжественностью вышелъ къ нему навстрѣчу, держа на рукахъ своихъ шитый камеръ-юнкерскій мундиръ, который онъ ему поднесъ въ даръ. Оказалось, что дядя его находился въ совершенномъ здравіи и вызвалъ его изъ Мадрида въ Петербургъ только потому, что, потративши немало денегъ на заказанный племяннику мундиръ, онъ не могъ рѣшиться добавить къ этому еще лишній довольно значительный расходъ на доставку этого мундира изъ Петербурга въ Мадридъ. Тогда все разъяснилось. Разумѣется, всѣ путевые расходы на пріѣздъ племянника въ Петербургъ и обратно въ Мадридъ должны были быть сдѣланы самимъ Калошинымъ, и дядя такимъ образомъ избѣгъ расхода на доставку мундира въ Мадридъ.

Необходимо однако при этомъ замѣтить, что Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ хотя былъ несомнѣнно человѣкъ чрезвычайно расчетливый,

но не всегда былъ скупъ до такой крайности, чтобы не помогать иногда своимъ родственникамъ, когда они находились дѣйствительно въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи; такъ напр. мнѣ довелось узнать, что онъ нѣсколько разъ помогалъ своей двоюродной сестрѣ, а моею тетуси, княжнѣ Софѣ Ивановнѣ Мещерской, въ тѣхъ случаяхъ, когда она нуждалась въ его родственной помощи; разумѣется, эти случаи были рѣдки, и родственная услуга, оказываемая имъ въ этомъ случаѣ моею тетуси, можетъ считаться несомнѣннымъ доказательствомъ его исключительной къ ней симпатіи и привязанности.

Онъ въ сущности былъ добрымъ человѣкомъ, но, не смотря на его развитость и нравственные качества, онъ не могъ избѣгнуть того пагубнаго вліянія, которое имѣетъ на всѣхъ богачей ихъ огромное состояніе, служа, такъ сказать, центромъ всѣхъ возможныхъ посягательствъ на ихъ добро со стороны массы нуждающихся людей. Всѣ, можно сказать, богатые люди невольно дѣлаются не только неотзывчивыми и равнодушными, но и ожесточаются, находясь постоянно въ какомъ-то раздраженіи и негодованіи на неимущихъ, посягающихъ на ихъ добро въ формѣ письменныхъ или изустныхъ прошеній. Таковъ былъ и Мальцовъ.

Я помню, что я встрѣтилъ его племянника Калошина въ Мадридѣ во время моего путешествія въ Испанію, гдѣ онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, въ особенности тогдашней королевой Изабеллой, которая обращала на него особое милостивое вниманіе.

По поводу этого дальняго моего родственника я не могу не припомнить одно весьма забавное стихотвореніе его. Онъ дѣлаетъ сравненіе Испаніи съ Россіей въ слѣдующихъ строкахъ:

Князей Варяжскихъ призывая,
Славянскій порѣшилъ совѣтъ
Сказать имъ: наша Русь большая,
Но на Руси порядка нѣтъ.

*

За Пиринскими горами
Лежитъ такая же страна:
Богата дивными дарами,
Но безъ порядка и она.

*

Здѣсь также куча грязныхъ станцій
И недостатокъ лошадей,
Такое жъ множество истанцій
И подкупаемыхъ судей.

*

Тутъ есть кремль, есть и соборы;
Клоповъ и тутъ не перечестъ;
Есть и рекрутскіе наборы;
Въ пѣхотѣ даже каски есть.

*

Тутъ конституція созрѣла,
Но вышло какъ-то на одно:
Лишь явится какое дѣло,
Его здѣсь также—подъ сукно.

*

Гитара таже балалайка;
Цыганки тѣже чтó у насъ;
Чиновниковъ такая жъ шайка,
Отвѣтъ „а hoga“, „нашъ сейчасъ“.

.

Порядкомъ изучивъ Испанцевъ,
Я къ заключенью прихожу:
Что, кромѣ свѣжихъ померанцевъ,
Все тоже дома нахожу.

Впослѣдствіи, повидимому, И. С. Мальцовъ нѣсколько охладѣлъ къ своему любимому и даровитому племяннику за то, что онъ женился по любви на одной Испанкѣ средняго круга, не имѣвшей никакого состоянія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи И. С. Мальцевъ оставилъ Калошину только 250 тыс., а всѣ свои миллионныя капиталы и имѣнія завѣщалъ другому своему племяннику, Ю. Д. Нечаеву.

Окончивъ этими строками характеристику лицъ, столько лѣтъ бывшихъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ моей тетушкой Софьей Ивановной, я долженъ, описывая наше семейство, сказать нѣсколько словъ, хотя болѣе кратко, объ остальныхъ членахъ семейства.

Младшая сестра моего отца и княжны Софьи Ивановны, тетушка моя Марья Ивановна была съ молодости очень красива и соединяла блестящія дарованія и остроуміе съ подкупающей добротой и съ необыкновенной пылкостью и отзывчивостью сердца. Вскорѣ вышедши замужъ за Ивана Николаевича Гончарова, она изъ беззаботной, веселой и непосредственной натуры, какой она была, преобразилась въ самую тихую и нѣжную жену и мать. Я помню до сихъ поръ одинъ случай въ моей молодости, доказывающій, до какой степени она была добра и жалостлива. Однажды, пріѣхавъ къ намъ гостить на нѣсколько дней въ с. Ошейкино, и случайно узнавъ отъ родителей, сколько я мучился надъ Французскимъ правописаніемъ и грамматикой, она обратилась въ мои репетиторы и по цѣлымъ часамъ занималась со мною грамматикой и Французскимъ диктантомъ, проводя свое время въ этомъ скуч-

номъ занятіи вмѣсто того, чтобы пользоваться удовольствіями, которыя были приготовлены для нея моимъ отцомъ, горячо любившимъ ее.

Сынъ ея, Александръ Ивановичъ Гончаровъ, унаслѣдовавшій отъ нея ея умъ и всѣ ея нравственныя качества, былъ предметомъ всѣхъ ея заботъ. Онъ былъ очень даровитый молодой человѣкъ, получилъ образованіе въ Училищѣ Правовѣднія и впослѣдствіи женился на прелестной М. А. Озеровой. Я сохранилъ до сихъ поръ съ нимъ не только родственныя, но и самыя теплыя братскія отношенія.

За симъ я не буду здѣсь говорить о моемъ дядѣ Петрѣ Ивановичѣ, женатомъ на второй дочери нашего знаменитаго исторіографа Карамзина, такъ какъ онъ проживалъ въ с. Лотошинѣ только въ лѣтнее время и такъ какъ я буду имѣть случай говорить о немъ, о женѣ его Екатеринѣ Николаевнѣ и о его дѣтяхъ въ другомъ мѣстѣ моихъ Записокъ.

Дядь мой, князь Иванъ Сергѣевичъ Мещерскій, какъ было о немъ сказано выше, былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Трубецкой, отъ которой имѣлъ только одного сына, а именно моего отца князя Василія Ивановича, а вторымъ бракомъ былъ женатъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Всеволожской. У него было два брата: князь Петръ Сергѣевичъ, бывшій прокуроръ Святѣйшаго Синода, женатый на графинѣ Чернышевой, сестрѣ военнаго министра, и князь Василій Сергѣевичъ, который, кажется, былъ одержимъ психической болѣзнью и умеръ холостымъ.

Дядь мой князь Иванъ Сергѣевичъ, движимый патріотическимъ чувствомъ, которое проявилось такъ сильно въ нашемъ обществѣ въ 1812-мъ году, имѣя самъ значительное состояніе и поэтому не думая о наживѣ, рѣшился предложить въ то время свои услуги Военному Министерству съ цѣлью взять на себя подряды по снабженію нашей арміи провіантомъ во время народной войны. Для этого онъ взялъ себѣ въ компаніоны одного изъ лучшихъ тогда людей изъ Московскаго торговаго сословія, а именно богатаго купца Варгина, гениальнаго по своей части человѣка и не менѣе моего дѣда одушевленнаго патріотическимъ чувствомъ и желаніемъ помочь правительству въ это тяжелое для него время.

Все это однако кончилось весьма печально. По окончаніи войны казна осталась имъ должна на нѣсколько милліоновъ; дѣло это тянулось въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ которыя они не могли добиться никакой уплаты, и все это кончилось полнымъ для обоихъ разореніемъ. Ближайшіе родственники, а именно княгиня А. С.

Голицына, сестра бабушки Софьи Сергѣевны, спасли князю Ивану Сергѣевичу его имѣніе, с. Лотошино, купивши его не безъ труда довольно дешево при содѣйствіи Тверскаго губернатора, которымъ былъ въ то время братъ бабушки Софьи Сергѣевны, Николай Сергѣевичъ Всеволожскій, и по вольной цѣнѣ, по особому высочайшему повелѣнію государя Александра Павловича.

Купецъ Варгинъ также былъ до тла разоренъ и на скудные свои остатки выкупилъ домъ на Тверской площади, въ которомъ досихъ поръ меблированныя квартиры носятъ его названіе, такъ же какъ и домъ, составляющій собственность его наслѣдниковъ.

Повидному этотъ разгромъ состоянія такъ подѣйствовалъ на моего дѣда, что онъ совершенно упалъ духомъ и не принималъ болѣе никакого участія въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, передавъ все въ руки бабушкѣ Софьѣ Сергѣевнѣ и обрекая себя добровольно на какую-то отшельническую и созерцательную жизнь.

Сколько я о немъ теперь припоминаю, онъ былъ весьма ласковъ и добръ со всѣми, но очень рѣдко принималъ участіе въ разговорѣ, любилъ уединяться въ своемъ апартаментѣ, гдѣ, съ трубкою въ зубахъ, по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ былъ во время своей молодости адъютантомъ знаменитаго графа Брюса и, сколько мнѣ помнится, выказывалъ нѣкоторое оживленіе только тогда, когда разговоръ касался этой эпохи.

Онъ пережилъ нѣсколькими годами свою супругу Софью Сергѣевну, умеръ у своей сестры княгини Натальи Сергѣевны Трубецкой и похороненъ со всѣми другими членами нашего семейства въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Я сдѣлалъ характеристику моихъ родныхъ, жившихъ тогда въ своихъ помѣстьяхъ, а также и нашихъ сосѣдей, чтобы изобразить ту среду, въ которой мы всѣ росли и развивались до юношескаго возраста.

Среда, въ которой человѣкъ проводитъ свою молодость, имѣетъ великое на него вліяніе: она создаетъ въ немъ тѣ идеалы, которые онъ сохраняетъ на всю жизнь.

Хорошо, когда эта среда не идетъ въ разрѣзъ и не противорѣчитъ началамъ религіи и нравственности, насаждаемымъ родителями въ своихъ дѣтахъ, какъ это слишкомъ часто бываетъ въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ явились въ нашемъ обществѣ непрощенные и непризванные проповѣдники - лжеучители, кото-

рые даже пзмыслили собственные Евангелія. Общество, въ которомъ зрѣеть юноша, разумѣется, есть счастливая случайность и можетъ только развить и дополнить то, что юноша приобрѣлъ въ своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ отъ хорошихъ родителей.

Говоря о хорошихъ родителяхъ, я вспоминаю о нашей семейной жизни въ семь Ошейкиныхъ и прежде всего считаю долгомъ почтить память моего отца и матери.

Съ душевнымъ волненіемъ до сихъ поръ вспоминаю я о своей покойной матери и, принимаясь о ней говорить, невольно сравниваю ее съ собою и чувствую всю свою нравственную убогость. Такой несокрушимой вѣры, чистоты и кротости я въ жизни никогда ни въ комъ не встрѣчалъ. Я не могу вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія про неустанныя и нѣжныя, хотя трезвыя и благоразумныя, ея заботы о всѣхъ насъ. Когда я думаю о своей молодости, то цѣлый рой разныхъ случаевъ проявленія ея материнской любви къ намъ толпится въ моей головѣ. Образъ этой святой женщины встаетъ предо мною, какъ живой. Она была замѣчательно стройная, немного выше средняго роста, держалась всегда прямо, но безъ принужденія; всѣ движенія ея были немного медленны и граціозны, но безъ всякой рисовки. Замѣтна была въ ней съ дѣтства большая выдержанность: это былъ типъ настоящей аристократки. У нея были каштановые волосы, и довольно длинные локоны окаймляли ея нѣсколько продолговатое лицо. Глаза у нея были большіе, голубые, бирюзоваго цвѣта, некруглые, по миндалеобразной формы; брови ея были какъ нарисованныя, прямыя, спускаясь только по концамъ. Взглядъ ея былъ необыкновенно кроткій и свѣтлый; носъ чрезвычайно тонкій, Греческій, съ самой легкой горбиной посреди; ротъ маленькій, подбородокъ небольшой. Словомъ, правильныя черты ея лица могли бы служить хорошему художнику-скульптору прекрасной моделью для изображенія Греческой статуи.

Среди ея многочисленныхъ занятій по нашему воспитанію (она присутствовала часто при нашихъ урокахъ), по хозяйству, по садоводству и по благотворительнымъ своимъ заведеніямъ, которыя она посѣщала часто, она еще находила возможнымъ много удѣлять времени своему мужу, который ее боготворилъ и безпрестанно за ней посылалъ, чтобы между дѣломъ, во время отдыха отъ своихъ трудовъ, которыхъ у него всегда было въ избыткѣ, побыть съ нею и отдохнуть возлѣ своей вроткой спутницы и друга. Ей на все доставало времени.

Скоро пхъ чета, какъ въ семьѣ, такъ и между знакомыми, прослыла образцомъ супружескаго счастья. Дѣйствительно, я не помню, чтобы въ продолженіе десятилѣтняго нашего пребыванія въ с. Ошей-княѣ я когда нибудь замѣтилъ какое нибудь несогласіе между отцомъ моимъ и матерью, хотя въ однообразной и тихой деревенской жизни всякая особенность принимаетъ размѣры событія, и по всей вѣроятности я помнилъ бы, если бы какое нибудь несогласіе между родителями произошло при мнѣ.

Сколько разъ я въ своей жизни вспоминалъ тѣ святые материнскіе правоученія и совѣты, которые она мнѣ давала, и какъ часто она мнѣ указывала путь, или останавливала меня на краю пропасти? Ея слова оставались какъ-то невольно въ памяти; они были просты, ясны, сжаты и отличались особымъ краснорѣчіемъ, потому что они проникнуты были всегда духомъ Евангельскимъ и глубокою вѣрою.

И такова наша слабая человѣческая натура, и до такой степени сильны въ человѣкѣ животные инстинкты, что человѣкъ можетъ такъ часто, во время своей бурной молодости, забывать даже и подобныя наставленія, преподанныя ему такою матерью!!

Теперь, доживши до старости и оборачиваясь назадъ, я сознательно могу судить и оцѣнять то вліяніе, которое моя мать имѣла на меня въ продолженіи моей жизни. Увы! Почему ея нѣтъ теперь въ живыхъ, чтобы я имѣлъ возможность исправить ошибки моего прошлаго по отношенію къ ней, а именно: недостатокъ вниманія и любви; словомъ, вознаградить ее за все, чтò она сдѣлала для меня, неблагодарнаго, своего любимаго, сына? Я чувствую, что я остался передъ ней въ какомъ-то огромномъ неоплатномъ нравственномъ долгу.

Наше дѣтство было самое счастливое подъ эгидою этой идеальной матери, при правильномъ распредѣленіи занятій и среди самой тихой и невозмутимой деревенской жизни.

Наша старая нянька Татьяна Осиповна была настоящій неподражаемый типъ хорошей Русской няньки прежняго времени. Привязанность ея къ намъ была безграничная, такъ же какъ ея неутомимость. Она была чрезвычайно набожная, добрая, но не доводила своей доброты съ нами до баловства.

Она вырастила шестерыхъ изъ насъ; затѣмъ, кончивъ свое дѣло, она долго служила въ нашемъ домѣ экономкой и наконецъ въ глубокой старости dokonчила свой вѣкъ на пенсіи у меня въ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и похоронена возлѣ церкви.

Она въ послѣдніе годы своей жизни крѣпко была огорчена тѣми заботамъ, которыя должны были, по ея глубокому убѣжденію, несомнѣнно сопровождать для меня великое дѣло освобожденія крестьянъ. Замѣчательно при этомъ то глубоко тронувшее меня обстоятельство, что, чувствуя близкій свой конецъ, она приказала просить меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ ней въ ея небольшую, но чистенькую комнатку, она, усадивъ меня около своего изголовья, умоляющимъ, но твердымъ голосомъ передала мнѣ свою послѣднюю волю, которая состояла въ томъ, чтобы я изъ ея капитала, накопленнаго изъ ея сбереженій за 50 лѣтъ ея службы у насъ въ домѣ, сдѣлалъ бы всѣ указаные ею расходы на ея погребеніе и вклады въ церкви за упокой ея душъ, входя при этомъ во всѣ подробности самыхъ похоронъ.

Когда послѣ этого оказалось, что за всѣми этими расходами изъ ея капитала остатокъ представлялъ довольно крупную относительно сумму въ 300 рубл., то эта трогательная женщина и вѣрная слуга со слезами отъ волненія и умоляющимъ голосомъ стала меня просить не отказать ей принять отъ нея это наслѣдіе, наивно, но чистосердечно полагая, что эти 300 рубл. могутъ облегчить меня въ моемъ, завѣдомо ей извѣстномъ, страшно - затруднительномъ и тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе эмансипаціи и требуемыхъ за сймъ по имѣнію отъ меня значительныхъ расходовъ.

Я былъ нѣсколько пораженъ этою неожиданностью и очень растроганъ. Чтобы не огорчить добрую старуху въ такую минуту, я долженъ былъ на ея нѣсколько разъ повторенную усердную просьбу отвѣтить моимъ согласіемъ, успокоивъ ее, насколько это было возможно, относительно достатка моихъ будущихъ денежныхъ средствъ, такъ какъ она видимо надѣялась своими 300 рублями спасти меня отъ казавшагося ей конечнаго разоренія. Разумѣется, послѣ ея смерти, не полагая этимъ взять большой грѣхъ на душу, я внесъ эти деньги вкладомъ отъ ея имени въ нашу деревенскую церковь.

Возвращаясь къ моему дѣтству, я долженъ сказать, что мы трое старшихъ, т. е. братъ мой Борисъ, сестра Елена и я, составляли въ семьѣ старшую группу дѣтей, имѣвшихъ общія игры и занятія и тѣсно связанныхъ между собою дружбою. Я страстно любилъ своего старшаго брата и во всемъ ему подражалъ, а сестрѣ оказывалъ всегда помощь и свою протекцію.

У каждаго изъ насъ неподалеку отъ дома въ саду были свои маленькіе садики, которые мы украшали и устраивали сами; посреди

былъ выстроенъ для насъ домикъ круглый, въ которомъ была мебель и хранились наши садовые инструменты.

Я помню при этомъ одинъ своеобразный случай со мною, а именно. Недолго интересовалъ меня мой собственный садикъ, въ которомъ я ограничился только посадкой двухъ картофелинъ; я нѣсколько разъ принимался за работу въ моемъ садикѣ, но работа какъ-то не спорилась; она страшно меня какъ-то утомляла, и я съ отчаянія бросалъ свою лопатку или грабли. Но все данное намъ на это занятіе время я усердно употреблялъ для распланировки и украшенія цвѣтами сада моей сестры, въ которомъ я работалъ неустанно, съ особеннымъ удовольствіемъ и трудился въ потъ лица, разумеется съ помощью одного изъ садовыхъ мальчиковъ. Садикъ же мой оставался въ полномъ запустѣніи и одичаніи, кромѣ двухъ огромныхъ кустовъ картофеля, выросшихъ отъ посаженныхъ мною сѣмянъ и которые имѣли очень большой успѣхъ въ семействѣ, такъ какъ по вырытіи моими собственными руками огромнаго количества превосходнаго картофеля, я имѣлъ удовольствіе отдать его на кухню и угощать за ужиномъ все семейство собственными трудами выращенною любимою овощью. Старшій же мой братъ былъ очень прилеженъ и учился лучше всѣхъ насъ.

Сестра моя была живая дѣвочка и любила играть со мною въ мужскія игры, тогда какъ братъ въ тоже время любилъ заниматься съ куклами. Мы были вообще рѣзвые и здоровыя дѣти и рѣдко болѣли. Самымъ большимъ удовольствіемъ нашимъ было катанье верхомъ по праздникамъ и ежедневныя наши прогулки пѣшкомъ въ с. Брыково, верстахъ въ двухъ разстоянія.

Мы часто по воскресеніямъ ѣзжали съ нашимъ менторомъ въ с. Лотошино къ бабушкѣ. Къ сосѣдямъ насъ не возили, за исключеніемъ старухи Марьи Степановны Татищевой, жившей въ семи верстахъ отъ насъ и питавшей къ намъ какую-то особенную нѣжность. Марья Степановна придумывала для насъ разные игры и забавы, между прочимъ катанье съ горъ въ зимнее время. Въ этомъ случаѣ она всегда насъ поручала своему самому ловкому лакею Дмитрію Баранову, который былъ мастеръ этого дѣла и каталъ насъ съ необыкновенною ловкостью всѣхъ поочереди. Слишкомъ 20 лѣтъ спустя, этотъ самый Дмитрій Барановъ, уже женатымъ человѣкомъ, поступилъ ко мнѣ по возвращеніи моемъ съ Кавказа. Онъ состоялъ на должности моего камердинера 36 лѣтъ и затѣмъ, въ глубокой старости, со всѣмъ своимъ семействомъ дожилъ у меня на пенсію въ подмосковномъ моемъ имѣніи Покровскомъ, гдѣ и былъ похороненъ рядомъ съ моей нянею Татьяной

Осповной. Замѣчательно, что даже подь старость всякій разъ, когда доходилъ до него слухи о какой нибудь мнѣ наградѣ или о какомъ нибудь моемъ повышеніи, онъ собиралъ свое семейство и праздновалъ этотъ день, какъ день семейной радости. Миръ праху вашему, слуги добрые и вѣрные. Вы несомнѣнно въ числѣ праведниковъ на небеси и молитѣ Бога о насъ грѣшныхъ!.. Гдѣ нынче подобные люди, воспитанные въ страхѣ Божиѣмъ и въ самомъ строгомъ исполненіи своего долга? Увы! отнынѣ и въ будущемъ нѣтъ никакой надежды когда нибудь встрѣтить въ нашемъ простонародьи подобныхъ людей.

Все семейство Дмитрія Баранова было замѣчательно кроткое и пропитанное христіанскимъ вѣроученіемъ. Дѣти его, кромѣ сына, помѣщенного мною въ Земледѣльческую Школу и оказавшагося впоследствии неудачникомъ, служили и до сихъ поръ служатъ въ моемъ домѣ съ свойственною имъ кротостью и беззавѣтною преданностью. Жена его и сестра ея пережили старика и кончили долгій вѣкъ свой въ моемъ домѣ прѣмѣрными христіанками.

Въ продолженіе 50 лѣтъ, подобныхъ старыхъ слугъ (разумѣется съ разными оттенками нравственнаго достоинства) дожило свой вѣкъ на пенсіи въ моей подмосковной человекъ до семи, и никто изъ нихъ не былъ съ молодости изъ числа нашихъ крѣпостныхъ людей.

Чтобы вернуться къ мѣлкому нашему Ошейкину и къ нашей юности, я долженъ сказать, что мы очень любили нашего гувернера Дюбуа (Dubois), краснощекаго, веселаго Швейцарца, человекъ откровеннаго, честнаго и практическаго ума. Онъ умѣлъ насъ учить и умѣлъ забавлять. Урокъ начинался въ 8 часовъ утра и продолжались только до часу, т. е. до завтрака.

Занимаясь съ нами, Дюбуа ставилъ намъ отмѣтки по четырехбалльной системѣ, при чемъ общій сумма балловъ у каждаго изъ насъ ежедневно имѣла большое значеніе; ибо, по окончаніи завтрака, мы выходили на стрѣльбище въ садъ, и каждый изъ насъ имѣлъ право дать столько выстрѣловъ изъ нашихъ маленькихъ пистолетовъ въ цѣль, сколько получалъ балловъ за свои отвѣты въ этотъ день. Этотъ способъ поощренія насъ очень забавлялъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ шутя мы научились отлично стрѣлять. Послѣ этого мы всегда дѣлали съ г-номъ Дюбуа хорошую прогулку пѣшкомъ. Послѣ обѣда у насъ не было занятій, а только приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню.

Гувернантка моей сестры, mademoiselle Ле-Роя (Le Roy), которая давала намъ уроки, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ле-Роя ско-

рѣе походила на методистку: всякій вечеръ она псповѣдывала мою сестру во всѣхъ ея грѣхахъ, записывая ихъ въ нарочно разграфленную книгу. Мы ее побаивались, хотя она была очень добрая женщина или, выражался точнѣе, среднихъ лѣтъ дѣвица.

Уроки наши шли ровно и хорошо, благодаря установившемуся согласію между нашими наставниками. Эта симпатія между ними впоследствии окончилась тѣмъ, что, проживши у насъ шесть лѣтъ, они уѣхали, въ годъ нашего переезда на зиму въ Москву, обратно въ Швейцарію, вступили въ бракъ и поселились въ городѣ Нюшателѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто пастора.

Скоро пролетѣло это блаженное время нашего дѣтства, проведенное безвыѣздно въ любимой нами деревнѣ. Наступило, наконецъ, время отправиться семейству на зиму въ Москву для дальнѣйшаго нашего образованія. Грустно намъ было расставаться съ милымъ Ошейкинскимъ: съ уютнымъ домомъ, съ прелестнымъ садомъ, гдѣ каждое дерево было посажено нашимъ отцомъ и гдѣ столько было для насъ воспоминаній. Я по нѣскольку разъ ходилъ прощаться съ каждымъ уголкомъ, который казался мнѣ красоты невыразимой.

Странно, какъ въ дѣтствѣ любимые наши предметы всегда кажутся намъ въ болѣе изящныхъ формахъ и въ болѣе подкупающихъ краскахъ, чѣмъ они въ дѣйствительности. Я хорошо помню наприм., какъ особенно мнѣ казалось хорошо освѣщеніе нашей дѣтской лампы падою большого образа подъ стекломъ въ ніотѣ, Покрова Богородицы. Не только въ этомъ освѣщеніи было для меня что-то волшебное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно-таинственное, но самое изображеніе имѣло въ себѣ что-то сверхъестественное, изящное и чарующее.

Подобныя-же, точно чарующія впечатлѣнія производили на меня разнородные предметы, какъ-то напримѣръ: лицо моей матери, которое мнѣ казалось необыкновенной и чудной красоты, равно какъ нѣкоторые цвѣты на большомъ балконѣ, передъ которыми, когда я бывалъ одинъ (а это было обыкновенно рано утромъ до чая), любилъ и подолгу останавливаться и любоваться ими; старая наша липовая аллея близъ дома, когда яркое солнце ее освѣщало и длинныя тѣни ложились отъ нея на гладкую зелень газоновъ—меня также очаровывала, какъ и два мостика со сводами на пруду, соединяющіе оба берега съ островомъ и очаровательно для меня отражавшіеся въ водѣ? Всѣ эти впечатлѣнія до сихъ поръ совершенно ясно сохранились въ моей памяти.

Такъ какъ я принадлежалъ къ числу дѣтей болѣе мечтательныхъ и сосредоточенныхъ, то повидимому разлука наша съ дорогимъ нашимъ Ошейкинымъ подѣйствовала болѣе на меня, чѣмъ на моего брата и сестру.

Глубокою осенью мы выѣхали въ Москву, гдѣ помѣстились въ большомъ домѣ князя Гагарина (нынѣ Бутурлиной) на Знаменкѣ. Въ этомъ огромномъ домѣ мы жили съ бабушкой, моими двумя тетушками и съ моимъ дядей княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ, который женатъ былъ на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной, сестрѣ извѣстной тогда своею благотворительностью Татьяны Борисовны Потемкиной.

Дядя мой князь Сергѣй Ивановичъ былъ въ свое время блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, удостоился быть флигель-адъютантомъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда флигель-адъютантовъ было еще весьма немного, и въ первую Турецкую кампанію заслужилъ Георгіевскій офицерскій крестъ при взятіи Варны, получивъ во время штурма этой крѣпости весьма тяжелую рану. Впослѣдствіи онъ исполнялъ разные важныя порученія, былъ командированъ въ Сибирь и, уже произведенный въ генераль-маіоры свиты, вышелъ въ отставку и поселился навсегда на южномъ берегу Крыма, гдѣ у него было имѣніе, которое впослѣдствіи было куплено Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. По поводу неожиданной отставки дяди князя Сергѣя Ивановича, которая нисколько удивила всѣхъ его друзей, знавшихъ, что онъ былъ на такомъ хорошемъ счету и что его быстрая карьера сулила ему блестящее будущее, одинъ острякъ изъ его друзей сказалъ: «Никогда никто изъ Мещерскихъ не былъ честолюбивъ и не сдѣлалъ въ сущности блестящей карьеры; одинъ только князь Сергѣй Ивановичъ находился на этомъ пути, но какъ только былъ произведенъ въ генераль-маіоры, до того испугался такого высокаго положенія, что немедленно вышелъ въ отставку».

Въ помѣстительномъ домѣ князя Гагарина мы всѣ размѣстились очень удобно. Уроки наши пошли своимъ чередомъ, и скоро жизнь наша вошла опять въ обычную свою колею.

По случаю нашего пріѣзда дѣдушка Николай Сергѣевичъ Всеволожскій далъ у себя дѣтскій вечеръ съ танцами, что было для насъ величайшимъ событіемъ, такъ какъ въ первый разъ въ жизни мы были позваны на балъ. Я помню, что на этомъ балу я смотрѣлъ на танцующихъ, которыхъ было довольно много, съ усиленнымъ вниманіемъ, и мнѣ было очень стыдно вслѣдствіе того обстоятельства, что я еще не умѣлъ танцевать. Изъ всѣхъ танцующихъ я помню, что привлекала

всѣхъ болѣе мое вниманіе дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, танцовавшая съ особенною врожденною граціей, со спокойствіемъ и достоинствомъ въ лицѣ. У нея были весьма тонкія черты лица, длинныя темныя рѣсницы; чудные ея черные волосы гораздо ниже пояса висѣли двумя тяжелыми сплетенными косами. Она вдругъ приковала къ себѣ все мое вниманіе, и я застылъ на мѣстѣ, любуясь ею въ какомъ-то сердечномъ умиленіи. Я, разумѣется, не понималъ что со мною дѣлалось въ эту собственнo минуточку, но помню, что я находился въ какомъ-то блаженномъ состояніи и что пуще всего страшился, чтобы кто нибудь не замѣтилъ того, что со мною происходило. Смѣшно теперь это сказать, но я, какъ видно, просто былъ влюбленъ. Странное и необычайное явленіе для мальчика девяти лѣтъ.

Когда мы возвратились домой и насъ всѣхъ уложили спать, то я долго не могъ заснуть, мечтая все о ней; наконецъ, когда я убѣдился, что всѣ въ нашей комнатѣ заснули, то я потихоньку взошъ своей кровати сталъ на колѣни и со слезами на глазахъ началъ усердно просить Бога, чтобы Онъ меня когда нибудь соединилъ съ нею неразрывными узами брака! Молитва моя меня успокоила, и я заснулъ сномъ праведника.

Я очень хорошо помню имя и фамилію этой первой дѣтской моей страсти и 30 лѣтъ спустя имѣлъ случай рассказать этой особѣ про этотъ смѣшной и оригинальный эпизодъ моего дѣтства. Эта особа была Настасія Николаевна Мальцова, рожденная княжна Урусова, весьма почтенная и извѣстная въ Петербургскомъ обществѣ, какъ любимица Государыни Маріи Александровны и какъ весьма пріятная и умная женщина.

Зима, проведенная нами въ домѣ князя Гагарина, прошла очень скоро при регулярныхъ занятіяхъ и однообразной жизни; насъ болѣе не возили ни на какіе дѣтскіе вечера.

Въ этотъ годъ весной, во время нашей прогулки, когда таялъ снѣгъ, я страшно расшалился: промочилъ себѣ ноги и чуть не поплатился за это жизнью. Я живо помню всѣ подробности моей болѣзни. У меня было воспаленіе въ легкихъ. Я чудомъ былъ спасенъ въ ту самую минуту, когда меня, находившагося уже двое сутокъ въ безсознательномъ состояніи, священникъ приобщалъ Святыхъ Таинъ. Я помню хорошо, что за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ мой слухъ былъ пріятно пораженъ какимъ-то стройнымъ пѣніемъ, о которомъ я не могъ отдать себѣ отчета, потому что не былъ въ силахъ открыть глаза. Когда же мнѣ искусственно раскрыли ротъ, и священникъ вложилъ въ

него святое причастіе,—въ эту минуту я открылъ глаза, ощущая какое-то сладкое чувство отдохновенія послѣ далекаго незавѣстнаго пути. Къ изумленію моему я увидалъ себя въ кровати посреди комнаты; возлѣ меня стоялъ священникъ съ святыми дарами, а передо собою, въ числѣ нѣсколькихъ присутствующихъ, я узналъ мою матушку и мою тетюшку Марью Ивановну, обливающихся слезами. Я хотѣлъ имъ что-то сказать въ утѣшеніе, но не былъ въ силахъ и только тогда, когда мать моя просіяла отъ радости и меня поцѣловала, то я въ силахъ былъ отдать ей слабый поцѣлуй. Вся эта сцена и всѣ мои ощущенія и мысли въ эту торжественную минуту моего возвращенія къ жизни и до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Благодаря превосходной сестрѣ милосердія, приставленной ко мнѣ во время моей болѣзни, я сталъ поправляться съ тѣмъ особымъ жизне-радостнымъ чувствомъ, которое ощущаютъ въ такой степени только больные, выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни. Но, не смотря на такой прекрасный уходъ, я все-таки поправлялся довольно медленно и этимъ задержалъ отъѣздъ всего семейства на лѣто въ деревню.

При этомъ я въ душѣ не могу не отдать должной данн благодарности той замѣчательной сестрѣ милосердія, которая была ко мнѣ приставлена и о которой я упомянуль выше. Лицо этой старушки было въ высшей степени симпатично, равно какъ и мягкость ея голоса и нѣжное обращеніе. Ей очень шли къ лицу ея всегда ослѣпительной бѣлизны чепецъ и всегда опрятная установленной формы одежда, при большомъ наперсномъ вдовьемъ крестѣ на шеѣ, который эти вдовы должны носить по уставу. Она была приглашена къ больному моими родителями изъ Московскаго Вдовьяго Дома, единственнаго въ то время учрежденія въ Москвѣ, откуда можно было доставить такихъ сердобольныхъ и надежныхъ сидѣлокъ. Въ этомъ домѣ установленъ порядокъ такой, что посылаются къ больнымъ только тѣ вдовы, которыя желаютъ посвятить себя на это святое дѣло, и изъ нихъ же посылаютъ на обязательную службу попеременно извѣстное число въ городскія больницы. Тогда высоко цѣнили ихъ услуги, и ихъ постоянно недоставало для удовлетворенія просьбъ, обращае- мыхъ къ начальницѣ Московскаго Вдовьяго Дома.

Съ тѣхъ поръ какъ у насъ въ Москвѣ умножились учрежденія, которыя въ настоящее время готовятъ сестеръ милосердія на эту должность, проводя ихъ черезъ спеціальныя фельдшерскіе курсы, оказалось, что вдовы изъ Московскаго Вдовьяго Дома утратили много своего значенія, и даже ими пренебрегаютъ и вовсе не цѣнятъ ихъ услу-

ги въ тѣхъ городскихъ больницахъ, куда ихъ до сихъ поръ посылають на основаніи давно установившагося правила.

Послѣ моего совершеннаго выздоровленія, мы, разумѣется, отправились на лѣто въ деревню въ наше всѣми любимое Ошейкино.

Во всѣ послѣдующіе годы мы проводили зиму въ Москвѣ, гдѣ моими родителями былъ для насъ нанятъ другой домъ, а именно сепатора Акиноіева на Поварской улицѣ; лѣто же всегда въ деревнѣ. Исключеніемъ этому заведенному порядку былъ только тотъ памятный для всѣхъ насъ годъ, когда появилась въ Москвѣ первая холера. Тогда мы всю зиму вынуждены были провести въ деревнѣ, гдѣ къ нашему счастью смертныхъ случаевъ было сравнительно немного.

Въ это время наши занятія сдѣлались болѣе серьезными. Кромѣ новаго Французскаго гувернера, г-на Шора, челоѣка въ высшей степени талантиваго и образованнаго, къ намъ былъ еще приставленъ Русскій учитель, кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, г-нъ Благонравовъ, для преподаванія Русской исторіи и словесности. Онъ умѣлъ насъ заинтересовать своими предметами и возбудить въ насъ духъ патріотизма и любви ко всему Русскому, для противовѣса противъ иностраннаго вліянія г-на Шора, Француза, говорившаго впрочемъ хорошо по-русски. Вліяніе такого патріота, какъ Благонравовъ, было очень умѣстно и разумно. Мы сердечно полюбили нашего Русскаго наставника, и я вполне цѣню до сихъ поръ пользу, которую онъ привнесъ мнѣ и старшему моему брату Борису, съ которымъ я былъ неразлученъ.

На слѣдующій годъ у насъ стряслась неожиданная бѣда: нашъ обожаемый отецъ едва не лишился жизни отъ нечаяннаго самоотравленія. Очень раннею весной онъ долженъ былъ по какому-то экстремному дѣлу уѣхать на нѣсколько дней въ с. Ошейкино. Нашъ садовникъ Ларіонъ, зная, какъ отецъ любилъ раннюю клубнику, принесъ ему къ обѣду тарелку первыхъ поспѣвшихъ ягодъ. Отецъ похвалилъ стараго Ларіона за его усердіе, и такъ какъ въ это время никого въ пмѣніи не было кромѣ сторожа и управляющаго, то онъ взялъ съ собою ключъ отъ кладовой и самъ отправился за мелкимъ сахаромъ, который въ ней находился. Вошедши туда, онъ нашелъ двѣ небольшія банки съ бѣлой, повидному, сахарной пудрой и, взявъ наскоро одну изъ нихъ, отправился обратно къ себѣ въ кабинетъ. Желая вполне насладиться лакомымъ десертомъ, онъ, по своему обыкновенію, посыпалъ ягоды обильнымъ слоемъ сахара, обливая все густыми сливками, при чемъ, нѣсколько разъ пробуя и находя ягоды не довольно сладки-

ми, всякій разъ подбавлялъ его по чайной ложкѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда отецъ такъ тщательно готовилъ себѣ отраву, его управляющій Акинеиевъ послѣ своего обѣда читалъ у себя во флигелѣ «Московскія Вѣдомости», гдѣ въ статьѣ о разныхъ извѣстіяхъ обратилъ его вниманіе разсказъ о томъ, какъ одного человѣка, отравившагося мышьякомъ, спасли толчевымъ березовымъ углемъ, разведеннымъ въ простой водѣ. Только что онъ это прочелъ, какъ вбѣжалъ къ нему совершенно растерянный и обезумѣвшій камердинеръ моего отца, объявляя, что князь умираетъ. Когда управляющій прибѣжалъ, отецъ мой катался по полу въ страшныхъ страданіяхъ: изо рта катилась у него пѣна, и глаза на выкатѣ, бессмысленно смотрѣли въ одну точку.

Акинеиевъ не потерялся и со свойственно каждому Русскому человѣку находчивостію тотчасъ сталъ разспрашивать о томъ, чѣмъ князь покушалъ. Банка съ сахаромъ, стоявшая на столѣ, обратила его вниманіе и, рассмотрѣвши ее тщательно, онъ, подъ влияніемъ только-что имъ прочитаннаго случая, убѣдился, что въ этой банкѣ находился не сахаръ, а мышьякъ, такъ какъ цвѣтъ этого порошка былъ сѣроватый. Онъ моментально приказалъ выбрать угля изъ печей и истолочь его въ мелкій порошокъ; растворивъ его въ водѣ, онъ сталъ давать бѣдному моему отцу, который, мучимый страшной жаждой, съ промежутками отъ обильныхъ рвотъ, выпилъ этой смѣси до сорока стакановъ. Отецъ мой былъ спасенъ, но, не смотря на его богатырскую комплекцію, онъ, въ 30 съ чѣмъ-то лѣтъ, поплатился здоровьемъ на всю жизнь.

Чему онъ обязанъ чудеснымъ своимъ спасеніемъ? Это объясняли весьма различно. Можно ли приписать его спасеніе поданной ему немедленно помощи? Но тогда необходимо признать употребленное въ этомъ случаѣ неизвѣстное или вновь открытое средство за средство радикальное, тогда какъ оно, кажется, не употребляется въ медицинѣ. Или правы тѣ доктора, которые говорили, что въ этомъ случаѣ большое количество принятого яда, произведя страшную рвоту, спасло отца? Они утверждали, что еслибъ отецъ согую только часть принялъ проглоченнаго имъ мышьяка вмѣстѣ съ клубникою, то онъ не могъ бы остаться въ живыхъ. Мнѣ же кажется, что всѣ эти предположенія не выходятъ изъ области догадокъ и что фактъ этого спасенія можно назвать чудомъ.

Мы долго ждали возвращенія отца изъ деревни. Матушка истоплалась, зная, что болѣзнь его задерживала, но не зная настоящей

причины этой болѣзни. Когда онъ пріѣхалъ, мы всѣ выбѣжали на крыльцо его встрѣтить и всѣ пришли въ ужасъ, когда увидали его выходящимъ изъ экипажа. Это былъ не онъ, а его привидѣніе; страшная въ немъ перемѣна была поразительна: онъ постарѣлъ на 20 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого родители наши, по совѣту врачей, начали готовиться къ отъѣзду на минеральныя воды за границу. Съ ними должны были послѣдовать наша сестра, страдавшая малокровіемъ, и младшій братъ.

Тяжела была для меня эта первая разлука моя съ матерью, и вѣроятно она мнѣ была бы еще тяжеле, еслибъ я могъ понять тогда при моей юношеской неопытности то глубокое горе, какое должна была ощущать моя мать, оставляя насъ на рукахъ гувернера Шора съ его семействомъ, Русскаго наставника Благодравова и нашей старой няни, тогда находившейся уже въ должности экономки.

По отъѣздѣ родителей мы почувствовали все свое сиротство, тѣмъ болѣе, что въ тотъ годъ насъ не отправили въ наше любимое Ошейкино, и мы на все лѣто остались въ городѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ нашей горькой участи послужили намъ въ это время небольшой садикъ нашего дома и въ особенности довольно продолжительныя наши прогулки верхомъ съ нашимъ Русскимъ менторомъ Благодравовымъ по прелестнымъ въ это время года окрестностямъ Москвы, не исключая даже довольно отдаленныхъ, какъ напр. Царицыно, Савинъ монастырь, Останкино и проч.

Мы передъ тѣмъ черезъ Благодравова познакомились съ мальчиками однихъ съ нами лѣтъ, съ которыми очень подружились. Г. Благодравовъ былъ учителемъ въ домѣ сенатора Поливанова и потому, коротко зная его дѣтей и ихъ хорошее воспитаніе, способствовалъ нашему съ ними знакомству. Почти всѣ эти прогулки верхомъ въ окрестностяхъ Москвы мы совершали вмѣстѣ съ нашими новыми друзьями, двумя братьями Поливановыми; у нихъ также были собственныя лошади, на которыхъ они ѣзжали превосходно и смѣло. Эти прогулки насъ очень сблизили, но затѣмъ мы потеряли другъ друга изъ виду, и только 30 лѣтъ спустя меня судьба свела снова съ однимъ изъ этихъ друзей моей юности, когда оказалось, что мы оба были избраны въ уѣздные дворянскіе предводители Московской губерніи, въ каковой должности мы прослужили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

Въ этотъ памятный для всѣхъ Москвичей годъ, послѣ знойнаго лѣта начались съ осени ежедневно, почти одновременно въ разныхъ

частяхъ города, страшные пожары, отъ которыхъ превращались въ пепель цѣлые кварталы. Тревожное настроеніе Москвичей стало съ каждымъ днемъ усиливаться, и всѣ громко стали говорить о поджигателяхъ. Многіе утверждали, что эти поджигатели Поляки. Страшная паника охватила всѣхъ, такъ что жители не довѣрялись уже полицейской охранѣ, а сами стали по ночамъ сторожить свои дома противъ поджоговъ, и для этого всѣ обыватели на ночь располагались на почлегъ на улицахъ, на тротуарахъ вдоль своихъ домовъ цѣлыми семействами. Дикую и странную картину представляли улицы Москвы, когда всякій вечеръ всѣ жильцы домовъ высыпали на улицу съ подушками и матрацами и ложились спать на тротуарахъ подъ открытымъ небомъ.

Я помню, что мнѣ и брату очень понравилось это проявленіе чувства самосохраненія и самодѣтельности публики и что мы настоятельно просили у своихъ менторовъ позволенія и намъ также сторожить нашъ домъ. Мы, къ величайшей нашей радости, получили это позволеніе и вмѣстѣ съ ментромъ Благонаправовымъ ночевали на тротуарѣ.

Разумѣется, въ наши годы общее бѣдствіе не такъ насъ занимало, какъ та роль, которую мы будемъ играть въ этой народной охранѣ и наше личное участіе въ поймкѣ и арестованіи тѣхъ злодѣевъ-поджигателей, о которыхъ говорила вся Москва и которыхъ полиція не умѣла захватить на мѣстѣ преступленія.

Эта паника продолжалась довольно долго, такъ что наша новая обязанность ночныхъ сторожей стала намъ въ тягость, и мы, не поймавъ ни одного поджигателя, подали въ отставку, и разочарованные уходили спать въ наши собственные постели.

Отецъ мой, за годъ до своего самоотравленія, купилъ въ Москвѣ домъ у Рахманова, на Страстномъ бульварѣ, противъ теперешняго Нарышкинскаго сквера, обращеннаго изъ прежней грязной сѣнной площади въ прекрасный садъ. Эта полезная мысль и ея осуществленіе принадлежать весьма извѣстной въ свое время въ Москвѣ умной и богатой старухѣ Елисаветѣ Александровнѣ Нарышкиной, урожденной Хрущовой, купившей себѣ небольшой домикъ на этой же площади, недалеко отъ нашего дома; въ честь ея этотъ скверъ названъ ея именемъ.

Отецъ мой, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и предприимчивый, немедленно сломалъ ветхій купленный домъ и приступилъ къ постройкѣ новаго, но не каменнаго, какъ прежній, а деревяннаго, на основа-

ни не денежнаго разсчета, а вслѣдствіе своеобразнаго убѣжденія, что въ нашемъ климатѣ деревянные дома гораздо гигиеничнѣе и здоровѣе каменныхъ. Для того, чтобы его деревянный домъ не уступалъ въ прочности каменной постройкѣ въ смыслѣ долговѣчности, т. е. чтобы избѣгнуть неизбѣжной отъ времени осадки стѣнъ при гніеніи нѣкоторыхъ вѣнцовъ и угловъ, подвергавшихся преимущественно гніенію, онъ строилъ стѣны изъ толстыхъ сосновыхъ брусевъ стоймя, въ пазъ, съ войлокомъ и со связкою стояковъ желѣзными скобами. Разумѣется, подобной системы деревянные постройки требовали самаго лучшаго и крупнаго лѣсного матеріала и чрезвычайной аккуратности плотничной работы; но что эта система превосходна, тому доказательство на лицо: спустя 65 лѣтъ послѣ постройки отцомъ этого двухэтажнаго деревяннаго дома, мнѣ пришлось въ немъ быть у моего хорошаго и стариннаго знакомаго графа Павла Андреевича Шувалова, и я нашелъ домъ точно въ такомъ же свѣжемъ видѣ и здоровомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, когда его построили. Осадки стѣнъ нигдѣ не оказалось ни на одну осьмую вершка.

На слѣдующій годъ родители наши вернулись изъ-заграницы, и мы поселились въ нашемъ вновь отстроенномъ домѣ, въ которомъ для насъ, мальчнковъ, былъ назначенъ верхній этажъ.

Мать моя очень поправилась отъ лѣченія на Карлсбадскихъ водахъ и очень помолодѣла. Отецъ тоже по наружному виду казался такимъ же, какимъ онъ былъ до своего отравленія, хотя оно не осталось безъ слѣда: онъ страдалъ почти ежедневно мучительной изжогой, отъ которой не могъ избавиться до конца своей жизни, проживши, однако до 75 лѣтъ, благодаря его необыкновенно крѣпкому организму.

Сестра моя пріѣхала изъ-заграницы неузнаваемой: будучи старше меня на три года, она изъ дѣвочки вдругъ сдѣлалась очень красивой барышней. Эта метаморфоза совершилась съ ней, какъ рассказывали родители, послѣ морскаго путешествія изъ Франціи въ Англію.

Въ годъ прибытія моихъ родителей въ Лондонъ праздновалось коронованіе королевы Викторіи. Тогда же пріѣзжалъ въ Англію нашъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Во время пребыванія моихъ родителей въ Лондонѣ Цесаревичъ очень милостиво къ нимъ относился и очень часто проводилъ у нихъ вечера вмѣстѣ съ лицами при немъ находившимися, изъ которыхъ главнымъ лицомъ былъ графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ. Моя сестра мнѣ рассказывала, что всѣ лица, его сопровождавшія, были съ нею чрезвычайно любезны, что ей было очень весело, а что самъ Наслѣдникъ за чайнымъ столомъ гова-

ривалъ часто съ свойственной ему простотой и добродушіемъ, что онъ прѣзжалъ къ нимъ отдыхать отъ утомительной его жизни въ Лондонѣ и что ихъ Русскій самоваръ и Русская рѣчь переносили его въ столь любимое имъ отечество.

Сестра передавала, что Наслѣдникъ нашъ былъ высокаго роста, стройной и чрезвычайно изящной наружности молодой человѣкъ. Онъ всѣхъ плѣнялъ своей красотой и очаровывалъ своею свободной Англійской рѣчью, общительностью и любезностью. Долго сестра не могла забыть этого пріятнаго времени, проведеннаго въ Лондонѣ, и занимала насъ своими разсказами.

Между тѣмъ отецъ мой воспользовался своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, чтобы закупить много необходимыхъ предметов роскоши превосходнаго качества для отдѣлки своего новаго дома въ Москвѣ. По этому случаю я припоминаю, что между прочими матеріями находились куски прелестнаго ситца, вѣроятно изготовленнаго фабрикантами по случаю коронаціи, съ портретомъ молодой королевы Викторіи, весьма изящнаго рисунка; этимъ ситцемъ впослѣдствіи была убрана уборная моей матушки.

Вскорѣ по возвращеніи родителей изъ-заграницы и по водвореніи семейства въ новомъ помѣщеніи мы всѣ немедленно устроились и помѣстились чрезвычайно удобно въ нашемъ новомъ прекрасномъ домѣ, благодаря заботливому и доброму нашему отцу, который все до мельчайшей подробности предвидѣлъ и прекрасно устроилъ. Матушка установила тотчасъ въ домѣ порядокъ, такъ что все стало на свое мѣсто и все дѣлалось въ свое время. Жизнь потекла своимъ обычнымъ путемъ, а также по прежнему продолжались наши учебныя занятія.

Въ эту зиму мой старшій братъ и я сблизились съ тремя семействами, въ которыхъ были юноши нашихъ лѣтъ, а именно: съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ и его братомъ, съ князьями Константиномъ и Владимиромъ Черкасскими и съ графомъ Алексѣемъ Конст. Толстымъ, будущимъ знаменитымъ нашимъ поэтомъ. Этотъ послѣдній въ особенности подружился со мною. Его мать, урожденная Перовская, была вдова и жила съ своимъ братомъ, который тщательно занимался образованіемъ своего обожаемаго племянника. Графиня-мать очень была дружна съ моей матушкой и поэтому разрѣшила своему сыну постоянно у насъ бывать. Впослѣдствіи, когда сынъ ея былъ уже взрослымъ человѣкомъ и повѣдалъ матери свою первую юношескую любовь къ моей сестрѣ, при чемъ просилъ у нея разрѣшенія просить

ея руки, она, повидимому, гораздо болѣе изъ ревности къ сыну, чѣмъ вслѣдствіе другихъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, стала горячо противиться этому браку и перестала вѣдаться съ моею матерью. Сынъ покорился волѣ матери, которую онъ обожалъ. Эта ревность графини къ единственному своему сыну помѣшала ему до весьма зрѣлаго возраста думать о бракѣ, вслѣдствіе чего онъ женился только послѣ ея смерти, довольно поздно, на г-жѣ Миллеръ, рожденной Бахметевой.

Многолѣтняя моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ даетъ мнѣ несомнѣнное право думать, что мое о немъ мнѣніе, какъ о лучшемъ изъ всѣхъ людей, которыхъ я только зналъ или встрѣчалъ въ жизни, вѣрно и непреувеличено. Дѣйствительно, подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно-присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала я въ жизни ни у кого не видалъ. Теперь, какъ его уже нѣтъ въ живыхъ, можно сказать, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ, онъ, какъ человѣкъ, т. е. какъ существо несовершенное, едва ли не ближе всѣхъ подходилъ къ тому идеалу человѣка, который каждый читатель желаетъ видѣть въ поэтѣ, когда онъ находится подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь изъ его произведеній.

Графъ Толстой былъ одаренъ необыкновенною памятью. Мы часто, для шутки, испытывали другъ у друга память, при чемъ Алексѣй Толстой насъ всѣхъ поражалъ тѣмъ, что по бѣглому прочтеніи цѣлой большой страницы любой прозы, закрывъ книгу, могъ дословно все имъ прочитанное передать безъ одной ошибки; никто изъ насъ, разумѣется, не могъ этого сдѣлать.

Въ то время, о которомъ я теперь говорю, а именно въ началѣ тридцатыхъ годовъ, наши правительственныя учебныя заведенія еще не отличались особеннымъ въ нихъ хорошимъ преподаваніемъ, и не было вовсе въ обычаѣ между родителями опредѣлять своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія, а воспитывали ихъ дома до поступленія въ университетъ. Во избѣжаніе дурного товарищества или вліянія вредныхъ и порочныхъ друзей, нерѣдко были случаи, что родители доводили домашнее воспитаніе до конца, не опредѣляя своихъ сыновей въ университетъ, а приглашая къ себѣ на домъ профессоровъ, которые проходили съ этими молодыми людьми весь университетскій курсъ опредѣленнаго факультета, послѣ чего такимъ образомъ подготовленный молодой человѣкъ держалъ въ университетѣ прямо выпускной университетскій экзаменъ. Разумѣется, такихъ примѣровъ было немного.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся такихъ примѣровъ чисто-домашняго воспитанія несомнѣнно представлялъ тогда Алексѣй Толстой, который, не будучи въ университетѣ, блестящимъ образомъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата филологическаго факультета.

По этому поводу я вспоминаю, не для того, чтобы мѣряться дарованіями или проводить параллель между мною и даровитымъ моимъ пріелемъ, что мой старшій братъ Борисъ и я мы получили также, благодаря заботливости нашей матери и наставника нашего Шора, довольно солидное домашнее воспитаніе, послѣ котораго мой братъ поступилъ въ Московскій университетъ; а я, обуреваемый безумною страстью къ военному дѣлу, упрощъ родителей, вмѣсто поступленія въ университетъ, остаться при одномъ домашнемъ воспитаніи и поступить на военную службу.

Матушка, разумѣется, съ большимъ трудомъ дала свое согласіе на мою усиленную просьбу, и то только потому, что я просился пменно поступить въ кавалерійскій полкъ 6-й легкой кавалерійской дивизіи, которымъ командовалъ ея двоюродный братъ свѣтлѣйшій князь Андрей Ливень, куда я и поступилъ юнкеромъ въ 1838 году.

Возвращаясь къ моему другу Алексѣю Толстому, о которомъ у меня такъ много въ головѣ толпится воспоминаній, что я о немъ не могу достаточно наговориться. Впрочемъ подробности о такой личности, которая не только замѣчательна по своимъ высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, но пмя которой занимаетъ такое почетное мѣсто въ нашей отечественной литературѣ, интересны не только для меня, но и для многихъ.

Въ эту зиму, съ 1834 на 1835 годъ, знаменитый нашъ живописецъ Брюловъ былъ приглашенъ Перовскимъ, тогдашнимъ меценатомъ и покровителемъ Русскихъ молодыхъ художниковъ, къ себѣ въ Москву, чтобы заказать этому еще тогда начинающему даровитому артисту портреты графини-матери, ея сына, графа Алексѣя Толстого, и свой собственный.

По этому случаю я припоминаю довольно оригинальный эпизодъ.

Высоко цѣня талантъ молодого Брюлова, Перовскій пригласилъ его съ цѣлью не только пмѣть свои семейные портреты, писанные кистью этого художника, о которомъ уже много говорилъ, но и поощрить его, вознаградить щедрою рукою за его произведенія. Зная хорошо, однако, о невоздержанности молодого художника, о буйной его молодости, о капризномъ его нравѣ и непостоянствѣ, онъ предвари-

тельно сдѣлалъ съ нимъ почти формальное условіе, что онъ неотлучно будетъ жить на квартирѣ у него до окончанія своихъ работъ, что онъ въ это время воздержится отъ всякихъ кутежей, не будетъ брать на себя другихъ работъ и вообще поведетъ правильный образъ жизни, при чемъ Перовскій съ своей стороны обязывался уплатить ему за всѣ три портрета значительную сумму денегъ.

Сначала все шло превосходно: молодой художникъ былъ польщенъ своимъ положеніемъ въ домѣ и находился въ восторгѣ отъ вниманія къ нему хозяина, который, когда хотѣлъ, былъ большой мастеръ очаровывать людей. Брюловъ съ своей стороны былъ весьма недюжиннаго ума и очень развитой человѣкъ, такъ что его бесѣда нравилась Перовскому не смотря на его рѣзкости.

Первый изъ трехъ портретовъ, ему заказанныхъ, Брюловъ написалъ превосходно. Это былъ портретъ графа Алексѣя Толстого. Впоследствии, когда я самъ много занимался искусствомъ и ознакомился вообще съ портретною живописью, мнѣ не случалось видѣть лучшаго произведенія кисти этого художника. Молодой графъ представленъ въ охотничьемъ костюмѣ, въ Вавдиковской шляпѣ съ шпирокими полями; при немъ чудный своимъ Англійскій сетеръ, пристально и вопросительно смотрящій на своего хозяина, повернувши круто къ нему поднятую голову. Большіе не голубые, а лазурнаго цвѣта глаза графа Алексѣя составляющіе особенность фамплии Перовскихъ, и ясный добрый его взглядъ схвачены удивительно. Портретъ этотъ чрезвычайно напоминаетъ кисть Рубенса.

Есть такія художественныя изображенія лицъ, писанныя первоклассными артистами, въ которыя, кажется, какъ будто они вложили все свое вдохновеніе и весь свой талантъ, чтобы достигнуть истины или, иначе сказать, разительнаго сходства съ даннымъ оригиналомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опознать въ тѣ черты, въ которыхъ выраженіе болѣе выдается или болѣе заслуживаетъ художественной отдѣлки. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ этотъ портретъ моего друга Алексѣя Толстого, прошло болѣе полвѣка; но я до сихъ поръ не могу забыть этого юношескаго свѣжаго, прекраснаго лица, въ которомъ вполне выражалось спокойствіе его чистой и ясной души. Дѣйствительная бѣлизна кожи съ легкимъ румянцемъ, большіе свѣтло-лазурнаго цвѣта глаза, о которыхъ я уже говорилъ, съ необыкновенно добрымъ, честнымъ и яснымъ взглядомъ, нѣсколько продолговатый овалъ лица, легкій пушокъ бороды и усовъ, тонкія черты и вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы—все это вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе на зрителя чего-то особенно благороднаго и аристократиче-

скаго. Затѣмъ, судя по ширинѣ плечъ и по мускулатурѣ, нельзя было не замѣтить, что модель не принадлежала къ числу изнѣженныхъ и слабыхъ молодыхъ людей. Дѣйствительно, Алексѣй Толстой былъ необыкновенной силы: онъ гнулъ подковы, и у меня между прочимъ долго сохранялась серебряная вилка, изъ которой не только ручку, но и отдѣльно каждый зубъ онъ скрутилъ винтомъ своими пальцами.

Я не знаю, гдѣ въ настоящее время этотъ замѣчательный портретъ работы Брюлова, о которомъ я говорю. По всей вѣроятности онъ находился у графини, его жены. По моему мнѣнію, онъ достоинъ былъ бы когда нибудь поступить въ нашъ національный музей, такъ какъ едва ли, послѣ Пушкина, графъ Алексѣй Толстой не занимаетъ первое мѣсто между нашими поэтами.

Послѣ окончанія этого портрета, отъ котораго все семейство было въ восторгѣ, Брюловъ началъ писать портретъ съ Перовскаго.

Надѣленный непомернымъ самолюбіемъ, художникъ горячо принялся за дѣло, будучи польщенъ похвалами семьи и всѣхъ ея знакомыхъ за такое успѣшное исполненіе перваго написаннаго имъ портрета съ молодого графа. Но пылъ этотъ вскорѣ охладѣлъ; онъ видимо уже утомлялся своей работой и часто сталъ манкировать сессансы, назначенные Перовскимъ въ условленные часы, не смотря на то, что Перовскій усугублялъ свою къ нему любезность и, такъ сказать, ухаживалъ за молодымъ художникомъ, какъ за молодой женщиной. Но манкировки со стороны молодого Брюлова все повторялись чаще. Брюловъ очевидно сталъ кутить. Портретъ подвигался медленно, хотя голова была почти окончена и написана также превосходно; но тутъ случился довольно долгій перерывъ работы подъ разными предлогами, такъ что Перовскій, не смотря на свою необыкновенную доброту и снисхожденіе къ артисту, былъ выведенъ изъ терпѣнія и въ весьма мягкихъ выраженіяхъ рѣшился ему сдѣлать нѣсколько отеческихъ наставленій.

Сначала Брюловъ переносилъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ къ нему, но вскорѣ слова Перовскаго стали его раздражать. Онъ сталъ жаловаться на его упреки и, кое-какъ окончивъ довольно небрежно портретъ, вдругъ бѣжалъ изъ Москвы, скрылся неизвѣстно куда, нарушилъ данное Перовскому слово, безъ вѣсти пропалъ, портретъ графини никогда не принимался писать и болѣе въ домъ къ нимъ не возвращался.

Кромѣ графа Алексѣя Толстого, въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, между нашими сверстниками-друзьями были, какъ я говорилъ выше, Юрій Самаринъ, братья князя Черкасскіе и князь Лобановъ.

Первый изъ нихъ былъ съ нами въ дальнемъ родствѣ: отецъ его Ѳеодоръ Васильевичъ Самаринъ, женатый на Нелединской, былъ двоюроднымъ братомъ моего дѣда.

Когда мы были нѣсколько моложе, то Ѳеодоръ Васильевичъ имѣлъ на насъ довольно внушительное вліяніе какъ по своему серьезному виду, такъ и по тому, что мы знали, что онъ былъ очень строгъ къ своимъ сыновьямъ, которые отличались способностью и прилежаніемъ. Напримѣръ, когда его старшій сынъ былъ уже въ университетѣ и послѣ экзамена приходилъ къ своему отцу сообщить ему о результатѣ, а именно, что на экзаменѣ по такому-то предмету онъ получилъ четверку, то Ѳеодоръ Васильевичъ въ этомъ случаѣ неизмѣнно замѣчалъ, что «лучше было бы, если бъ ты получилъ пятерку», не смотря на то, что его старшій сынъ въ университетѣ шелъ превосходно по всѣмъ предметамъ.

Я помню одно обстоятельство, врѣзавшееся въ моей памяти и указывающее, до какой мелочи доходили наши родители и въ особенности Ѳеодоръ Васильевичъ въ дѣлѣ воспитанія, которое, какъ я, кажется, говорилъ, составляло предметъ нѣмого, но замѣтнаго соперничанія между родителями упомянутыхъ семействъ, т. е. нашихъ, Самариныхъ, Черкасскихъ, Толстыхъ и Лобановыхъ.

То, о чемъ я хочу говорить, случилось когда только что отецъ мой окончилъ постройку своего дома. Ѳеодоръ Васильевичъ посѣтилъ насъ на новосельѣ. Отецъ предложилъ своему дорогому гостю обойти всѣ комнаты и, проведя его по всему дому, поднялся на верхній этажъ, гдѣ находилось наше, т. е. сыновей, помѣщеніе. Когда они дошли до нашей большой учебной комнаты, въ которой мы въ это время готовили уроки, то мы не безъ волненія всѣ привстали и поклонились. Ѳеодоръ Васильевичъ, проговоривши что-то, остановился посреди комнаты, поднялъ голову и, обратясь къ отцу, спросилъ его: «зачѣмъ здѣсь написаны рисунки на потолокъ?»

Оказалось, что дѣйствительно на потолокъ, по тогдашнему обычаю, были написаны вдоль карниза какія-то птицы или фантастическія животныя, которыхъ даже изображеній никто не замѣчалъ.

Не помню что отецъ мой отвѣчалъ, но помню хорошо, что Ѳеодоръ Васильевичъ за сямъ сказалъ: «Живопись на потолокъ въ учебной

комнатъ излишняя; она положительно вредна, потому что учащимся эти рисунки на потолокъ могутъ служить отвлеченіемъ отъ ихъ занятій и развлекать ихъ отъ должнаго къ занятіямъ вниманія».

Такое суровое отношеніе къ подобнымъ мелочамъ даже и въ то время показалось намъ чрезмѣрнымъ.

Впрочемъ Федора Васильевича въ то время знали, какъ замѣчательнаго систематика. Я помню, что разъ отецъ мой, возвратившись домой послѣ сдѣланныхъ имъ нѣсколько въ городѣ визитовъ, зашелъ въ кабинетъ къ матушкѣ и, не замѣтивъ вѣроятно, что я былъ въ комнатѣ, сталъ ей рассказывать, что онъ посѣтилъ нѣсколько лицъ и между прочимъ Самарскихъ.

При этомъ онъ рассказаль, что, пробывъ у Федора Васильевича съ полчаса, онъ выразилъ ему желаніе повидать его супругу Софью Юрьевну, на что Федоръ Васильевичъ, посмотрѣвъ на свои часы, отвѣчалъ, что ее видѣть нельзя, потому что ей еще остается 20 минутъ прогулки въ залъ, гдѣ она должна всякій день прохаживаться взадъ и впередъ не менѣе трехъ четвертей часа. Отецъ мой при этомъ замѣтилъ матушкѣ, что ему очень было досадно на такую неудачу, потому что ему хотѣлось побесѣдовать съ почтенной Софьей Юрьевной, которую онъ очень любилъ и уважалъ и что онъ, по всей вѣроятности, не отвлекъ бы ея отъ ея важнаго занятія, если бъ ему было предложено посѣтить ее въ залъ.

Старшій сынъ ихъ, Юрій Федоровичъ, вступившій въ университетъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Борисомъ на словесный факультетъ, былъ одаренъ блестящими способностями, даромъ слова и рѣдкою памятью. Съ такими задатками и съ полученнымъ имъ дома прекраснымъ образованіемъ не трудно было ему впоследствии выдержать экзаменъ на степень кандидата и затѣмъ на службѣ быть всегда отличаемымъ своими начальникамъ. Хотя, 30 лѣтъ спустя, я встрѣтился съ другомъ моей молодости на широкой аренѣ дѣятельности общественной, гдѣ я нашелъ въ немъ упornaго и опаснаго противника, но я всегда отдавалъ ему должное и скажу, что онъ былъ человѣкъ недюжинный. Но смолоду, въ 30-хъ годахъ, уже замѣтны были въ немъ страсть къ противорѣчію и спору, увлекавшая его до парадокса и до утопій, и врожденная склонность къ сарказму и насмѣшкамъ, которая съ лѣтами постоянно росла и обострялась до ѣдкости ради краснаго словца. Эта послѣдняя способность не мало создала ему враговъ.

Среди этой плеяды замѣчательныхъ молодыхъ людей, сверстниковъ, кончавшихъ или окончившихъ въ то время свое образованіе въ Москвѣ,

и впоследствии получивших на разных поприщах довольно громкую известность, какъ-то: князь Владимиръ Черкасскій, графъ Алексѣй Толстой, князь Лобановъ, Сухово-Кобылинъ (впоследствии известный драматургъ), Сергѣй Миллеръ, графъ Александръ Строгановъ, Кавелинъ (будущій профессоръ) и проч., несомнѣнно Юрій Федоровичъ Самаринъ былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ, находчивыхъ и остроумныхъ, не говоря о приобретенныхъ имъ познаніяхъ. Но мнѣ, впоследствии всегда казалось, что Юрій Федоровичъ, со своимъ дарованіемъ и съ своимъ огромнымъ запасомъ знаній, былъ мало пригоденъ для практической жизни, а въ полномъ смыслѣ слова былъ теоретикомъ, и поэтому когда ему случалось въ жизни, въ сферѣ административной, встрѣчаться съ вопросами государственными, то его сужденія, благодаря, вдобавокъ, его пристрастію къ полемикѣ и противорѣчію, всегда доходили до утопій или крайностей.

Это довольно рѣзко обнаружилось во время его службы въ Остзейскомъ краѣ, о которомъ написалъ онъ свои знаменитыя «Окраины Россіи», надѣлавшія столько шума; а также когда онъ состоялъ очень дѣятельнымъ и вліятельнымъ членомъ редакціонной комиссіи во время освобожденія крестьянъ и, наконецъ, въ Московскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, Московскимъ губернскимъ гласнымъ.

Кстати, здѣсь нельзя не вспомнить одну изъ оригинальностей Юрія Федоровича, известную теперь всѣмъ (а я зналъ это давно), а именно, что онъ отослалъ министру юстиціи графу Панину съ письмомъ ордень, полученный имъ за труды по окончаніи работъ въ редакціонной комиссіи. Орденъ этотъ, кажется Владиміра 3-й степени, послѣ смерти графа Панина былъ найденъ въ его письменномъ столѣ вмѣстѣ съ письмомъ Юрія Федоровича, о которомъ графъ, по добротѣ своей, не рѣшился никогда довести до свѣдѣнія Государя.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда мы были товарищами, я, разумѣется, не зналъ, какую карьеру предприметъ Юрій Федоровичъ; но впоследствии я часто думалъ, что онъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы съ его безспорными дарованіями и съ его огромнымъ запасомъ знаній, предался всецѣло наукѣ, вмѣсто того, чтобы вступать на службу гражданскую на которой его ожидало такъ много разочарованій. Тогда, можетъ быть, онъ принесъ бы болѣе пользы и своей родинѣ, и наукѣ, и не умеръ бы такъ преждевременно, пользуясь полною сплѣткою способностей.

Какъ неповѣдны судьбы человѣческія! Странная, въ самомъ дѣлѣ, судьба постигла этого неутомимаго борца за свои убѣжденія!

Юрій Федорович погибъ, такъ сказать, подъ ножомъ Нѣмцевъ, столь ему ненавистныхъ, случайно, въ Берлинѣ, гдѣ ему сдѣлали, повидимому, самую ничтожную операцію, отъ которой онъ неожиданно и внезапно скончался въ загородной больницѣ.

Изъ остальныхъ нашихъ сверстниковъ и друзей я упомянулъ о четырехъ братьяхъ Черкасскихъ, весьма образованныхъ молодыхъ людяхъ, изъ которыхъ два старшихъ: Константинъ и Иполитъ жили недолго, а князь Владимиръ Черкасскій сдѣлался впоследствии извѣстнымъ, какъ членъ редакціонной комиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, какъ членъ Милютинской комиссіи и, наконецъ, въ Болгаріи. Четвертый братъ Евгеній былъ моимъ товарищемъ по полку. Всѣ братья были весьма даровитые люди, въ особенности Константинъ, преждевременно умершій, и Владимиръ. Онъ имѣлъ довольно значительное имѣніе въ Тульской губерніи, въ которомъ онъ освободилъ своихъ крестьянъ гораздо ранѣе введенія Положенія 1861 года; но, освободивъ ихъ отъ барщины, онъ далъ имъ даромъ только одну усадебную землю, что подало поводъ въ то время говорить про него, что онъ, какъ человѣкъ дальновидный, сдѣлалъ это изъ расчета, чтобы не давать изъ своей земли крестьянамъ надѣла по Положенію. По этому случаю многіе надъ нимъ остряли, а другіе строго его осуждали за то, что онъ, освободивъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣлался впоследствии однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ отчужденія земли помѣщичьей въ пользу крестьянъ, когда былъ назначенъ членомъ редакціонной комиссіи во время составленія Положенія 19 Февраля 1861 года.

Обладая даромъ слова и большими способностями, онъ пріобрѣталъ на всѣхъ своихъ сослуживцевъ большое вліяніе, равно какъ и въ высшихъ административныхъ сферахъ. Такъ было съ нимъ въ редакціонной комиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ съ Милютинымъ, потомъ въ Москвѣ, когда онъ былъ городскимъ головою и, наконецъ, въ Болгаріи, гдѣ онъ занималъ такой высокій постъ. Но, имѣя власть въ рукахъ, онъ, повидимому, нигдѣ не оставилъ послѣ себя ничего прочнаго, никакихъ слѣдовъ, обнаруживающихъ въ крупномъ такомъ дѣятелѣ истинно-государственного человѣка, одареннаго административнымъ гениемъ. Впрочемъ этимъ недостаткомъ мы всѣ, Русскіе люди, страдаемъ по преимуществу.

Въ тридцатыхъ же годахъ друзьями нашей молодости были, какъ я говорилъ выше, князь Лобановъ, старшій сынъ сенатора, жившаго въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Собачьей площадкѣ; Сухово-Кобылинъ, единственный сынъ у отца, чрезвычайно заботившагося объ образованіи своихъ дѣтей. Сестра этого замѣчательнаго человѣка вы-

шла за Француза графа Салиаса и впоследствии сдѣлалась извѣстной писательницей подъ псевдонимомъ Евгени Туръ. Затѣмъ нашимъ сверстникомъ находился еще Кавелинъ, будущій профессоръ; но этихъ троихъ молодыхъ людей можно скорѣе считать сверстниками моего старшаго брата Бориса и товарищами его по университету, чѣмъ моими, потому что они были немного старше меня.

Я помню что впоследствии молодого Сухово-Кобылина постигло несчастье. Говорили, что у него былъ цѣлый романъ съ молодою, весьма красивою Француженкой, связь съ которой имѣла ужасно трагическій конецъ, разбившій его молодую жизнь и испортившій всю его карьеру. Дѣвицу эту нашли убитой на квартирѣ Сухово-Кобылина, его прислужой, которая будто на судѣ показала, что убійство было совершено по его приказанію. Дѣло это тянулось два года. Сухово-Кобылинъ былъ оправданъ.

Что же касается до послѣдняго упомянутаго мною выше сверстника того времени и нашего пріятеля Сергѣя Ивановича Миллера, то онъ образованіе свое получилъ не въ Москвѣ, а въ Царскосельскомъ Лицѣѣ и, будучи сиротою, жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своей красавицей сестрой, у родного ихъ дяди сенатора Озерова, близко знакомаго съ нашими родителями. Отсюда произошла наша дружба, продолжавшаяся до смерти этого замѣчательнаго по своимъ способностямъ человѣка, къ сожалѣнію преждевременно сошедшаго въ могилу 38 лѣтъ, отъ болѣзни спинного мозга. Вспоминая объ этомъ симпатичномъ молодомъ человѣкѣ, я не могу не отмѣтить одну черту тогдашняго Московскаго высшаго общества, среди котораго Сергѣй Ивановичъ представлялъ собою рѣдкую особенность потому только, что онъ не говорилъ иначе, какъ на родномъ языкѣ. Онъ, по всей вѣроятности, не владѣя Французскимъ языкомъ въ томъ совершенствѣ, въ которомъ онъ владѣлъ языкомъ Русскимъ, и какъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, вовсе отказался говорить по-французски. Между тѣмъ въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, высшее наше общество въ то время до такой степени сроднилось съ Французскимъ разговорнымъ языкомъ, что незнаніе этого языка рождало всеобщее предубѣжденіе, даже пренебреженіе къ лицу, говорящему только по-русски. Именно въ этомъ-то случаѣ Сергѣй Ивановичъ былъ исключеніемъ и представлялъ собою особенность въ высшемъ Московскомъ обществѣ, гдѣ онъ всегда былъ особенно прекрасно принятъ и гдѣ онъ всѣми былъ отличаемъ и любимъ.

О графѣ Александрѣ Строгановѣ, товарищѣ моего брата, всту-

нившимъ тоже тогда въ университетъ, я буду имѣть случай говорить впоследствии.

Въ то время въ Москвѣ многіе родители давали вечеринки, на которыхъ танцовало юношество со свойственною ему жизнерадостною веселостью. Танцевали подъ звуки оркестра, а кавалерами были большею частью все студенты и изрѣдка два или три молоденькихъ офицера. Маленькіе балы давались по одному или по два въ зиму и у насъ.

Изъ подобныхъ баловъ самые нарядные давали тогда извѣстная своею любезностью и аристократизмомъ Софья Петровна Апраксина, вдова, имѣвшая одного сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, замѣчательно хорошенькая собой, впоследствии вышла замужъ за одного изъ моихъ младшихъ братьевъ, князя Сергѣя. Ея приглашенія считались большою честью, потому что она была очень строга въ выборѣ кавалеровъ. Ея огромное состояніе и родственныя связи ставили ее въ исключительное положеніе въ Московскомъ обществѣ. Она сама была очень красива: небольшого роста, съ подкупающими своею женственностью манерами, съ ласкающимъ взглядомъ она своею привѣтливостью была на самомъ дѣлѣ обворожительна.

При строгихъ ея правилахъ Софья Петровна многихъ, должно быть, изъ числа своихъ поклонниковъ сводила съ ума своими чарами въ молодости, судя по тому всеобщему обожанію, которымъ она была окружена со стороны мужчинъ и даже со стороны моего отца, уже въ зрѣломъ ея возрастѣ, когда она была лѣтъ сорока. У нея бывали въ то время также и музыкальные вечера, когда Москву посѣщали какія-нибудь знаменитости. Я помню, что я слышалъ въ первый разъ на одномъ изъ такихъ музыкальныхъ вечеровъ, данныхъ Софьей Петровной для молодежи, въ числѣ которой была ея младшая дочь Марья Владимировна, уже тогда обнаружившая большой талантъ, знаменитаго пианиста Леопольда Маффера, послѣ того долго жившаго въ Россіи и написавшаго цѣлый рядъ прелестныхъ музыкальныхъ сочиненій на разные мотивы изъ Русскихъ пѣсень и преимущественно Цыганскихъ.

Впоследствии, лѣтъ 30 спустя, я нѣсколько разъ встрѣчался за границей на мѣнеральныхъ водахъ съ этимъ артистомъ, сохранившимъ до старости талантливое исполненіе и силу, но подъ конецъ ѣздившимъ концерттировать только въ Америку, чтобы, со свойственною по видимому ему жадностью, увеличивать уже значительный свой капиталъ, безъ особой необходимости, такъ какъ у него не было дѣтей.

Онъ очень любилъ Россію, съ благодарностью вспоминалъ о радужномъ приѣмѣ, сдѣланномъ ему у насъ, и всегда встрѣчалъ Русскихъ своихъ знакомыхъ съ видимою и непритворною радостью.

Странный человекъ былъ этотъ Майеръ. Когда мы съ нимъ вмѣстѣ на водахъ совершали прогулки и заходили въ какую-нибудь кофейную, чтобы на воздухѣ выпить кофе, онъ неизмѣнно всякій разъ заявлялъ о неимѣніи денегъ, въ то время, когда намъ приходилось расплачиваться, и неукоснительно каждый разъ пряталъ въ карманы своего жилета оставшіеся въ сахарницѣ куски сахара.

Приверженность его къ Россіи заставляла меня прощать ему этотъ, слишкомъ уже грубый, признакъ его необычайнаго скряжничества, который заставлялъ меня краснѣть передъ прислугой; но впоследствии я убѣдился, что причина его странности была не та, а что онъ былъ одержимъ особою болѣзнью, открытою наукой въ послѣднее время, *клетоманіей*.

Я убѣдился въ этомъ слѣдующимъ образомъ. Въ бытность мою въ Карлсбадѣ, онъ довольно часто къ намъ заходилъ и даже нерѣдко по просьбѣ моей покойной жены садился за рояль и охотно игралъ ей что-нибудь изъ ея любимыхъ пѣсень. Разъ какъ-то, оставивъ его одного въ гостиной, гдѣ на столѣ лежалъ довольно изящный, большой величины, ножъ изъ черепахи для разрѣзанія книгъ, я увидѣлъ въ зеркало, входя изъ другой комнаты, какъ онъ этотъ длинный ножъ преспокойно укладывалъ въ боковой карманъ своего сюртука!... Я былъ пораженъ въ особенности невозмутимостью, съ которой онъ на меня послѣ этого смотрѣлъ и, разумѣется, не сказалъ ему ни слова.

Но я долженъ вернуться къ нашимъ юношескимъ баламъ въ Москвѣ, чтобы дополнить этотъ краткій очеркъ общества, состоявшаго изъ той молодежи, къ которой и я принадлежалъ. По этому я считаю не лишнимъ поименовать тѣхъ дѣвицъ, съ которыми мы танцовали и которыя служили украшеніемъ нашихъ вечеровъ.

Среди этого цвѣтника обильныхъ, только-что распустившихся цвѣтковъ трудно было опредѣлить, которые изъ нихъ были лучше и душистѣе.

Въ эти годы, отъ 15 до 18 лѣтъ, свѣжесть и молодость дѣвицъ заставлялъ забывать о классическихъ чертахъ Греческихъ статуй!..

Изъ нихъ, въ то время, выдающіяся и оправдавшія вполне впоследствии своею миловидностію и красотою тѣ надежды, которыя, въ-

роятно, на нихъ возлагали ихъ матери, были слѣдующія: Олимпиада Каблукова, вышедшая впоследствии за князя Анатоля Барятинскаго, Елпсавета Трубецкая, вышедшая за князя Урусова, княжна Щербатова, вышедшая за г-на Норда, княжна Софія Оболенская, вышедшая за моего старшаго брата князя Бориса; Вадковская, вышедшая за генерала Вревскаго, Марья Владимировна Апраксина, впоследствии жена моего брата Сергѣя, и наконецъ моя сестра, вышедшая за принца Бирона.

Балы тогда давались кн. Варварой Сергѣевной Голицыной, называемой Бабё, Марьей Степановной Татищевой и тетушкой моего отца, кн. Натальей Сергѣевной Трубецкой, которая жила въ своемъ роскошномъ барскомъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ была прекрасная домовая церковь, очень памятная для насъ всѣхъ не только потому, что въ дѣтствѣ насъ возили въ эту церковь къ обѣднѣ въ Воскресенія и въ особенности во всѣ большіе праздники, но и потому, что мы впоследствии почти всѣ въ ней же вѣнчались. Княгиня, рожденная княжна Мещерская, по всей справедливости пользовалась репутаціей умной, образованной и чрезвычайно практической женщины. Она считалась одной изъ первыхъ почтенныхъ старыхъ дамъ, которыхъ въ то время было много въ Москвѣ, какъ-то: графиня Панина, графиня Бобринская (рожденная Соковнина), Новосильцова, княгиня Оболенская (рожденная княжна Гагарина) и проч. Онѣ всѣ у себя принимали и давали, какъ говорятъ, тонъ всему обществу.

Тетушка княгиня Наталья Сергѣевна вышла очень молодою за человека богатаго, но весьма расточительнаго и слабохарактернаго. Отъ массы накопившихся долговъ онъ сталъ нуждаться въ деньгахъ, не смотря на свои обширныя помѣстья въ разныхъ губерніяхъ. Княгиня Наталья Сергѣевна, скоро догадавшись о неминуемомъ ихъ разореніи, съ согласія мужа взяла въ свои руки бразды правленія и, рѣшившись тотчасъ продать половину всѣхъ имѣній, при большой аккуратности и порядкѣ, спасла такимъ способомъ остальное состояніе и оставила каждому изъ трехъ своихъ сыновей не менѣе милліона въ имѣніяхъ и въ капиталахъ.

Что всего замѣчательнѣе въ этомъ женскомъ подвигѣ, это то обстоятельство, что она все это совершила и кромѣ того управляла многочисленными своими помѣстьями при помощи одного только своего вѣрнаго слуги, дворецкаго Влуква, всѣмъ намъ извѣстнаго. Оригинально то, что онъ, въ свободное отъ поѣздокъ по имѣніямъ время, вступалъ немедленно въ свою должность дворецкаго и во время обѣда, становясь за креслами хозяйки, въ непомѣрно-высокомъ гадстукѣ и всегда съ важною осанкой, подавалъ блюда за столомъ.

Изъ трехъ сыновей тетушки, старшій, князь Петръ Ивановичъ, женатый на единственной дочери фельдмаршала князя Витгенштейна, былъ губернаторомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а затѣмъ, кажется, сенаторомъ въ Москвѣ. Другой ея сынъ, князь Николай Ивановичъ (женатый на графинѣ Муспной-Пушкиной) вдовецъ, Эпикуреецъ, великій хлѣбосолъ, котораго обѣды славились по всей Москвѣ, былъ самый пріятный человекъ въ обществѣ; онъ скончался первоприсутствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, послѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Третій сынъ княгини Натальи Сергѣевны, князь Алексѣй Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Четвертинской, высокообразованной и весьма умной женщинѣ, извѣстной въ Москвѣ филантропкѣ, посвятившей себя всецѣло дѣламъ благотворительности и милосердія: княгиня Надежда Борисовна Трубецкая состоитъ попечительницей многочисленныхъ благотворительныхъ учреждений и всѣми въ Москвѣ уважаема и любима. Сынъ ея князь Алексѣй Алексѣевичъ Трубецкой, по смерти своего дяди, князя Николая Ивановича, когда продалъ его фамильный домъ въ Знаменскомъ переулкѣ, хотѣлъ спасти этотъ домъ своихъ предковъ и перекупилъ его у какого-то купца, но не могъ его удержать и долженъ былъ продать его Щукину.

Наконецъ наступилъ столь памятный для меня 1838 годъ, когда осуществилась моя заветная мечта: родители мои въ концѣ концовъ согласились, чтобы я вступилъ на военную службу. Подано было объ этомъ прошеніе, и весной вышелъ приказъ, что я зачисленъ юнкеромъ въ полкъ, которымъ командовалъ мой дядя князь Ливень, а именно въ Оренбургскій Уланскій полкъ 6-й кавалерійской дивизіи 6-го корпуса.

Начались приготовленія моей заботливой матушки о моемъ снаряженіи. По этому важному въ нашей семейной жизни случаю, она конечно выказала всю свою материнскую любовь и попеченіе, входила во всѣ мелочи, все предусмотрѣла, даже сама наняла для меня хорошаго камердинера, которому дала надлежащее наставленіе. Мой добрый братъ Борисъ ей помогалъ во всѣмъ и самъ снабжалъ меня всѣмъ возможнымъ, при чемъ купилъ мнѣ пару прекрасныхъ пистолетовъ. Можно было бы въ самомъ дѣлѣ подумать, что война уже объявлена и что меня снаряжаютъ въ дальній и трудный походъ, между тѣмъ какъ мой полкъ стоялъ въ разстояніи не болѣе ста верстъ отъ Москвы, въ г. Коломнѣ.

Согласно распоряженію моего дяди, командира полка, я долженъ былъ явиться къ эскадронному командиру учебнаго эскадрона, находившагося въ Москвѣ въ казармахъ Колымажнаго двора. Эскадронный

командиръ принялъ меня очень любезно и сообщилъ, что онъ получилъ приказаніе отъ полкового командира обмундировать меня въ эскадронной швальнѣ и что для этого мнѣ необходимо будетъ доставить ему достаточное количество солдатскаго сукна, такъ какъ въ ихъ полку строго запрещено юнкерамъ носить тонкое сукно. Затѣмъ онъ послалъ за унтеръ-офицеромъ закройщикомъ, который снялъ съ меня мѣрку. Простившись со мной, онъ приказалъ мнѣ, когда я буду обмундированъ, явиться къ нему.

Сукна я купилъ гвардейскаго (которое, хотя и весьма толстое и грубое, но все-таки лучше армейскаго) оставилъ его въ эскадронной швальнѣ и немного времени спустя долженъ былъ придти въ казармы для примѣрки. Признаюсь, первое ощущеніе, когда я облачился, было весьма жуткое: я былъ страшно стянутъ въ тальѣ, а шею мою, въ высокомъ (на 4-хъ крючкахъ), непомѣрно-жесткомъ воротникѣ, душило совершенно какъ въ тѣсномъ собачьемъ ошейникѣ. Когда я указалъ на эти недостатки унтеръ-офицеру закройщику, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что это такъ по формѣ должно быть, и повелъ меня къ эскадронному командиру на осмотръ.

Когда мы пришли къ командиру, онъ тщательно меня осмотрѣлъ и на мое замѣчаніе, что мнѣ грудь и талью нѣсколько жметъ, а воротникъ такъ тѣсенъ, что меня душитъ, приказалъ распустить грудь и талью, но воротникъ нашелъ превосходнымъ и совершенно по мѣркѣ. Надо было покориться. Впослѣдствіи я терпѣлъ отъ этого воротника настоящую пытку, терпѣлъ не жалуясь и полагая, что необходимо пережить ее съ мужествомъ, свойственнымъ военному человѣку, какимъ я уже себя считалъ.

Когда все было готово, мой инструкторъ, унтеръ-офицеръ, преподалъ мнѣ на первомъ моемъ урокѣ, какъ слѣдуетъ отдавать честь офицерамъ. Я живо помню до сихъ поръ, съ какимъ страннымъ и пріятнымъ душевнымъ волненіемъ я въ первый разъ воспользовался этимъ урокомъ, сдѣлавъ фронтъ встрѣтившемуся мнѣ на улицѣ офицеру.

Мнѣ помнится хорошо, какъ именно въ этотъ день, облекшись въ свою новую военную форму, въ которой я пошелъ въ первый разъ по улицамъ Москвы, чтобы показаться своей тетускѣ Марьѣ Ивановнѣ Гончаровой, неожиданно встрѣтилъ я въ какомъ-то глухомъ переулкѣ офицера, и какъ немедленно, остановясь, я отдалъ ему честь по всѣмъ преподаннымъ мнѣ правиламъ. Въ то время отдавали офицерамъ честь совсѣмъ не такъ, какъ теперь: нужно было, замѣтивъ издалека идущаго навстрѣчу офицера, шаговъ за десять разстоянія до

него, остановиться, повернуться быстро на каблукахъ къ нему лицомъ и, вытянувшись въ струнку и держа руки по швамъ, прослѣдить его глазами и послѣ того, вновь быстро повернувшись на каблукахъ, продолжать идти своей дорогой.

Признаюсь откровенно, мнѣ очень понравился этотъ военный обычай.

Когда я продолжалъ свой путь послѣ встрѣчи съ офицеромъ, мнѣ почему-то показалось, что въ этомъ почтительномъ привѣтѣ совершенно незнакомому человѣку заключается не только какое-то нелишнее достоинство проявленіе уваженія къ старшему, но что въ немъ еще кроется какое-то выраженіе дружбы и пріязни встрѣчаемому, хотя и незнакомому брату - солдату, но товарищу по оружію или службѣ; а эта мысль такъ хорошо вторила моему радужному настроенію, что была въ сущности причиной моего, можетъ быть, слишкомъ дѣтскаго восторга.

Мой эскадронный командиръ оказался большимъ педантомъ: онъ требовалъ, чтобы я всякій день былъ на ученіи въ маневрѣ въ 9 часовъ утра, а такъ какъ казармы отстояли отъ нашего дома по крайней мѣрѣ въ трехъ верстахъ, а на извозикѣ я ѣздить не смѣлъ (было строжайше запрещено въ то время юнкерамъ ѣздить въ экипажахъ), то я долженъ былъ утромъ довольно рано вставать, чтобы поспѣвать пѣшкомъ въ время въ казармы на Колымажный дворъ. Упражненія верхомъ меня очень забавляли, потому что я ѣздилъ не хуже всякаго офицера; но пѣшія ученія мнѣ не нравились и меня утомляли. Командиръ требовалъ отъ меня службы во всемъ наравнѣ съ нижними чинами, кромѣ развѣ только того, что я былъ избавленъ отъ чистки лошадей и уборки навоза. Я все исполнялъ съ охотой. Изъ числа служебныхъ обязанностей менѣе забавною мнѣ показалось дежурство въ казармахъ, а въ особенности въ конюшнѣ.

По этому поводу я вспоминаю одинъ оригинальный совѣтъ, преподанный мнѣ моимъ бывшимъ преподавателемъ Латвискаго языка, какъ мнѣ избавиться отъ скуки во время моего дежурства по конюшнѣ. Этотъ ученый профессоръ и идеалистъ, влюбленный въ своихъ классиковъ, зашелъ какъ-то ко мнѣ, по старой дружбѣ, чтобы узнать, какъ мнѣ живется на службѣ царской. Когда я ему, между прочимъ, упомянулъ на счетъ своихъ военныхъ занятій о томъ, что тѣ сутки, которые я провожу на конюшнѣ во время дежурства, мнѣ кажутся нескончаемыми, онъ у меня спросилъ: «Что же вы дѣлаете въ это время?» — «Лежу на сѣнѣ въ конюшнѣ и ничего не дѣлаю!» — «Ахъ», ска-

залъ онъ наивно, «чтобы вамъ взять съ собою Горация! Нынче есть маленькія стереотипныя изданія; вамъ очень легко было бы носить съ собою въ карманѣ». Я живо представилъ себѣ оригинальную картину этого небывалаго въ жизни военнаго человѣка случая, а именно: юнкера, лежащаго на большой кучѣ сѣна въ конюшнѣ и читающаго по-латыни великаго древняго поэта. Хорошій былъ человѣкъ этотъ, влюбленный въ своихъ классиковъ, латинистъ! Мнѣ понравился его совѣтъ по своей оригинальности, но мнѣ не пришлось ему послѣдовать, потому что я былъ слишкомъ развлеченъ новымъ своимъ обязанностями. Я фактически не могъ въ конюшнѣ достаточно сосредоточиться, чтобы читать Горация. Вѣдь читать Горация не легко даже дома, съ лексикономъ, а тѣмъ паче въ конюшнѣ.

Я не долго оставался въ Москвѣ: наступило время весеннихъ полковыхъ учений, и дядя выписалъ меня къ себѣ въ Коломну.

Рѣшено было отправить меня на долгихъ, т. е. на хорошей тройкѣ, въ большой кибиткѣ, съ ямщикомъ, который брался, ночуя только одинъ разъ на подорожъ, доставить меня въ срокъ до мѣста. Тогда не было шоссейныхъ дорогъ въ Московской губерніи, кромѣ Петербургскаго тракта; вездѣ были грунтовые дороги, довольно сносныя и мягкія, говоря относительно; по этой причинѣ, вѣроятно, мало встрѣчалось по дорогамъ не только рессорныхъ экипажей, но даже тарантасовъ, которые тогда считались немалою роскошью.

Я скоро собрался, простился съ Москвой, напутствуемый всѣмъ семействомъ и, взволнованный не менѣе моей матери и моего старшаго брата, съ которымъ я до того времени не разставался, выѣхалъ изъ Москвы.

Рѣдка мать среди своихъ дѣтей не имѣетъ фаворита. Явленіе это очень часто не поддается простому объясненію; оно происходитъ отъ неуловимыхъ физиологическихъ и другихъ причинъ. Наша идеальная мать, напримѣръ, не могла быть подозрѣваема въ фаворитизмъ, иначе сказать, въ несправедливости къ своимъ дѣтямъ; а между прочимъ все же ея сердце лежало болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ прочимъ. Почему это было, я не могъ въ этомъ дать себѣ отчета, хотя я это чувствовалъ; да и сама матушка, если бъ ее о томъ спросили, вѣроятно не могла бы этого объяснить.

Изъ дома мнѣ, какъ оказалось, отпустили столько добра, что я самъ съ трудомъ помѣстился на чемоданѣ въ этой огромной ямской кибиткѣ, запряженной тройкой сытыхъ прекрасныхъ лошадей; въ ней же сидѣли на облучкѣ молодой, красивый парень-ямщикъ и новый мой камердинеръ Алексѣй.

Когда послѣ послѣднихъ объятій я сѣлъ и повозка тронулась, такой шумъ и трескотня пошли раздаваться по улицѣ, что можно было подумать, что ѣдутъ пожарные или артиллерія. Мнѣ случилось не разъ въ деревнѣ кататься на простой телѣгѣ, наложенной сѣномъ или на веревочныхъ переплетахъ, но тутъ я въ первый разъ испыталъ все неудобство ѣзды въ экипажѣ безъ рессоръ по Московской плохой мостовой. Въ началѣ я думалъ, что, какъ говорить въ простонародьи, Господу Богу душу отдамъ. Тряска была такая, что, казалось мнѣ, всѣ внутренности мои выскочатъ. Въ головѣ стоялъ страшный шумъ и, казалось, мозги мои ударились о темя. Съ ужаснымъ нетерпѣніемъ я еле могъ, скрѣпя сердце, дожидаться пріѣзда нашего къ Рогожской заставѣ, гдѣ мы остановились, чтобы по тогдашнимъ правиламъ записать имя проезжающаго.

Къ довершенію всего, мои пожитки и ящики отъ этой тряски сдвинулись съ мѣста и, собравшись по срединѣ обширнаго дна просторной кибитки, начали дѣйствовать на меня наступательно, посягая на мою личность и отдавливая мнѣ немилосердно ноги.

Оправившись и приведя въ порядокъ внутренность колесницы, мы весело, съ звонкимъ колокольчикомъ, покатали по мягкой дорогѣ; твердое мое сидѣнье на чемоданѣ замѣнило куль, туго набитый сѣномъ.

Я въ первый разъ въ жпзни почувствовалъ себя вполне самостоятельнымъ.

Сознаюсь, что хотя мнѣ тяжела была первая разлука съ родительскимъ домомъ, но когда мы, миновавъ подгороднія дачи, выѣхали въ чистое поле, я полною грудью сталъ дышать счастьемъ и свободой. Такъ въ юности впечатлѣнія, совершенно противоположныя, скоро смѣняются одно другимъ! Цѣлый рой веселыхъ думъ и радужныхъ надеждъ навѣвалъ мнѣ этотъ живительный деревенскій воздухъ.

Я началъ съ любопытствомъ разсматривать подробности окружающей меня мѣстности, для меня до того вовсе неизвѣстной. Влѣво отъ дороги, на пригоркѣ, возвышался цѣлый городокъ съ блестящими на солнцѣ золотыми куполами церквей и соборовъ, за высокой каменной стѣной. На мой вопросъ ящикъ сообщилъ мнѣ, что это Рогожское кладбище, т. е. тотъ знаменитый раскольниковій монастырь или, лучше сказать, притонъ начитанныхъ и богатыхъ раскольниковъ, о которомъ я слыхалъ. При взглядѣ на эти роскошныя строенія, странно мнѣ показалось, что эта секта, возникшая и существующая ради только одного невѣжества, не смотря на всѣ преслѣдованія, можетъ размножаться, крѣпнуть и богатѣть, вопреки существованію сельскихъ

школь, влиянію нашего духовенства и наконецъ неоспоримому, хотя медленному, прогрессу. Съ тѣхъ поръ прошло ровно 60 лѣтъ, а вопросъ этотъ остается, кажется, до настоящаго времени такимъ же темнымъ и необъяснимымъ какъ и тогда.

Когда мы проѣхали десятка съ два версты, начались тѣ огромныя луговья, покрытыя живою зеленью пространства залпвныхъ луговъ, называемыхъ Озерецкими, Дѣдновскими и Бронницкими, вдоль Москвырѣки, доставляющихъ большіе доходы землевладѣльцамъ и всему населенію: на нихъ собираютъ Москворѣцкое сѣно, которымъ снабжается вся Москва. Затѣмъ стали безпрестанно попадаться намъ большія и богатыя селенія, къ сожалѣнію нынѣ обвинявшія сравнительно съ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю, когда въ каждомъ дворѣ было отъ пяти до десяти лошадей.

Ночевать мы пріѣхали въ огромное селенье Озерки, въ весьма просторную и чистую избу, хозяйинъ которой возилъ вольную почту, тогда существовавшую на этомъ богатомъ трактѣ.

Я очень удобно расположился на ночь и спросилъ самоваръ. Едва я усѣлся за столъ, какъ вошелъ ко мнѣ въ комнату какой-то отставной офицеръ, который, назвавъ свою фамилію, рекомендовался какъ проѣзжающій, на пути въ Москву изъ дальней губерніи. Онъ выражался хорошо, и весь видъ его былъ весьма приличенъ, такъ что я не могъ его не пригласить на чашку чая. Онъ оказался очень словоохотливымъ и неглупымъ человѣкомъ, много меня спрашивалъ обо всемъ до меня относящемся и много мнѣ рассказывалъ о своихъ походахъ, въ особенности съ прекраснымъ полкомъ. Время летѣло въ пріятной бесѣдѣ, и было уже далеко за полночь, когда онъ мнѣ прекрасно продекламировалъ страстное стихотвореніе Языкова о Цыганкѣ. Кончилась наша бесѣда тѣмъ, что онъ у меня попросилъ денегъ на дорогу.

Признаюсь, эта неожиданная развязка меня сконфузила; но я не потерялся, смекнувъ тотчасъ, съ какого рода человѣкомъ я провелъ вечеръ и что стѣсняться съ нимъ мнѣ не слѣдуетъ, вслѣдствіе чего я вынулъ при немъ все что было у меня мелочи въ кошелекѣ (рубля полтора) и великодушно ему отдалъ. Онъ принялъ и простился со мною съ видимымъ разочарованіемъ. До очевидности замѣтно было, что онъ рассчитывалъ поэксплуатировать меня гораздо шире, полагая, что въ молодые годы я отъ легкомыслія или другихъ причинъ буду щедрѣе.

На другой день я выѣхалъ очень рано утромъ, такъ что новаго своего знакомаго не видалъ; хотя онъ стоялъ въ той же избѣ, какъ

и я, но въ другомъ отдѣленіи. Погода стояла превосходная, городъ Бронницы мнѣ очень понравился своимъ мѣстоположеніемъ; мы перѣѣхали черезъ Москву-рѣку по плашкоутному мосту.

Мнѣ помнится, что, проѣхавъ мостъ, когда мы стали шагомъ съ трудомъ подниматься на весьма крутой и высокій противоположный берегъ (я сѣлъ на повозку бокомъ, спустивши ноги, при чемъ чело-вѣкъ шелъ пѣшкомъ, а кучеръ соскочилъ и далъ мнѣ держать вожжи), намъ повстрѣчалась цѣлая группа весьма миловидныхъ дѣвушекъ въ очень живописныхъ и опрятныхъ нарядахъ, засмотрѣвшихся, какъ мнѣ показалось, на меня съ видимо кокетливыми улыбками и даже, уходя, обернувшись назадъ, чтобы еще разъ взглянуть въ мою сторону, при чемъ старшая изъ нихъ что-то такое даже мнѣ сказала. Такой наивный деревенскій комплиментъ должно быть такъ польстилъ моему самолюбію, хотя онъ исходилъ отъ простыхъ крестьянокъ, что я объ немъ помню и до сихъ поръ. Происшедшее было такъ мгновенно, не-ожиданно и ново для меня, что я даже не сумѣлъ догадаться послать этимъ красоткамъ поцѣлуй, а сидѣлъ какъ застывшій, только сильно покраснѣлъ и, чтобы оправиться, сдвинулъ свою солдатскую фуражку нѣсколько больше на бекрень.

Мы прибыли въ Коломну поздно вечеромъ, прямо къ моему дядѣ, который жилъ въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ съ большимъ тѣни-стымъ садомъ. Когда мы подѣѣхали къ крыльцу, у котораго стоялъ часовой при полковомъ ящикѣ, то въ домѣ было еще освѣщено; когда же обо мнѣ доложили дядѣ, то онъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ занятъ, что по случаю поздняго часа онъ не можетъ меня принять, а чтобы я явился къ нему на другой день.

Признаюсь, послѣ тѣхъ родственныхъ отношеній, которыя уста-новились между нами, когда онъ останавливался неоднократно у насъ въ домѣ въ Москвѣ, этотъ приемъ меня больно огорчилъ, тѣмъ болѣе, что именно его родственное обращеніе и продолжительныя бесѣды со мной имѣли на меня большое вліяніе и оказывались во многомъ при-чиной моего упорнаго и горячаго желанія служить въ военной службѣ.

По распоряженію дяди, меня проводили въ приготовленную мнѣ квартиру въ маленькомъ флигелѣ, находившемся въ самомъ тѣнистомъ мѣстѣ сада и состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, весьма скромно оме-блированныхъ, изъ которыхъ одна предназначалась для меня, а другая для моего человѣка.

Подъ свѣжпмъ впечатлѣніемъ холоднаго приѣма дяди, я долго не могъ заснуть. Наши ночныя думы однако бывають часто для насъ хорошими совѣтниками и съ избыткомъ вознаграждаютъ за томительныя часы бессонницы. Такъ было и со мною въ эту ночь. Мало-помалу тяжелое мое впечатлѣніе исчезло, по мѣрѣ того какъ я раскидывалъ все разумомъ и попалъ наконецъ на ту истинную причину, которая побудила дядю такъ поступить со мною въ данномъ случаѣ. Очевиднымъ сдѣлалось для меня, что онъ сразу хотѣлъ поставить наши отношенія не на родственную только ногу. Я въ дѣйствительности въ то время былъ не что иное, какъ нижній чинъ. Дядя по всей вѣроятности хотѣлъ на первыхъ же порахъ дать мнѣ почувствовать значеніе военной дисциплины, разстояніе, существующее между нами, и установить этотъ новый для меня порядокъ, не тратя на объясненія лишнихъ словъ.

На другой день я представился къ нему въ солдатской курткѣ, въ огромныхъ солдатскихъ желѣзныхъ шпорахъ, бряцанье которыхъ, между прочимъ, приводило всегда меня въ восторгъ и, вошедши въ комнату къ дядѣ, не подходя, я вытянулся и сталъ какъ слѣдуетъ во фронтъ. Тогда дядя всталъ, подошелъ и крѣпко обнялъ меня.

Послѣ того онъ усадилъ меня и много спрашивалъ о нашемъ семействѣ, въ особенности о моей матери, которую онъ высоко чтилъ и уважалъ. Въ заключеніе онъ мнѣ объявилъ, что я зачисленъ въ третій эскадронъ, но что я пока не войду въ составъ этого эскадрона, а буду находиться въ учебной командѣ, которая находится въ Коломнѣ подъ командою ротмистра Ашанина. При этомъ онъ далъ мнѣ приказаніе ежедневно въ 9 часовъ утра быть на ученіи, а къ нему являться всякій день къ обѣду и вечернему чаю; изъ города же никуда не отлучаться безъ особаго его разрѣшенія.

Не въ укоръ моему дядѣ будь сказано, сначала эти обѣды у него были для меня невыносимы, потому что ѣсть затянутому въ толстое солдатское сукно, какъ въ деревянный корсетъ, было страшно неудобно и чѣмъ сильнѣе аппетитъ, тѣмъ тяжелѣе. Мнѣ помнится, что единственнымъ утѣшеніемъ тогда въ моей горькой участи служило для меня то, что за кофеомъ послѣ обѣда всегда всѣмъ подавали трубки съ превосходнымъ Турецкимъ табакомъ, которую дома я до того времени не смѣлъ курить; между тѣмъ я до Турецкаго табаку былъ большой охотникъ. Вдобавокъ еще, курить трубку вмѣстѣ съ командиромъ и приглашенными къ обѣду офицерами мнѣ казалось въ мои лѣта особенно солидно и почетно.

Объдало ежедневно не болѣе двухъ лицъ: то адъютантъ дяди, поручикъ Альбрехтъ, прекрасный молодой человекъ съ Георгіевскимъ крестомъ, большой приверженецъ Французской литературы, артистъ на гитарѣ и неутомимый на службѣ; затѣмъ полковой казначей Ганъ, анекдотистъ и острякъ, и полковой квартирмейстеръ Фаминценъ, а иногда и какой нибудь изъ офицеровъ пріѣзжавшихъ изъ эскадроновъ въ штабъ полка по дѣлу.

Дядя мой былъ одинъ изъ такихъ людей, которые и тогда были на рѣдкость, а въ настоящее время ихъ вовсе нѣтъ. Сынъ князя Ливина, бывшаго важнымъ лицомъ въ Военной Коллегіи при Павлѣ и потомъ при Александрѣ I-мъ, Нѣмецъ по рожденію, стало-быть изъ числа такъ называемыхъ у насъ Остзейскихъ бароновъ, гордый и высокомерный, онъ до того обрусѣлъ, что ненавидѣлъ все Нѣмецкое, превосходно владѣлъ Русскимъ языкомъ и въ минуты запальчивости или гнѣва называлъ *настоящимъ Нѣмцемъ* то лицо, которое хотѣлъ оскорбить, считая то высшимъ браннымъ словомъ. Вотъ каковы были въ то время нѣкоторые изъ нашихъ Остзейскихъ бароновъ! Теперь я, кажется, не ошибусь, если скажу, что этому никто не повѣритъ.

Огромнаго роста, атлетическаго сложенія, съ чрезвычайно мужественнымъ выраженіемъ лица, дядя на своемъ чудномъ конѣ «Антаръ» представлялъ въ самомъ дѣлѣ собою настоящее изображеніе древняго рыцаря.

Его характеръ былъ совершенно сходенъ съ его паружностью: въ немъ было много рыцарскаго. Онъ былъ суровъ, не словоохотливъ, но мечтателенъ и способенъ восторгаться высшими идеалами, разумѣется въ особенности женскими: Онъ доводилъ свою преданность государю до какого-то культа. Онъ былъ добръ, но строгость его по службѣ доходила до крайней суровости.

На другой же день по пріѣздѣ я началъ ходить ежедневно на ученіе въ манежъ, который былъ за городомъ верстахъ въ трехъ отъ нашего дома. Ротмистръ Ашанинъ, мой командиръ, маленькій человекъ, очень смуглый, съ длиннѣйшими черными усами, концы которыхъ были нафарбены спицами, очень походилъ на чернаго таракана. Онъ всегда страшно кричалъ и суетился на ученіяхъ.

Не безъ курьезовъ обходились у насъ пѣшія ученія, т. е. выправка и шагистика, столь мнѣ несимпатичныя. Эту премудрость преподавалъ намъ унтеръ-офицеръ, побывавшій въ образцовомъ полку въ Петербургѣ, стало-быть дока, своего рода профессоръ, не только

знавшій до тонкости фронтовое дѣло, но и изучившій вполне всѣ технические выраженія и самыя красивыя обороты этой своеобразной солдатской литературы.

Такъ, напримѣръ, мнѣ помнится, что,водя насъ фронтомъ до изнеможенія взадъ и впередъ, тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приѣма, онъ иногда останавливался насъ, чтобы намъ дать передохнуть, рисовался передъ фронтомъ и развязно, но докторальнымъ тономъ, преподавалъ намъ совѣты, высокопарно въ родѣ слѣдующаго, къ сожалѣнiю единственнаго, который не изгладился изъ моей памяти: «вы старайтесь всѣми средствами и силами... но не упираясь на оное».

Когда же онъ занимался такъ называемой *выправкой*, то проходилъ по фронту, останавливался подолгу передъ каждымъ солдатомъ, то подымая, то опуская ему подбородокъ, затѣмъ выправляя ему то одинъ бокъ, то другой, или приказывая ему убрать животъ или выпятить грудь. Покончивъ наконецъ всѣ эти манипуляцiи, онъ становился передъ фронтомъ и повторялъ убѣдительно и даже съ упрекомъ: «Зачѣмъ вы тянетесь? Зачѣмъ тянутесь?... Стойте непринужденно»... Какъ будто въ самомъ дѣлѣ человекъ можетъ непринужденно и покойно стоять въ такомъ неестественномъ положенiи!

Скоро моя жизнь у дяди установилась въ такомъ непремѣнномъ порядкѣ: утро занято ученiемъ; обѣдалъ я у дяди всегда въ три часа; затѣмъ дядя отдыхалъ, а я отправлялся къ себѣ и много читалъ, благодаря цѣлой библiотеки, которой снабдила меня моя матушка; наконецъ вечернiй чай въ 9 часовъ у дяди, у котораго я и оставался до 11 часовъ.

Когда мы вечеромъ оставались вдвоемъ, дядя съ карандашемъ въ рукѣ показывалъ мнѣ составъ эскадроновъ и военныя построения.

Вскорѣ я познакомился со своими товарищами - юнкерами, которыхъ было немного въ полку. Они всѣ были очень порядочные люди съ приличнымъ воспитанiемъ.

Сошелся я болѣе съ тремя изъ нихъ: съ княземъ Евгениемъ Черкасскимъ, съ Фитингофомъ, замѣчательно красивымъ молодымъ человекомъ; онъ обладалъ прекраснымъ теноровымъ голосомъ, былъ весельчакъ и страшный повѣса. Третiй юнкеръ, былъ Кошелевъ, сынъ Рязанскаго помѣщика, весьма образованный и солидный молодой человекъ, очень некрасивой наружности, но умный и прiятный. Когда я перешелъ въ гвардiю, то потерялъ совершенно его изъ виду и скоро лѣтъ спустя встрѣтилъ его случайно на Прусской границѣ въ

Вержоловъ, гдѣ онъ находился уже давно начальникомъ одной изъ самыхъ важныхъ нашихъ таможенъ.

Съ офицерами полка я познакомился позже; они всѣ меня радушно принимали. Что меня особенно расположило къ нимъ, это то, что въ сношеніяхъ со мною, какъ съ племянникомъ полкового командира, я не замѣтилъ съ ихъ стороны никакой лести, а только самые открытые товарищескія отношенія. Меня немало удивило то обстоятельство, что почти половина всего комплекта офицеровъ были Поляки и что они рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ Русскихъ офицеровъ, которые съ ними обходились совершенно по-товарищески въ то время, какъ у всѣхъ еще такъ жива была память о недавней кровавой войнѣ и о взятіи Варшавы.

Когда кончилось возстаніе Польши въ 1863 г. мнѣ очень часто приходилъ на умъ вопросъ: почему Поляки послѣ столь энергическаго и кроваваго укрощенія перваго ихъ возстанія въ 1831 г. обратились въ такихъ *кроткихъ*, что мы Русскіе не могли замѣтить въ нихъ никакого чувства злобы, обособленности, мести или сепаратизма, тогда какъ послѣ укрощенія второго Польскаго возстанія, гораздо менѣе кроваваго, отношенія Поляковъ къ намъ Русскимъ сдѣлались совершенно иными и остались таковыми до сего времени?... Не отъ того ли, что, начиная съ 1848 года, когда общее революціонное движеніе, охватившее Европу, проникло въ Польшу, между нашими правителями края не было единства и никакой опредѣленной системы; кромѣ того, туда назначались такія лица, какъ графъ Ламбертъ, генералъ Потаповъ, Альбединскій и другіе, зараженные полонизмомъ или маніей либерализма.

Впослѣдствіи я узналъ, что мой дядя, полковникъ гвардіи и флигель-адъютантъ, какъ человѣкъ строгій и пользующійся полнымъ довѣріемъ государя, былъ назначенъ командиромъ этого полка, чтобы его исправить, потому (какъ говорили) что духъ офицеровъ этого полка неблагонадеженъ и дисциплина въ немъ была распущена. Я это обстоятельство объяснилъ себѣ присутствіемъ въ числѣ офицеровъ многихъ Поляковъ, такъ какъ этотъ элементъ всегда и вездѣ вноситъ съ собою смуту и недовольство. Если въ самомъ дѣлѣ когда-то этотъ корпусъ офицеровъ былъ зараженъ какимъ нибудь духомъ вольнодумства или неповиновенія, то надо сознаться, что рѣшительно не оставалось въ полку никакихъ слѣдовъ его, когда я поступилъ.

Это чудо преобразованія дядя совершилъ, какъ видно, въ короткое время, такъ какъ онъ принялъ этотъ полкъ не болѣе трехъ лѣтъ

тому назадъ. Впрочемъ мнѣ рассказывали, что въ первый годъ его командованія съ нимъ былъ случай одного серьезнаго столкновенія съ офицерами. Онъ какъ-то на полковомъ ученьи погорячился, что съ нимъ случалось нерѣдко, и громко передъ фронтомъ накричалъ на офицеровъ. Послѣ ученья всѣ офицеры пришли къ нему (*in corpore*) съ намѣреніемъ потребовать отъ него извиненія. Дядя ихъ принялъ, но вышелъ къ нимъ при саблѣ. Что именно произошло между дядей и офицерами, мнѣ подробно не удалось узнать; но, повидимому, офицеры не имѣли духу высказать своего намѣренія, и оказалось, что съ тѣхъ поръ никогда подобной попытки ими не было повторяемо.

Осенью весь полкъ отправился на маневры въ Москву и расквартированъ былъ въ селѣ Хорошовѣ, на берегу Москвы-рѣки, близъ Ходынского поля, на которомъ производились маневры. Во время похода я всегда стоялъ въ одной избѣ съ полковымъ адъютантомъ, а обѣдать ходилъ къ дядѣ.

Какъ памятенъ мнѣ до сихъ поръ этотъ первый мой походъ въ полкомъ въ Москву!... Эти впечатлѣнія можно, за исключеніемъ разумѣется внѣшнихъ и другихъ условій, сравнить съ впечатлѣніями молодой барышни на первомъ ея балѣ. Все меня приводило въ восторгъ: начиная съ моей чудной лошади, только что купленной мнѣ дядей по порученію моего отца, и вся эта походная, словно въ военное время, воинственная обстановка; наконецъ то немаловажное для меня обстоятельство, что я въ первый разъ ѣхалъ передъ взводомъ за офицера. Но то, что произвело на меня самое глубокое впечатлѣніе, — это на первой же нашей стоянкѣ послѣ ночлега, въ пятомъ часу утра, звуки пашей прекрасной полковой музыки, проигравшей стройно мелодичную музыкальную пьесу, называемую *походомъ*, которая всегда играетъ за четверть часа до выступленія полка. Звуки эти, громко раздавшіеся на большой площади, среди всеобщей тишины погруженнаго еще въ глубокій сонъ населенія, неожиданно пробудили меня. Я опрометью выскочилъ изъ постели, отворилъ окно въ избѣ и, просунувъ голову, съ замираніемъ сердца сталъ слушать вопиющую мелодію, раздававшуюся на разсвѣтѣ, какъ молитвенный гимнъ среди этой мирной природы.

Очень жаль мнѣ было, когда съ послѣднимъ аккордомъ все утихло. Но мѣшкать было невозможно, самоваръ былъ уже готовъ, и я, наскоро выпивъ стаканъ чая во время моего туалета, черезъ четверть часа былъ уже на конѣ на своемъ мѣстѣ, находясь все еще подъ обаяніемъ только что возбужденнаго во мнѣ поэтическаго настроенія.

На маневрахъ мнѣ было очень весело. Я пользовался большою свободой; мнѣ отвели особую небольшую чпстенькую пзбу, такъ что мои товарищи могли меня посѣщать, не опасаясь встрѣчи съ моимъ дядей, присутствіе котораго ихъ, разумѣется, стѣсняло. Въ свободное время отъ учений и маневровъ я рѣдко ѣзжалъ въ Москву, гдѣ лѣтомъ нпкого не бываетъ и откуда мое семейство также выѣхало въ наше Ошейкино.

Любимымъ моимъ развлеченіемъ служили мнѣ тогда поѣздки верхомъ по окрестностямъ Москвы. Я часто такимъ образомъ посѣщалъ своихъ знакомыхъ въ дачныхъ мѣстностяхъ, которыхъ такъ много кругомъ Москвы.

По этому поводу мнѣ помнится одно довольно маловажное обстоятельство, по которое впоследствии, когда приходило мнѣ на память, заставляло невольно меня призадумываться и вѣрять въ предчувствія, не смотря на то, что мы были всѣ довольно строго воспитаны въ этомъ отношеніи и что въ нашемъ домѣ не вѣрили и не допускали вѣры ни въ какіе предразсудки.

Посѣщая разные подгороднія дачи, гдѣ жили мои знакомые, постоянно принимавшіе меня особенно радушно, какъ новобранца, я оставался какъ-то холодеиъ и не былъ очарованъ видѣнными мною мѣстностями. (Меня какъ-то странно все тянуло въ село Кунцево, имѣніе, принадлежавшее тогда Нарышкинымъ, которыхъ огромный домъ въ родѣ замка былъ виденъ изъ моихъ оконъ, высоко возвышався на обрывистомъ берегу Москвы-рѣки.

Я ожидалъ большого удовольствія отъ этой прогулки верхомъ, и въ дѣйствительности мои надежды оправдались. Спустившись съ кручи къ самой водѣ, я все время ѣхалъ вдоль рѣки по подошвѣ самаго берега и восхищался разнообразными видами на отлогомъ противоположномъ ей берегу. Когда я очутился подъ той вершиной, гдѣ стоялъ Кунцовскій дворецъ, который высоко надо мною возвышался, то я убѣдился, что взобраться верхомъ прямо къ нему по этой кручѣ не было никакой возможности, не смотря на то, что на этой крутизнѣ было нѣсколько плоскихъ террасъ въ той широкой прогалинѣ между обѣими стѣнами вѣковыхъ деревьевъ парка, сквозь которую открывался мнѣ видъ на высокій дворецъ.

Нечего было дѣлать, надо было объѣхать препятствіе, и я рѣшился ѣхать далѣе, не зная, найду ли по близости болѣе доступное мѣсто.

Неожиданное препятствіе въ насъ часто вызываетъ упрямство и настойчивость; а у меня кромѣ того въ данномъ случаѣ, при видѣ на такомъ близкомъ разстояніи этого дворца, родилось какое-то странное любопытство узнать, обитаемъ ли онъ и кто въ немъ живетъ.

Проѣхавъ далѣе, я въѣхалъ въ густой паркъ, подѣ тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, гдѣ встрѣтилъ цѣлый лабиринтъ узкихъ дорожекъ, ведущихъ не по тому направленію, которое мнѣ было пужно. Скоро я запутался въ этомъ лабиринтѣ; но мнѣ было такъ хорошо, что я продолжалъ ѣхать прямо передъ собой, не заботясь о томъ, что я заблудился. Я испытывалъ то чувство пріятной прохлады и отдохновенія, которое мы ощущаемъ, когда послѣ жгучихъ лучей палящаго полуденнаго солнца, попадаемъ подѣ тѣнистый шатеръ густой зелени высокихъ деревъ и дышемъ свѣжимъ лѣснымъ ароматическимъ воздухомъ.

Продолжая путь по этому старому заброшенному парку, я замечтался, при чемъ воображеніе мое разыгралось о заговорившемъ Кунцовскомъ замкѣ и объ его обитателяхъ. Мнѣ казалось, что замокъ, стоящій въ такомъ романтическомъ мѣстоположеніи, обязательно долженъ заключать въ своихъ стѣнахъ какую-нибудь героиню романа!.. Эта героиня, разумѣется, должна была быть замѣчательной красоты. Но если даже, думалось мнѣ, подобной героини и не существовало здѣсь въ дѣйствительности, то отчего бы мнѣ теперь не встрѣтить на моемъ пути, въ этихъ узкихъ тропинкахъ, гуляющихъ обитательницъ этой чудной дачи, разумѣется опять таки красавицъ, съ которыми можетъ совершенно непредвидѣнный случай меня познакомить, а затѣмъ отсюда до романтическихъ послѣдствій недалеко?

Такъ думалъ я, продолжая путь; но увы, ни одной живой души мнѣ не встрѣчалось во всемъ этомъ безмолвномъ лѣсу, гдѣ царила какая-то торжественная тишина.

Проѣхавъ черезъ красивый холмъ обросшій лѣсомъ, который, какъ я узналъ позже, носить названіе Славянской Могилы, я скоро очутился на вершинѣ берега Москвы-рѣки, гдѣ нашелъ наконецъ дорогу, ведущую назадъ къ самому заговорившему замку. Подѣѣхавъ къ нему, я увидалъ издали, что дорога ведетъ мимо самой террасы дома. Не видя никого на ней и движимый любопытствомъ, я отважился ѣхать далѣе. Возлѣ дома стояла громадѣйшая вѣковая липа, отбѣняющая окружающій ее цвѣтущъ крупныхъ розъ: несомнѣнный признакъ присутствія жплцовъ. При этомъ видѣ я остановилъ лошадь, и вдругъ почему-то мнѣ стало стыдно за свое любопытство и нескромность. Мнѣ показалось очевиднымъ, что эта усыпанная пескомъ дорожка по

краю обрыва, по которой мнѣ приходилось ѣхать и на которую сходили двѣ каменные лѣстницы съ террасы нижняго этажа, не должна была служить для постороннихъ лицъ и что во всякомъ случаѣ не могло быть допущено, чтобы нескромныя посѣтителы могли по ней кататься верхомъ. У меня даже сердце забилося при мысли, что можетъ въ эту минуту выйти на террасу созданная передъ тѣмъ моимъ воображеніемъ героиня и бросить на меня взглядъ полный справедливаго негодованія за дерзкій мой поступокъ и что тогда мнѣ останется только лишь одно: повернуть лошадь назадъ и спастись бѣгствомъ!. Но окружающая меня тишина и отсутствіе признаковъ жизни успокоили мое опасеніе, и снова любопытство взяло верхъ. Я двинулъ впередъ своего коня. По мѣрѣ того какъ я подвигался впередъ, открывался передо мною очаровательный видъ на луговую сторону Москвы-рѣки, на Ходынку и на самую Москву. Я съ нѣкоторымъ волненіемъ всматривался во всѣ окна высокаго строенія, но никакого признака жизни въ немъ не было замѣтно. На террасѣ не было ни цвѣтовъ, ни балконной мебели, а на окошкахъ мнѣ показалось, что даже не было гардинъ.

Успокоенный этимъ, я остановилъ свою лошадь, чтобы еще разъ полюбоваться на очаровательный видъ и проститься съ этой романтической дачей, которую по всей вѣроятности я болѣе не увижу, хотя что-то во мнѣ говорило, что я когда-нибудь сюда непременно возвращусь.

Оказалось, что дѣйствительно я впоследствии не разъ посѣщалъ эту дачу и даже нѣсколько разъ подолгу живалъ въ ней лѣтомъ, 12 лѣтъ спустя, женившись на дочери графа Сергѣя Григорьевича Строганова, занимавшаго ее въ то время, когда впервые я былъ очарованъ этимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ и такъ долго бродилъ по незнакомой мнѣ мѣстности, мечтая о какой-то фантастической героинѣ романа, проживающей въ этомъ замкѣ.

Нежилой видъ Кунцовскаго дома, который меня такъ опечалилъ и разочаровалъ, когда я въ первый разъ посѣтилъ эту дачу, мнѣ объяснился впоследствии, когда я близко познакомился со Спартакскимъ правомъ и аскетическими обычаями хозяина. Графъ Сергѣй Григорьевичъ, не смотря на свое большое состояніе, не позволялъ себѣ никакого излишества, относясь всегда свысока и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ ко всему, что сколько нибудь походило на роскошь, и доводилъ эту странность до крайнихъ предѣловъ, такъ что она становилась похожею на скудость.

По возвращеніи домой я узналъ, что полкъ нашъ на дняхъ выступаетъ изъ Москвы въ походъ. Послѣ маневровъ я отправился съ полкомъ обратно въ Коломну, гдѣ и помѣстился вмѣстѣ съ дядей въ большомъ двухъэтажномъ купеческомъ домѣ, въ которомъ хозяинъ самъ занималъ нижній этажъ.

Тутъ мнѣ впервые случилось наблюдать за жизнью провинціального богатаго купеческаго семейства, какаго въ то время въ Коломнѣ было много, такъ какъ этотъ городъ славился хлѣбной торговлей. Жена хозяина съ малолѣтними дѣтьми вела жизнь совершенно затворническую, никогда не выходила изъ дома, кромѣ какъ въ экипажѣ на гулянье по большой улицѣ, на Святой, на Масляной или въ большіе праздники. Меня поражала своеобразная или, лучше сказать, примитивная благотворительность этихъ людей: я всякое утро видѣлъ изъ своего окна, какъ, въ особую калитку съ противоположной отъ подъѣзда стороны дома, пускали ежедневно на малый дворъ бѣдныхъ и раздавали имъ каждому по большому куску свѣжаго хлѣба, нарочно для нихъ спеченнаго. Вообще въ это время зажиточное купечество наше въ богатыхъ провинціальныхъ торговыхъ центрахъ было очень богомольное, нравственное и отличалось патриархальными обычаями.

Новое наше помѣщеніе было гораздо лучше прежняго. Мнѣ въ особенности показались роскошными назначенныя для меня комнаты послѣ моего пребыванія въ старой бесѣдкѣ, гдѣ я помѣщался до того времени. А все же мнѣ жаль было разстаться съ моей ветхой избушкой среди тѣнистаго сада, по заросшимъ дорожкамъ котораго я такъ много бродилъ. Этотъ садъ имѣлъ что-то таинственное. Я помню, что разъ (это было поздно вечеромъ), прохаживаясь взадъ-впередъ по аллеѣ вдоль ограды, отдѣляющей нашъ садъ отъ сосѣдняго, также очень густо заросшаго сада, я услышалъ какое-то странное заунывное пѣніе мужскихъ голосовъ. Пораженный такою неожиданностью, я сталъ прислушиваться, но, не смотря на все напряженное мое вниманіе, не могъ разобрать ни одного знакомаго мотива. Когда я взобрался на высокій заборъ, звуки стали для меня яснѣе, пѣніе прекратилось, и началось чтеніе также нараспѣвъ, по густымъ и хриплымъ басомъ. Сквозь густую листву я разглядѣлъ ветхую избушку, входная дверь которой, обращенная на мою сторону, была настежъ растворена, и сквозь нее я могъ разобрать горящіе свѣчп передъ образами. Оказалось, что это была тайная раскольничья молебеня, а такъ какъ въ этотъ день была Суббота, то всенощная, начавшись поздно вечеромъ, продолжалась большую часть ночи.

Мнѣ въ первый разъ въ жизни представлялся случай присутствовать на старообрядческой службѣ, и поэтому я съ усиленным вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ, но, къ сожалѣнію, не могъ разобрать ничего, ни чтенія, ни службы и, разумѣется, не дождался ея конца.

Раскольникъ не имѣютъ права устраивать никакихъ молебенъ безъ формальнаго разрѣшенія губернскихъ властей; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ городѣ существовала не одна подобная тайная молебеня, устроенная въ глухихъ запущенныхъ домовладѣльческихъ садахъ.

Такъ какъ невозможно предполагать, чтобы полиція не знала о существованіи такихъ воспрещенныхъ закономъ молебенъ, то такое съ ея стороны попустительство приходится объяснять себѣ только корыстнымъ съ ея стороны цѣлямъ; а между тѣмъ, тайна, которой окружены эти богослуженія, много способствуетъ религіозному фанатизму и упорному невѣжеству сектантовъ. Вся эта таинственность увлекаетъ темный людъ.

Послѣ этого случая любопытство заставляло меня очень часто, услыхавъ пѣніе въ сосѣдней молебенѣ, влѣзть на высокій заборъ и по цѣлымъ часамъ, съ высоты своего наблюдательнаго поста, слѣдить за порядкомъ богослуженія, при чемъ я убѣдился, что оно вовсе не похоже на наше. Молящіеся положительно не въ состояніи были понять ни слова того, что имъ читаютъ. Наружные признаки усердія молящихся и участіе ихъ въ молитвѣ проявлялись только въ изумительномъ количествѣ земныхъ поклоновъ, которые они клали безъ перерыва въ продолженіи четверти часа и съ необыкновенною ловкостью и быстротою, и которые сходны съ какими-то своеобразными гимнастическими упражненіями. Все это вмѣстѣ взятое не внушало никакого религіознаго чувства, а производило впечатлѣніе простаго и довольно грубаго *фетишизма*.

Я помню, что мои частыя и упорныя ночныя наблюденія въ сырое, дождливое время въ тѣпистомъ саду, куда солнце не проникало, окончились для меня очень плачевно: я схватилъ сильную простуду, зубную боль и жестокую невралгію въ челюсти, отъ которой страдалъ цѣлую недѣлю, не смыкая глазъ.

Дядя сжалился надо мной и прислалъ тогда мнѣ рецептъ какого-то масла для растиранія щекъ, дѣйствіе котораго оказалось въ буквальномъ смыслѣ слова чудотворно: я черезъ два часа былъ совер-

шенно избавленъ отъ моего адскаго страданія. По этому случаю дядя мнѣ разсказалъ объ одномъ очень памятномъ для него обстоятельстве.

Какъ-то разъ, въ день его дежурства во дворцѣ при Государѣ, онъ узналъ, что императрица Александра Феодоровна уже нѣсколько времени страдаетъ жестокой невралгіей въ щекѣ. Нося этотъ рецептъ между прочими бумагами всегда въ своемъ бумажникѣ, онъ рѣшился, хотя и не безъ страха, предложить свое средство Государыни. Но какъ это сдѣлать? Движимый неудержимымъ желаніемъ исцѣлить страдающую красавицу, молодую Императрицу, онъ, не долго думая надъ этимъ вопросомъ, рѣшился обратиться съ просьбою къ самому Государю. Въ ту минуту, какъ онъ соображалъ, какое ему лучше для этого выбрать время, вдругъ дверь открылась, и на порогъ показался Николай Павловичъ, направлявшійся на половникъ Императрицы. Сердце ёкнуло у дяди: онъ былъ еще тогда застѣнчивымъ молодымъ человекомъ. Ему, вдругъ показался его поступокъ неслыханною дерзостью.

Государь проходя остановился и что-то у него спросилъ. Тогда, говорилъ мнѣ дядя, у него явилась вдругъ неожиданная смѣлость, и онъ громко высказалъ Государю содержаніе своей просьбы. Государь пристально посмотрѣлъ на него и затѣмъ сказалъ ему, милое улыбаясь: «Ступай за мной. Скажи самъ объ этомъ Государыни!»

Въ тотъ же вечеръ Императрица перестала страдать. Она на другой день приказала позвать къ себѣ дядю и очень милое его благодарила, отдавая ему драгоценный рецептъ. Съ тѣхъ поръ дядя бережливо сохранялъ этотъ чудодѣйственный рецептъ, копію котораго, къ сожалѣнію, я по молодости лѣтъ не умѣлъ сохранить, не смотря на то, что впоследствии мнѣ этимъ средствомъ очень часто приходилось помогать страждущему человѣчеству и совершенно мнѣ исцѣлять больныхъ отъ жестокихъ страданій.

На новой квартирѣ въ каменномъ домѣ богатаго купца Тупицына удобство помѣщенія моего возлѣ дяди имѣло вліяніе на наши отношенія: онъ сдѣлался задушевей, и бесѣдамъ нашимъ не было конца. Онъ между прочимъ мнѣ разсказывалъ объ одномъ случаѣ, свидѣтельствующемъ, до какой степени было въ то время въ арміи не только допускаемо, чтобы командиры полковъ и отдѣльных частей наживались насчетъ продовольствія и обмундированія войскъ, но даже *узаконено*—не писаннымъ закономъ, а *санкціей* высшей администраціи военнаго вѣдомства.

Дѣло было такъ. Дядя, по прошествіи перваго же года своего командованія полкомъ, получилъ остатокъ отъ продовольствія и обмундированія нижнихъ чиповъ своего полка, въ размѣрѣ 30,000 рубл. и, какъ человекъ безукорызненной честности, представилъ эту сумму при рапортѣ по командѣ. Къ сожалѣнію я не припомню теперь мотивы, выставленные въ бумагѣ, полученной въ отвѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и о которыхъ мнѣ передавалъ тогда дядя; но я хорошо помню, что эта замѣчательная бумага содержала въ себѣ строгій ему выговоръ, подписанный самимъ военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ. Легко себѣ представить до какой степени былъ пораженъ и возмущенъ мой дядя, получивъ подобный выговоръ?!

Зиму съ 1838 на 1839 годъ я пробылъ всю въ Коломнѣ, при штабѣ полка, въ учебной командѣ. Зима была очень суровая, такъ что ходить мнѣ всякій день пѣшкомъ, иногда въ мятель, за городъ въ манежъ на ученье, въ одной солдатской шинели, которую я надевалъ въ напѣдку, чтобы уши не замерзли, было жутко; но меня это закалывало и приучало къ стужѣ и морозу.

Жизнь наша текла обычнымъ порядкомъ; матушка присылала мнѣ книги, и я много читалъ, дѣлая всему прочитанному сокращенныя выписки.

Весной пріѣзжалъ къ намъ смотрѣть полкъ свиты Государя генералъ-маіоръ князь Багратіонъ, высокаго роста, краспый Грузинъ, благодушнаго и откровеннаго характера, свойственнаго этимъ восточнымъ людямъ. Я помню, что въ первый день его пріѣзда, когда я вошелъ въ столовую къ обѣду, гдѣ дядя съ княземъ уже закусывали, и всталъ по обыкновенію на вытяжку въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, дядя меня ему представилъ. Князь, посмотрѣвъ на меня пристально, вдругъ обратился къ дядѣ и громко, Грузинскимъ выговоромъ, указывая на меня, сказалъ: «Да-съ! Не угодно намъ съ вами, старымъ холостякамъ, жепиться?.. Вотъ такой краспый юноша къ вашей женѣ подѣдетъ! Чтѣ тутъ подѣлаешь?» и оба залились добродушнымъ хохотомъ. Я признаюсь былъ ошеломленъ и, чтобы скрыть свое неловкое положеніе, по приглашенію дяди поспѣшилъ подойти къ закускѣ.

Князь насъ оставилъ послѣ смотря очень довольный нашимъ полкомъ.

Кромѣ князя Багратіона пріѣзжалъ къ намъ въ Коломну весной начальникъ штаба нашего 6-аго корпуса генералъ Анненковъ (бывшій впоследствии Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а позже

государственнымъ контролеромъ). Онъ дѣлалъ полку инспекторскій смотръ и кромѣ того смотръ юнкерамъ, при чемъ въ полковой капеляріи начальникъ штаба экзаменовалъ насъ письменно и устно, что, сколько мнѣ помнится, не практиковалось тогда ни въ одномъ армейскомъ корпусѣ кромѣ нашего.

Послѣ этого смотра я былъ произведенъ въ портупей-юнкеры, вслѣдствіе чего, къ немалому моему удовольствію, надѣлъ на свою солдатскую саблю серебряный офицерскій темлякъ; при чемъ во время же сбора полка въ походъ или на смотрахъ я былъ удостоенъ чести возить полковой штандартъ (или, иначе сказать, знамя), что составляло въ сущности весьма почетную, но весьма нелегкую обязанность.

Генералъ Анненковъ сообщилъ дядѣ подробности о предстоящихъ намъ большихъ маневрахъ на Бородинскомъ полѣ, на которомъ предполагалось собрать до 250 тысячъ человѣкъ войска.

Мы дѣйствительно выступили вскорѣ въ походъ. Жара въ это время стояла пепмовѣрная. Я до сихъ поръ не помню такого знойнаго лѣта, какое было въ этотъ 1839 годъ въ средней полосѣ Россіи. Для сбереженія лошадей дядя велъ нашъ полкъ почти все время пѣшкомъ, сажая его на коней только для отдыха не болѣе, какъ на полчаса, при чемъ мнѣ приходилось все время идти впередъ и нести на плечѣ тяжелый штандартъ. Я страшно страдалъ отъ жары и отъ непоспной мною тяжести. По прибытія въ городъ Брощицы, гдѣ былъ назначенъ сборъ всему полку, мы построились на большой городской площади, гдѣ ждало насъ духовенство съ хоругвями и образами и гдѣ было отслужено молебствіе съ водосвятиемъ о благополучномъ нашемъ походѣ. Пройдя въ это утро передъ тѣмъ верстъ двадцать, я помню, что былъ очень утомленъ. Будучи въ числѣ знаменщиковъ, я стоялъ со своимъ штандартомъ впереди всѣхъ, на самомъ солнечномъ прпекѣ, позади духовенства. Вдругъ, среди богослуженія, голова у меня закружилась; я закачался и свалился на землю, едва успѣвъ бросить въ руки полковую святыню (штандартъ) моему ассистенту, стоявшему позади меня. Меня тотчасъ отнесли поодаль, гдѣ вблизи былъ колодезь. Сколько времени я лежалъ, не знаю; но помню, что когда я очнулся, то приказалъ стоящему возлѣ меня сторожевому солдату достать мнѣ воды изъ колодца и вылилъ себѣ на голову цѣлое ведро воды до такой степени холодной, что черепъ мой стало ломить отъ холода. Когда я оправился, парадъ былъ конченъ, и я, переодѣвшись на отведенной мнѣ въ городѣ квартирѣ, поспѣшилъ на обѣдъ къ дядѣ, какъ и въ чемъ не бывало.

Со мною въ первый разъ въ жизни случился обморокъ; я вовсе не былъ озабоченъ тѣмъ, будутъ ли отъ него послѣдствія или нѣтъ; я вообще не ропталъ въ душѣ на испытываемыя мною переутомленія и физическія страданія; я даже имъ радовался, какъ добровольно взятому на себя послушанію и труду, который меня закалялъ и подготавлиалъ къ будущей военной и боевой жизни; но что меня озабочивало, это была мысль о томъ, что подумаютъ въ полку о моемъ обморокѣ, случившемся на виду у всѣхъ? Не сочтутъ ли меня за пзѣжепнаго дворянчика, тщедушнаго и избалованнаго матушкина сына, личность каковаго часто служить посмѣшищемъ между военными людьми? Не безъ труда я отдѣлался отъ гнета этой неотвязчивой заботы, вспоминая, какъ часто я самъ былъ очевидцемъ, что весной, на чрезвычайно продолжительныхъ полковыхъ ученіяхъ, производимыхъ моими дядей, простые солдаты въ строю ваплись со своихъ лошадей какъ снопы.

Въ Бронницахъ мы оставили большую дорогу, ведущую въ Москву, и пошли на Можайскъ проселками, гдѣ по пути не встрѣчали большихъ селъ и ночевки имѣли въ маленькихъ деревушкахъ. Я помню, что за недостаткомъ квартиръ мнѣ часто приходилось проводить ночи въ сараяхъ на свѣжемъ скошенномъ сѣнѣ и что его пріятный запахъ былъ до такой степени слѣтенъ, что производилъ на меня парокотическое дѣйствіе, сопровождавшееся какимъ-то сладкимъ ощущеніемъ общаго томленія и вызывавшее чудесные и упоительные сны. Еслибъ я самъ того не испыталъ, я никогда бы не повѣрилъ, чтобы запахъ нашей полевой сѣверной флоры, могъ быть такъ душистъ, чтобы произвести подобное дѣйствіе на нервную систему. Я никогда этого не ожидалъ и до сихъ поръ не могу забыть пережитаго мною тогда блаженства.

Мы не скоро добрались съ полкомъ до Можайска, а затѣмъ и до самаго Бородина.

Огромное поле достопамятнаго Бородинскаго сраженія представляетъ площадь, имѣющую нѣсколько верстъ въ окружности, которая въ то время почти вовсе не была населена и отличалась безлѣсіемъ; по окраинамъ ея только разбросаны были небольшія и довольно бѣдныя деревушки, въ которыхъ расположились пришедшія прежде насъ пѣхота и артилерія. Кавалерія же была расположена въ деревняхъ и селахъ гораздо далѣе отстоящихъ отъ центра, гдѣ производились всѣ смотры и маневры; такъ нашему полку приходилось всякій разъ и почти всякій день дѣлать переходъ почти въ 12 верстъ, чтобы дойти

до мѣста. Вслѣдствіе чрезвычайно продолжительнаго бездождія и знойнаго лѣта, все громадное Бородинское поле отъ постоянного по немъ движенія массы собраннаго по случаю большихъ Бородинскихъ маневръ войскъ буквально превратилось въ сыпучую песчаную Аравійскую пустыню. Разумѣется, отъ этого во время учений и маневръ надъ войскомъ стоялъ постоянно столбъ густой непроницаемой пыли, отъ которой вскорѣ много нижнихъ чиновъ, въ особенности въ пѣхотѣ, начали страдать офтальміей.

Во время освященія сооруженной колонны въ память Бородинскаго сраженія былъ, разумѣется, огромный парадъ всему войску. Общій видъ этого военного торжества, если можно такъ выразиться, былъ великолѣпенъ.

Государь Николай Павловичъ стоялъ верхомъ на пригоркѣ передъ Бородинской колонной, пропуская мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, безъ перерыва въ продолженіе 8-ми часовъ, всѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ собраннаго въ это время на Бородинскомъ полѣ войска. Нельзя было не удивляться его необыкновенной силѣ и энергіи: онъ стоялъ все время недвижимъ на своемъ высокомъ конѣ, какъ великолѣпная мраморная статуя древняго рыцаря, не перемѣняя почти ни разу своего положенія.

Въ это время Государь Николай Павловичъ передъ своей грозной арміей дѣйствительно изображалъ собою одного изъ тѣхъ легендарныхъ героев-великановъ, которыхъ всѣ воинственные народы любятъ воспѣвать въ своихъ народнымъ пѣсняхъ. Лучше сказать: Государь Николай Павловичъ, въ эту минуту, представлялъ собою по истинѣ идеальный типъ Царя могущественной державы въ Европѣ, какимъ онъ въ то время и былъ въ дѣйствительности.

Его магическое вліяніе на войско было безспорно изумительное. Я помню, что я имъ былъ не разъ пораженъ. Такъ, напримѣръ, случилось это въ Бородинѣ же во время высочайшихъ смотровъ каждаго армейскаго корпуса отдѣльно. Когда дошла очередь до нашего 6-го корпуса, то нашъ полкъ, выступивши очень рано утромъ, пришелъ аккуратно за часъ до назначеннаго времени на плацъ. Немалое было наше всеобщее изумленіе, когда, не давши намъ слѣзть съ коней и поправиться, намъ скомандовали «спирно», и вмѣсто Государя началъ объѣзжать ряды фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Оказалось, что Государь, чтобы привѣтствовать пріѣздъ изъ Варшавы своего отца и командира, какъ онъ называлъ фельдмаршала, въ видѣ особаго ему почета,

пожелать, чтобы фельдмаршалъ за два часа до его прїѣзда осмотрѣлъ 6-й корпусъ, ожидавшій Государя, и разъ пропустилъ бы его мимо себя. Когда пошли полки мимо фельдмаршала и пришла наша очередь, то по случаю ли утомленія людей, или по другой непонятной мнѣ причинѣ, но нашъ полкъ прошелъ, неожиданно для меня, такъ плохо, что я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, привыкшимъ къ строгому порядку и необыкновенному равненію въ нашемъ полку. Я былъ поэтому совершенно смущенъ и обезкураженъ происшедшей неудачей. Я очень дорожилъ доброй славой своего полка, и одна мысль, что по прїѣздѣ Государя черезъ какой-нибудь часъ, мы можемъ опять также осрамиться, меня приводила просто въ ужасъ. Когда полкъ возвратился на свое мѣсто и мы наконецъ могли слѣзть съ лошадей и отдохнуть, то я передалъ дядѣ о своихъ страшныхъ опасеніяхъ. Онъ улыбнулся и спокойнымъ тономъ мнѣ отвѣчалъ что эта неудача ничего не доказываетъ и что весь полкъ воодушевится и покажетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно есть, т. е. образцовымъ, когда прїѣдетъ Государь. Слова дяди оправдались: смотръ Государя прошелъ великолѣпно, не смотря на утомленіе людей и лошадей, а равненіе нашего полка, когда мы проходили эскадронно мимо Государя, было въ самомъ дѣлѣ изумительно.

Въ другой разъ, въ Бородинѣ же, меня поразило магическое вліяніе Государя на солдатъ при слѣдующемъ обстоятельстве.

Однажды, во время большихъ маневровъ, Государь, стоя на возвышенности, предъ глубокимъ и крутымъ оврагомъ, окруженный своей блестящей свитой и обозрѣвая оттуда движеніе войскъ, упалъ на противоположной сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, проходившій мимо оврага нашъ полкъ. Онъ послалъ неожиданно своего флигель-адъютанта остановить полкъ и позвать къ себѣ полкового командира, которому отдалъ приказаніе повернуть полкъ лицомъ къ нему и развернутымъ фронтомъ, по-эскадронно, пройти черезъ оврагъ шагомъ мимо него, сохраняя строгое равненіе.

Этотъ необыкновенный церемоніальный маршъ былъ исполненъ нашимъ полкомъ въ совершенствѣ. Каждый эскадронъ, въ свою очередь, безъ всякой суеты, сходилъ съ противоположнаго оврага берега на дно и подымался на кручу другого берега стройно, сдѣлавъ послѣдній прыжокъ какъ одинъ человекъ, чтобы очутиться передъ Государемъ, проходя мимо котораго, представлялъ собою прямую линію безукоризненной правильности и чистоты.

Я помню, что мы дѣлали на этотъ высокій и крутой берегъ какъ кошки, и что, не смотря на силу и ловкость моего коня, подымаясь я нѣсколько разъ опасался за него, чувствуя, какія онъ дѣлалъ немощныя усилія, чтобы вынести меня по этой отвѣсной кручѣ на берегъ, между тѣмъ какъ я представлялъ несравненно меньшую тяжесть коню, чѣмъ нашъ солдатъ. Всѣ присутствующіе были видимо изумлены; Государь громко, своимъ звучнымъ голосомъ, благодарилъ каждый эскадронъ, а затѣмъ и полкового командира, который сіялъ отъ радости.

Чтобы дать полное понятіе о трудностяхъ исполненія этой маленькой кавалерійской задачи, необходимо дополнить, что случай, о которомъ здѣсь говорится, произошелъ на третій день маневръ, когда наши люди и лошади были уже порядочно утомлены.

Наконецъ наступилъ великій для меня день 30-го Августа 1839 года.

Наканунѣ этого дня мы, т.-е. всѣ юнкера 6-й легкой кавалерійской дивизіи, получили приказаніе собраться у Бородинскаго памятника, гдѣ назначенъ былъ царскій смотръ юнкерамъ.

Всѣ знали, что Государь лучшихъ вѣдочковъ произведетъ въ офицеры, а это не шуточное было дѣло.

Я былъ совершенно спокоенъ духомъ, потому что у меня было все исправно, какъ моя красавица лошадь, такъ равно моя амуниція, мундиръ и сѣдло, а насчетъ вѣды я вполне надѣялся на себя. Одно только меня озабочивало: это большое разстояніе, которое надо было пройти до мѣста назначенія; поэтому спастись отъ вліянія ужаснаго зноя и страшной пыли было невозможно, а стало быть представляться Государю въ безукоризненной чистотѣ и совершенномъ порядкѣ надо было впередъ отказаться. Но все обошлось благополучно. Когда, послѣ смотра, Государь насъ пропускалъ мимо себя шагомъ по одиночкѣ, то онъ поздравлялъ насъ въ офицеры не всѣхъ, и я очутился въ числѣ счастливицевъ, удостоенныхъ быть произведенными въ этотъ день въ корнеты, при чемъ Государю угодно было спросить у меня мою фамилію.

Когда начальство отпустило насъ домой, то радость моя была такъ велика, что я, не чувствуя буквально земли подъ собою, съ мѣста пустилъ свою лошадь въ карьеръ и скакалъ безъ оглядки двѣнадцать верстъ, не переводя духа, до самаго штаба нашего полка, и только тогда я опомнился и, спрыгнувъ съ коня, отправился къ дядѣ.

Дядя былъ очень доволенъ моимъ производствомъ, при чемъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, что рѣдко я отъ него слыхалъ, обнялъ меня и отпустилъ въ гор. Можайскъ отпраздновать съ товарищами сей великій для насъ день. Мы всѣ отправились въ знаменитый тогда городокъ, построенный по случаю большихъ Бородинскихъ маневръ возлѣ Можайска графомъ Бутурлинымъ, гдѣ находился, кромѣ ресторана, театръ, балныя и концертныя залы и всякія другія увеселительныя зданія, выстроенныя изъ простого теса вродѣ балагановъ, но съ очень вычурною архитектурою. Говорили, что графъ Бутурлинъ сдѣлался жертвою какого-то афериста, втянувшего его въ это дѣло, что всѣ эти строенія очень дорого ему стоили и что онъ былъ разочаренъ потому, что посѣтителей почти вовсе не оказалось во время маневръ и что арендаторъ, вслѣдствіе этого, сдѣлался несостоятельнымъ, бѣжалъ и графу ничего не заплатилъ.

Вскорѣ маневры кончились, Государь уѣхалъ, и нашъ полкъ сталъ собираться въ походъ обратно, въ гор. Коломну.

Передъ выступленіемъ полка дядя позвалъ меня къ себѣ, позволилъ мнѣ отправиться въ Москву къ моимъ роднымъ, разрѣшилъ мнѣ долгосрочный отпускъ для обмундированія и, весьма дружески распростившись со мною, снабдилъ меня письмомъ къ моей матери и отцовскимъ отъ себя наставленіемъ.

Я не могу сказать, чтобы я простился съ дядей совершенно равнодушно: ведя съ нимъ столько времени почти отшельническую жизнь, мнѣ жаль было оставить его въ одиночествѣ. Это впечатлѣніе, разумѣется, скоро смѣнилось радужными надеждами свидѣться съ моимъ семействомъ, надѣтъ эполеты и въ первый разъ въ жизни выѣхать въ свѣтъ не въ качествѣ какого-нибудь недоросля, а какъ офицеръ, имѣющій право пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ, а главное—быть желаннымъ гостемъ всегда, на всѣхъ балахъ и вечерахъ.

Велика была радость во всей семьѣ, когда я пріѣхалъ въ Москву! Я засталъ мать мою, только-что вернувшуюся послѣ второго ея путешествія за границу, къ Карлсбадскимъ водамъ, весьма бодрую и помолодѣвшую. Отрадно было мнѣ свидѣться съ ней послѣ этой первой продолжительной разлуки. Она такъ подробно и съ такимъ нѣжнымъ участіемъ спрашивала меня обо всемъ, и такъ радовалась моему возмужалому виду. Я нашелъ сестру Елену еще болѣе похорошѣвшую, а дорогого моего брата Бориса Васильевича, сдѣлавшагося правою рукою отца, болѣе прежняго поглощеннымъ въ массѣ добровольно принятыхъ на себя хозяйственныхъ и другихъ дѣлъ. Отецъ, кромѣ под-

московнаго имѣнія Покровскаго, купленнаго имъ у Анатолія Демидова и доставшагося въ послѣдствіи мнѣ по раздѣлу, взялъ на себя, какъ старшій сынъ, выплатить своимъ тремъ братьямъ ихъ части изъ большаго родового имѣнія Лотошина, по добровольному съ ними соглашенію, чтобы сохранить это старинное имѣніе въ нашемъ родѣ недѣлимымъ и неотчуждаемымъ.

По этому поводу я долженъ сказать, что уже тогда, т.-е. 60 лѣтъ тому назадъ, хотя и не существовало такой неотложной государственной необходимости, какъ это оказалось въ настоящее время, останавливать дробленіе дворянскихъ имѣній и переходъ ихъ въ другія руки, чувствовалась потребность въ удобопримѣнимомъ и доступномъ законѣ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, для учрежденія которыхъ не требовалось бы всякій разъ испрашивать высочайшихъ повелѣній, тратиться на ходатайство во всевозможныхъ инстанціяхъ и терять напрасно время, чтобы часто получать отказъ.

Я помню, что, видя моего отца и брата въ такихъ хлопотахъ, я, не смотря на мои молодые годы, подумалъ о томъ: къ какимъ именно намъ, въ свою очередь, придется прибѣгнуть средствамъ, чтобы мой старшій братъ Борисъ при раздѣлѣ получилъ наше родовое село Лотошино недѣлимымъ и неотчуждаемымъ? Считая это дѣломъ первостепенной важности, я хорошо помню, что для достиженія этой цѣли я чувствовалъ себя готовымъ на всякія жертвы, даже на то, чтобы отказать отъ всякаго наслѣдства въ пользу старшаго брата, если бы это понадобилось.

Поучительно для лицъ, интересующихся вопросомъ о правѣ заповѣдности имѣній, въ которомъ такъ давно нуждается наше дворянство, прослѣдить въ нашей семейной хроникѣ исторію села Лотошина.

Послѣ того, какъ отецъ съ большимъ трудомъ спасъ Лотошино отъ дробленія и вѣроятной его продажи по частямъ, спустя 20 лѣтъ, онъ оставилъ его по раздѣльному акту брату Борису, какъ старшему и болѣе всѣхъ насъ свѣдующему въ сельскомъ хозяйствѣ. Братъ мой, получивъ это имѣніе, бодро принялся за дѣло усовершенствованія вѣковаго хозяйства, улучшеніемъ котораго занималось до того уже нѣсколько поколѣній. Освобожденіе крестьянъ, со всѣми неурядицами и всѣми непреодолимыми препятствіями, послѣдовавшими повсюду послѣ введенія дурно соображенныхъ способовъ осуществленія великой реформы, вскорѣ застало моего брата среди разгара его сельскохозяйственной дѣятельности и его усовершенствованій. Спустя еще нѣсколько времени, когда начался сельскохозяйственный кризисъ, поло-

женіе его дѣлъ еще ухудшилось. Словомъ, въ продолженіе 40 лѣтъ братъ мой, ведя со своимъ семействомъ самую скромную жизнь, боролся со всѣми препятствіями и умеръ настоящимъ труженикомъ, оставивъ дѣтямъ село Лотошино неприкосновеннымъ, недѣлпмымъ и неотчужденнымъ.

По смерти его, дѣти его, собравшись въ семейный совѣтъ, порѣшили послѣдовать примѣру предковъ, т.-е. не губить имѣнія, а всецѣло передать его одному изъ братьевъ. Но при свирѣпствовавшемъ тогда сельскохозяйственномъ кризисѣ, этого уже оказывалось недостаточнымъ, чтобы сохранить старинное имѣніе въ нашемъ родѣ. Тогда эти примѣрные братья рѣшили на самоотверженный поступокъ, а именно: всѣ отказались безмездно отъ причитающейся на каждого изъ нихъ части наслѣдства въ пользу одного, и не старшаго, а второго брата, именно князя Сергѣя Борисовича, нынѣшняго владѣльца села Лотошина.

Подобнымъ распоряжкомъ изъ прошлаго дворянской семейной жизни опровергается ложное мнѣніе Комиссіи, обсуждавшей ходатайства предъ государемъ 20 дворянскихъ обществъ о правѣ завѣщанія заповѣдныхъ имѣній, мнѣніе, состоящее въ томъ, будто законъ о завѣщаніи заповѣдныхъ имѣній претитъ Русскому народному духу и противѣчитъ обычаямъ и семейнымъ нашимъ преданіямъ.

По всей вѣроятности, именно полнѣйшимъ незнакомствомъ съ дворянскими семейными хрониками порождено подобное заблужденіе. Только такое невѣрное пониманіе нашего дворянскаго быта могло заставить Комиссію пренебречь мудрыми указаніями Петра Великаго, которыя онъ такъ ясно и краснорѣчиво выразилъ въ своемъ введеніи къ закону о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Въмѣсто того, чтобы проникнуться великою пользою для Россіи предначертаннаго геніемъ Петра закона, Комиссія какъ будто хотѣла превзойти его геній: измыслила и предложила законъ о правѣ завѣщанія какихъ-то недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ для землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, съ правомъ завѣщать ихъ *на срокъ*, становясь тѣмъ въ прямое противорѣчіе со смысломъ и понятіемъ самаго слова «заповѣдность».

Говоря о нашемъ родовомъ имѣніи, по поводу котораго я коснулся вопроса о заповѣдныхъ имѣніяхъ, не могу не вспомнить съ умиленіемъ трогательную сцену, происходившую у смертнаго одра покойнаго моего любимаго брата, князя Бориса Васильевича. Когда онъ прощался со своей семьей и каждому изъ дѣтей говорилъ поучительное слово, то, обращаясь къ сыновьямъ, сказалъ имъ: «Я всю жизнь

трудился, чтобы оставить вамъ состояніе; но мои труды не увѣщались должнымъ успѣхомъ. На мою долю палъ жребій бороться всю жизнь съ постигшими насъ всѣхъ тяжелыми обстоятельствами. Не смотря на все, я сохранилъ вамъ Лотошпно. Не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ. Не ошибся ли я, потративъ на это всю свою жизнь? Это укажетъ будущее; будущее отъ насъ скрыто, оно въ рукахъ Божіихъ!.. Я исполнилъ свой долгъ. Теперь вы исполните свой: трудитесь въ свою очередь, и все, что вы сдѣлаете и порѣшите между собою относительно Лотошппа въ полномъ мѣрѣ и согласіи, то будетъ правильно и хорошо».

Продерживаясь хронологическаго порядка въ моемъ разсказѣ, я долженъ вернуться къ проведенной мною зимѣ 1839 года въ Москвѣ, послѣ моего производства въ офицеры.

Хотя Москва уже въ то время утрачивала часть своего значенія, какъ главнаго общественнаго средоточія оживленной, беззаботной и веселой жизни, потому что Петербургъ начиналъ уже значительно опережать и затмѣвать свою соперницу, но все еще она сохраняла за собою славу разсадника красивыхъ, хорошо воспитанныхъ и даже богатыхъ певцовъ. Онъ постоянно служилъ магнитомъ и притягательной силой для Петербургской молодежи, и въ особенности для гвардейскихъ офицеровъ, наѣзжавшихъ въ Москву. Нѣкоторые изъ нихъ появлялись съ серьезными брачными намѣреніями, а другіе, чтобы просто повеселиться въ этой завѣдомо-гостепріимной столицѣ. Эти послѣдніе веселились отъ души, точно про нихъ были сложены извѣстные стихи:

Пусть пошлютъ,
На свѣтъ поглядятъ,
Повертятъ дѣвчонкамъ головки!..

Благодаря моему назначенію полковымъ ремонтёромъ, я могъ пробыть всю зиму въ Москвѣ и воспользоваться полной свободой и всѣмъ удовольствіями, которыя сулилъ мнѣ мои молодые годы. Москва мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я ее оставилъ. Генералъ-губернаторомъ былъ въ ней все тотъ же почтенный, всѣми любимый, престарѣлый герой Отечественной войны, обновитель Москвы послѣ 12-го года, свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ. Къ прискорбію всѣхъ его почитателей, а въ томъ числѣ и моего отца, слухи носились, что по кончинѣ его супруги онъ подъ старость подпалъ вліянію нѣкой г-жи Пѣвцовой, которая во зло употребляла доброту почтеннаго князя, чтобы раздавать мѣста за деньги.

У князя было два сына: князь Владимиръ и князь Борисъ. Они въ то время были въ отпуску и находились въ Москвѣ при больномъ ихъ отцѣ.

Со старшимъ сыномъ свѣтлѣйшаго, съ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ, я очень сблизился, и дружба наша просуществовала неизмѣнной 55 лѣтъ, т.-е. до его смерти. Это былъ человѣкъ рѣдкой доброты и честности. Мы сразу сошлись и подружились. Будучи страстнымъ охотникомъ до лошадей, онъ позже создалъ у себя, въ своемъ большомъ Орловскомъ имѣніи, тотъ знаменитый конный заводъ, который приобрѣлъ Всероссійскую извѣстность и кровь котораго до сихъ поръ совершенно заслуженно цѣнится дороже другихъ, такъ какъ начало его происходитъ отъ знаменитаго жеребца «Непобѣдимаго-Молодца 2-го». Его же завода была извѣстная «Зима», проданная за границу за сто тысячъ франковъ. Свою любовь къ лошадямъ онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ. Въ продолженіе болѣе 15 лѣтъ послѣ основанія коннаго завода, онъ всѣмъ желающимъ отказывалъ продавать лошадей за какую бы то ни было цѣну, не смотря на настойчивыя просьбы окружающихъ, и въ особенности его управляющаго, который постоянно жаловался ему на причиняемые имѣнію заводомъ громадные убытки. Но князь отказывался слѣдовать его совѣту, говоря, что для него лучше пожертвовать доходомъ съ имѣнія, чѣмъ отдать за ничтожныя деньги своихъ дорогихъ лошадей Богъ знаетъ въ какія руки. Князю случалось часто дарить лошадей симпатичнымъ ему людямъ, въ рукахъ которыхъ онъ зналъ, что лошади будутъ оцѣнены по достоинству и что онѣ будутъ пользоваться хорошимъ уходомъ; но продавать ихъ онъ почему-то считалъ для себя и для своихъ лошадей зазорнымъ.

Къ слову, я отмѣчу довольно оригинальный случай, какъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, неожиданно и негаданно для меня, возникъ мой собственный конный заводъ, который хотя просуществовалъ только около тридцати лѣтъ, но далъ довольно рѣзвыхъ лошадей, въ родѣ извѣстнаго на Московскомъ и Петербургскомъ ипподромахъ «Чикаго» и другихъ, доказавшихъ рѣзвостію превосходство своей породы.

Я неожиданно встрѣтилъ князя Владиміра Дмитріевича за границей, на Карлсбадскихъ водахъ. Оба мы, среди массы этой чуждой намъ толпы иностранцевъ, разумѣется, очень обрадовались увидѣться послѣ долгой разлуки. Мы пили воды изъ одного источника и совершали обязательныя на этихъ водахъ прогулки почти всегда вмѣстѣ. Какъ-то разъ, придя къ источнику по обыкновенію очень рано, я неожиданно засталъ тамъ своего обычнаго товарища, уже выпивавшаго второй стаканъ Марксъ-Бруна. Онъ показался мнѣ весьма озабоченнымъ и грустнымъ; когда же я освѣдомился у него о причинѣ такого печальнаго настроенія, то онъ мнѣ сказалъ, что наканунѣ получилъ очень непріятное письмо изъ деревни отъ управляющаго. Я сталъ до-

пытываться у него подробностей; онъ мнѣ признался, что управляющій въ сотый разъ пристаётъ къ нему все съ тѣмъ же, въ высшей степени для него неприятнымъ заявленіемъ, что конный заводъ такъ размножился, что окончательно онъ отказывается его удовлетворить кормами, какъ слѣдуетъ, и поэтому просить его уволить, если князь не рѣшится на значительную продажу лошадей, въ особенности кобылицъ. «Что онъ ко мнѣ пристаётъ, этотъ человѣкъ?» прибавилъ князь, развѣ я самъ не знаю, что число головъ въ заводѣ убавить слѣдуетъ; но что же, на ярмарку что ли ихъ посылать, или продать первому встрѣчному? Одна мысль, что онѣ попадутъ Богъ вѣсть въ какія руки мнѣ невыносима. Я ему двадцать разъ это повторялъ, а онъ все свое». Чтобы переменить разговоръ, я сталъ у него освѣдомляться о его управляющемъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что управляющій его рѣдкій человѣкъ по честности, и по опытности, и что по этой-то именно причинѣ онъ такъ встревоженъ столь категорическимъ письмомъ его. Тогда я съ убѣжденіемъ сталъ доказывать ему, что если это такъ, то я, будучи на его мѣстѣ, не колеблясь поступилъ бы согласно тому, что совѣтуетъ ему управляющій и что указываетъ ему его собственный разумъ. Пока онъ на эти слова раскрывалъ мнѣ чувства наболѣвшаго сердца, у меня блеснула мысль предложить ему купить у него десятокъ кобылъ и завести мнѣ самому маленький заводъ. «Какъ, сказалъ онъ, ты въ самомъ дѣлѣ хочешь купить моихъ лошадей?» и лицо его просіяло. — «Тебѣ, мой другъ, другое дѣло: тебѣ я продамъ съ радостью!» Въ два слова тутъ же дѣло было кончено, и лошади прибыли благополучно ко мнѣ въ Москву. Вотъ какимъ неожиданнымъ образомъ я очутился въ числѣ коннозаводчиковъ и даже не изъ послѣднихъ!..

Замѣчательно симпатичный былъ человѣкъ покойный князь Владимиръ Дмитріевичъ. Онъ прямою своей и честностью привлекалъ къ себѣ друзей и заставлялъ постороннихъ себя уважать, не гордясь ни своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, ни самымъ положеніемъ въ свѣтѣ, ни огромнымъ состояніемъ. Всегда простой, добрый и щедрый, онъ напоминалъ стихи Пушкина:

Онъ свѣтской черни не чуждался,
Онъ страннымъ снамъ не предавался,
О немъ твердили цѣлый вѣкъ:
NN прекрасный человѣкъ!..

Когда я съ нимъ сошелся, онъ былъ поручикомъ Конногвардейскаго полка, гдѣ началъ службу и его отецъ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ государя Николая Павловича. Затѣмъ, въ чинѣ полковника, онъ получилъ кирасирскій Орденскій полкъ, кото-

рымъ командовать его отецъ во время народной войны и съ которымъ онъ былъ подъ Парижемъ; затѣмъ князь Владимиръ Дмитріевичъ получилъ Конногвардейскій полкъ. Пожалованный генераль-адъютантомъ, онъ былъ потомъ назначенъ оберъ-штабмейстеромъ.

Въ жизни странно какъ-то иногда слагаются обстоятельства. Послѣ довольно долгаго промежутка времени, что мы не видались другъ съ другомъ (князь постоянно жилъ въ Петербургѣ, а я почти безвыѣздно по службѣ жилъ въ Москвѣ), мы неожиданно встрѣтились незадолго до его кончины, при исполненіи нашихъ придворныхъ служебныхъ обязанностей, никогда прежде того не служивши вмѣстѣ, хотя и прожили полвѣка на истинно-товарищеской ногѣ. Это случилось на коронаціи императора Александра III-го. На церемоніальномъ въѣздѣ въ Москвѣ мы свидѣлись въ послѣдній разъ верхомъ, сопровождая карету Государыни Маріи Ѳеодоровны: онъ съ правой руки, какъ оберъ-штабмейстеръ, а я съ лѣвой, какъ одинъ изъ старшихъ штабмейстеровъ. Увы, я не зналъ тогда, что я больше не увижу этого стараго друга моей юности!.. Миръ праху твоему добрый! изъ людей и одинъ изъ послѣднихъ нашихъ Русскихъ бояръ!..

Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ былъ г-нъ Сиявинъ, извѣстный тогда въ служебномъ мірѣ своей необыкновенной памятью и знаніемъ законовъ. Онъ былъ огромнаго роста и довольно симпатичной наружности. Какъ замѣчательнаго юриста, его вызвали въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ получилъ очень видное мѣсто, но, къ сожалѣнію, вскорѣ кончилъ трагически, лишивъ себя жизни, какъ говорили, по поводу какихъ-то денежныхъ затрудненій, что немало тогда надѣлало шуму въ Петербургскомъ и Московскомъ обществахъ.

Я, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ; разумѣется, быть къ нему близокъ не могъ, но его супругу, г-жу Сиявину, я часто встрѣчалъ у моей тетушки, княжны Софьи Ивановны Мещерской. Этихъ двухъ пріятельницъ соединяла такая дружба, что онѣ не только безпрестанно видались, но и переписывались чуть ли не ежедневно, проживая въ одномъ и томъ же городѣ.

Г-жа Сиявина была урожденная Догеръ, Голландка по происхожденію, отличавшаяся поразительной красотой: довольно полная, высокаго роста, съ яркимъ цвѣтомъ лица на свѣжей матовой кожѣ; придающимъ необыкновенный блескъ ея чернымъ глазамъ, окаймленнымъ длинными рѣсницами; волосы цвѣта вороноваго крыла; все вмѣстѣ дѣлало неотразимое впечатлѣніе. Она была такая же изящная,

какъ и ея записочки на Французскомъ языкѣ, которыми она такъ любила награждать своихъ знакомыхъ.

Столь распространенная тогда въ нашемъ обществѣ (не только между дамами, но и мужчинами) страсть писать записочки особенно тщательно обработаннымъ слогомъ, съ чисто-Французскимъ остроуміемъ и изяществомъ, существовала еще у насъ, какъ остатокъ подражанія Французскому двору Людовика XVIII-го и Карла X-го. Особенность подобныхъ переписокъ на Французскомъ языкѣ, можно сказать, неподражаема; онѣ составляютъ во Франціи цѣлую литературу, которая была еще въ большой модѣ во Франціи въ высшемъ обществѣ во время министерства Гизо и позже. У насъ существовало даже нѣкотораго рода соревнованіе въ этомъ искусствѣ между нашими дамами, и нечего говорить о томъ, что моя тетушка и г-жа Синявина не уступали изящностью своего стиля знаменитой писательницѣ *madame de Sévigné*.

Одна изъ дочерей г-жи Синявиной, тоже, какъ и ея мать, замѣчательной красоты, была замужемъ за княземъ Александромъ Илларионовичемъ Васильчиковымъ, нашимъ публицистомъ, земскимъ ораторомъ и моимъ большимъ пріятелемъ, о которомъ я буду говорить позже и въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь упомяну только, что одна изъ дочерей этого князя Васильчикова въпослѣдствіи была съ нами въ родствѣ, вышедши замужъ за моего племянника по первой моей женѣ, графа Сергія Александровича Строганова, нынѣшняго владѣльца Строгановскаго маіората.

По пріѣздѣ въ Москву офицеромъ, мой образъ жизни въ домѣ родителей нѣсколько измѣнился, но, не смотря на всякія удовольствія, балы, вечера и моего довольно обширнаго круга знакомства, я оставался вѣрнѣ патріархальному складу семейной нашей жизни: обѣдалъ я всегда дома и всѣ вечера, когда не былъ куда-нибудь отозванъ, проводилъ въ семействѣ.

Въ это время я еще болѣе сблизился съ моей примѣрной матерью и еще больше могъ оцѣнить качества ея ума и сердца. Она обращалась уже со мною какъ съ равнымъ себѣ, давала мнѣ добрые совѣты относительно чтенія, и нерѣдко проводила съ нами вечера въ чтеніи и бесѣдахъ. Никогда не забуду я этихъ милыхъ вечеровъ. Помнится мнѣ, что въ это самое время родились и окрѣпли во мнѣ тѣ идеалы, которые я сохранилъ всю жизнь и въ которыхъ не разочаровался и до сего времени.

Отецъ мой, постоянно занятый утомительными расчетами и дѣлами, любилъ послѣ того имѣть свою партію, и поэтому вечера проводилъ болѣею частію внѣ дома. Это развлеченіе составляло для него настоящую потребность, которую онъ удовлетворялъ, посѣщая Англійскій клубъ, но пріятнѣе и удобнѣе для него было играть въ карты съ нашей сосѣдкой, почтенной Марьей Аполлоновной Волковой (обываемой дурными шутниками Марьей Панталоновной), проживавшей въ собственномъ домикѣ рядомъ съ нами.

Эта почтенная дама была извѣстна во всей Москвѣ и всѣми уважаема. Она была когда-то любимой фрейлиной императрицы Марьи Ѳеодоровны, и по ея кончинѣ, оставивъ дворъ, поселилась въ Москвѣ. Повидимому, дружба между моимъ отцомъ и этой умной старушкой такъ была искренна, что Марья Аполлоновна переносила безъ малѣйшаго ропота за картами всѣ гнѣвные вспышки моего отца. Я помню, напримѣръ, какъ разъ отецъ, будучи партнеромъ Марьи Аполлоновны и по ходу игры ожидая, что она выйдетъ съ дамы пикъ, былъ до такой степени пораженъ тѣмъ, что Марья Аполлоновна вышла съ другой карты, что не выдержалъ своего негодованія. Такъ какъ въ этотъ вечеръ онъ уже нѣсколько разъ громко сердился и бранилъ Марью Аполлоновну за ея разсѣянность и ошибки то на этотъ разъ онъ съ отчаянія положилъ карты на столъ, скрестилъ руки и серьезно, съ упрекомъ, обращаясь къ ней запальчиво и возвышая голосъ, спросилъ: «скажите мнѣ, наконецъ, зачѣмъ вы эту шлюху бережете?!»....

Марья Аполлоновна никогда на него не сердилась, зная до какой степени въ сущности онъ былъ необыкновенно добрѣ, и что эти вспышки не оставляли никакихъ слѣдовъ въ ихъ дружескихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, вспыльчивость моего отца во время игры была извѣстна въ кругу его партнеровъ, и повторяющіяся часто сцены, подобно вышеупомянутой, оканчивались обыкновенно громкимъ смѣхомъ присутствующихъ.

Со времени моего пріѣзда въ Москву, родители наши, желая старшаго брата моего Бориса и меня пріучить къ нѣкоторой самостоятельности, рѣшили помѣстить насъ вмѣстѣ въ весьма удобномъ верхнемъ этажѣ флигеля дома, гдѣ наши знакомые молодые люди могли безъ стѣсненія посѣщать насъ. Каждый изъ насъ имѣлъ щегольской выѣздъ. Въ этомъ случаѣ поистинѣ баловство нашихъ родителей, знавшихъ нашу любовь къ лошадямъ, выразилось въ покупки каждому изъ насъ по превосходному кровному рысаку, выписанному изъ Тамбова, извѣстнаго завода Н. Н. Миллера.

Кромѣ товарищей моего брата по университету, да сверстниковъ и друзей нашей юности, о которыхъ было говорено, и съ которыми я продолжалъ часто видѣться, и приобрѣлъ тогда много новыхъ знакомыхъ, преимущественно съ прїѣзжими изъ Петербурга, въ числѣ которыхъ, между прочими былъ Лермонтовъ.

Замѣчательно, какъ глаза и ихъ выраженіе могутъ изобличать геніальныя способности въ человѣкѣ. Я, напримѣръ, испыталъ на себѣ это вліяніе при слѣдующемъ случаѣ. Войдя въ многолюдную гостиную дома, принимавшаго всегда только одно самое высшее общество, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ среди гостей какого-то небольшого роста пѣхотнаго армейскаго офицера, въ весьма нещегоольской армейской формѣ, съ краснымъ воротникомъ безъ всякаго шитья. Мое любопытство не распространилось далѣе этого минутнаго впечатлѣнія: до такой степени я былъ увѣренъ, что этотъ бѣдненькій армейскій офицеръ, попавшій, вѣроятно, случайно въ чуждое ему общество, долженъ обязательно быть человѣкомъ весьма мало интереснымъ. Я уже было совсѣмъ забылъ о существованіи этого маленькаго офицера, когда случилось такъ, что онъ подошелъ къ кружку тѣхъ дамъ, съ которыми я разговаривалъ. Тогда я пристально посмотрѣлъ на него и такъ былъ пораженъ яснымъ и умнымъ его взглядомъ, что съ большимъ любопытствомъ спросилъ объ имени незнакомца. Оказалось, что этотъ скромный армейскій офицеръ былъ никто иной, какъ поэтъ Лермонтовъ.

Происшедшая съ Лермонтовымъ метаморфоза, состоявшая въ томъ, что онъ изъ блестящаго офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка преобразился въ скромнаго армейскаго офицера, послѣдовала отъ перехода его изъ Петербурга на службу на Кавказъ, гдѣ онъ и оставался на службѣ до своей преждевременной и горькой кончины.

Я съ нимъ познакомился въ семействѣ Мартыновыхъ, гдѣ были три незамужнія дочери, изъ которыхъ одна, повидимому, занимала собою нашего поэта. Ихъ старшій братъ былъ тотъ самый Мартыновъ, который впослѣдствіи убилъ Лермонтова на дуэли. Мартыновъ въ то время перешелъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказъ), какъ кажется, потому, что мундиръ этого полка славился тогда, совершенно справедливо, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ нашей кавалеріи. Я видѣлъ Мартынова въ этой формѣ; она шла ему превосходно. Онъ очень былъ занятъ своей красотой и; повидимому, эта слабость, подмѣченная въ немъ Лермонтовымъ, послужила ему постояннымъ предметомъ довольно злыхъ остротъ надъ Мартыновымъ.

Лермонтовъ, къ сожалѣнію, имѣлъ непреодолимую страсть дразнить и насмѣхаться, что именно и было причиной его злосчастной дуэли.

Въ другой разъ была серьезная бесѣда объ интенсивномъ хозяйствѣ, о которомъ въ настоящее время такъ много пишутъ въ журналахъ и о чемъ тогда уже заботились. Лермонтовъ, который питалъ полное недовѣріе и обнаруживалъ даже нѣкоторое пренебреженіе къ сельскому хозяйству, называя его ковыряніемъ земли, сказалъ намъ при этомъ, что онъ самъ недавно былъ въ своемъ маленькомъ имѣніи въ Малороссіи, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпѣніе, наконецъ, истощилось, и онъ поѣхалъ туда, чтобы лично убѣдиться въ причинѣ бездоходности имѣнія. «Пріѣзжаю, говоритъ Лермонтовъ, въ деревню, призываю къ себѣ хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нѣтъ никакого дохода? Онъ говоритъ, что урожай былъ плохой, что пшеницу червь попортилъ, а гречиху солнце спалило. Ну, я спрашиваю, а скотина что?—Скотина, говоритъ приказчикъ, ничего, благополучно.—Ну, я спрашиваю, куда же молоко дѣвали?—На масло били, отвѣчаетъ онъ. — А масло куда дѣвали?—Продавали, говоритъ.—А деньги куда дѣвали?—Соль, говоритъ, куповали.—А соль куда дѣвали?—Масло солили.—Ну, а масло куда дѣвали?—Продавали.—Ну, а деньги гдѣ? — Соль куповали!... И такъ далѣе, и такъ далѣе. «Не истинный ли это прототипъ всѣхъ нашихъ Русскихъ хозяйствъ?» сказалъ Лермонтовъ и прибавилъ: «Вотъ вамъ при этихъ условіяхъ не угодно ли завести интенсивное хозяйство!...»

Лермонтовъ хорошо говорилъ по-малороссійски и неподражаемо умѣлъ рассказывать Малороссійскіе анекдоты. Имъ, напримѣръ, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ (который я послѣ слышалъ и отъ другихъ) о томъ Хохлѣ, который ѣхалъ одинъ по непомѣрно широкой почтовой Малороссійской дорогѣ саженой во сто ширины. По обыкновенію хохоль заснулъ на своемъ возѣ глубокимъ сномъ, воны его выбились изъ колесъ и, наконецъ, осью зацѣпили за поперстный столбъ, отчего остановились. Отъ толчка хохоль вдругъ проснулся, спросонья осмотрѣлся, увидѣлъ поперстный столбъ, плюнулъ и, слѣзая съ своего воза, сказалъ: «Що за бісова тиснота, не можно и возомъ розминутця!»

По поводу лѣности и невозмутимости Хохла Лермонтовъ мнѣ разсказалъ, какъ, оставляя Петербургъ и лейбъ-гусарскій полкъ, чтобы перейти на службу на Кавказъ, онъ оставилъ свою тысячную верхнюю лошадь на попеченіи все того же своего денщика Сердюка, поручивъ своему товарищу по полку, князю Меншикову, въ возможно скорѣйшее время ее продать. Очень долго не находилось покупщи-

ковъ. Наконецъ Меншиковъ нашелъ покупателя и съ нимъ отправился въ полковой манежъ, чтобы показать ему продажную Лермонтовскую лошадь. Немало времени они ожидали въ манежъ Сердюка съ его лошадью. Наконецъ, показался за барьеромъ манежа какой-то человекъ, который, съ веревкой на плечѣ тащилъ съ трудомъ что-то, должно быть, очень тяжелое; черезъ нѣсколько времени показалась голова лошади, которая, выркая и упираясь, медленно подвигалась впередъ и озиралась на всѣ стороны. Когда Сердюкъ съ трудомъ втащилъ ее на средину манежа, то издали она не похожа была на лошадь, а на какого-то допотопнаго звѣря: до такой степени она обросла длинной шерстью; уши, которыми она двигала то назадъ, то впередъ, такъ заросли, что похожи были на огромные вѣера, которыми она махала. Князь Меншиковъ, возмущенный этой картиной, спросилъ у Сердюка, чтѣ за звѣря онъ привелъ, но Сердюкъ отвѣчалъ очень хладнокровно: «Это лошадь, ваше высокоблагородіе!» — «Да что ты съ ней сдѣлалъ, Сердюкъ, съ этой лошадью?» — «Да что же, ваше высокоблагородіе, съ ней сдѣлается? Она себя кормъ ѣстъ, пьетъ, никто ея не трогаетъ; помилуйте, чтѣ съ ней сдѣлается?»

Оказывается, что Сердюкъ цѣлый годъ лошадь не чистилъ и не выводилъ изъ денника, такъ что она совершенно одичала и обросла.

Пробывъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Лермонтовъ уѣхалъ на Кавказъ, и я болѣе его никогда не видалъ. Позже, когда я былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ лѣчился отъ раны, полученной мною въ Даргинскую экспедицію 1845 года, я почелъ нравственнымъ долгомъ посѣтить на Машукѣ то мѣсто, гдѣ происходила дуэль и гдѣ былъ убитъ незабвенный нашъ гениальный поэтъ. Какой величественный видъ съ этого мѣста на широкую долину, окружающую Пятигорскъ, на величавый Эльбурсъ, покрытый вѣчными снѣгами, и на цѣпь Кавказскихъ горъ!... Эта чудная картина, мнѣ показалось, была въ соотвѣтствіи съ гениемъ и талантомъ покойнаго поэта, который такъ любилъ Кавказъ.

Нѣтъ! Не такъ желалось тебѣ умереть, милый нашъ Лермонтовъ, думалъ я, сидя подъ зеленымъ дубомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ простился съ жизнью.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могила
Я бъ желалъ навѣки тамъ заснуть, —
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лебѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленая,
Темный дубъ склонился и шумѣлъ.

Впослѣдствіи, сблизившись съ Лермонтовымъ, я убѣдился, что изощрять свой умъ въ насмѣшкахъ и островахъ постоянно надъ намѣченной имъ въ обществѣ жертвой, составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его характера. Я помню, что разъ я засталъ у него одного гвардейскаго толстаго кирасирскаго полковника З., служившаго въ то время жертвой всѣхъ его сарказмовъ, и, хотя я не могъ не смѣяться отъ души остроумію и неистощимому запасу юмора нашего поэта, но не могъ также въ душѣ не сострадать его жертвѣ и не удивляться ея долготерпѣнію.

Онъ мнѣ самъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ во время лагеря, лежа на постели въ своей палаткѣ, онъ, скуки ради, кликалъ къ себѣ своего денщика и начиналъ его дразнить. «Презабавный былъ,—говорилъ онъ,—мой денщикъ Малороссъ Сердюкъ. Бывало, позову его и спрашиваю: «Ну, что, Сердюкъ, скажи мнѣ: что ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ, зная, что должны начаться надъ нимъ обыкновенныя насмѣшки, сначала почтительно пробовалъ уговаривать барина не начинать вновь ежедневныхъ надъ нимъ испытаній, говоря: «Ну, що, ваше благородіе... оставьте, ваше благородіе... я ничего не люблю....» Но Лермонтовъ продолжалъ: «Ну, что, Сердюкъ, отчего ты не хочешь сказать?»—«Да не помню, ваше благородіе.» Но Лермонтовъ не унимался: «Скажи, говорить, что тебѣ стоитъ? Я у тебя спрашиваю, что ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ все отговаривался незнаніемъ. Лермонтовъ продолжалъ его пилить и, наконецъ, черезъ четверть часа, Сердюкъ, убѣдившись, что отъ барина своего никакъ не отдѣлается, добродушно дѣлалъ признаніе: «Ну, що, ваше благородіе, говорилъ онъ, ну, пожалуй, медъ, ваше благородіе.» Но и послѣ этого признанія Лермонтовъ отъ него не отставалъ. «Нѣтъ,—говорилъ онъ,—ты, Сердюкъ, хорошенько подумай: неужели ты въ самомъ дѣлѣ медъ всего больше на свѣтѣ любишь?» Лермонтовъ начиналъ снова докучливые вопросы и на разные лады. Это опять продолжалось четверть часа, если не болѣе и, наконецъ, когда истощался весь запасъ хладнокровія и терпѣнія у бѣднаго Сердюка, на послѣдній вопросъ Лермонтова о томъ, чтобы Сердюкъ подумалъ хорошенько, не любить ли онъ что-нибудь другое на свѣтѣ лучше меда, Сердюкъ съ крикомъ выбѣгалъ изъ палатки, говоря: «терпѣть его не могу, ваше благородіе!...»

Вообще Лермонтовъ былъ препріятный собесѣдникъ и неподражаемо разсказывалъ анекдоты.

Среди множества сохранившихся въ моей памяти анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ него, хотя и очень затруднительно будетъ вы-

боръ, но я не могу лишить себя удовольствія упомянуть здѣсь хотя о нѣкоторыхъ, попадающихся мнѣ случайно болѣе свѣжими въ эту минуту на память. Въдѣ въ сущности всякая мелочь, которая касается такого любимого всѣми поэта, какимъ былъ Лермонтовъ, дорога, а мнѣ несомнѣнно больше другихъ, потому что я его лично хорошо зналъ, и что для меня память о немъ связана съ воспоминаніями о моей молодости; а кому они не дороги, эти воспоминанія?...

Вообще въ холостой компаніи Лермонтовъ особенно оживлялся и любилъ рассказы, перерывая очень часто самый серьезный разговоръ какой-нибудь шуткой, а нерѣдко и нецензурными анекдотами, о которыхъ я не буду говорить, хотя они были остроумны и смѣшны донельзя.

Такъ, какъ-то разъ, среди серьезной бесѣды объ искусствѣ и поэзіи, Лермонтовъ сталъ комично рассказывать что-то о неизданныхъ поэтахъ и объ ихъ сношеніяхъ съ издателями и книгопродавцами. «А вотъ что, — сказалъ Лермонтовъ, — говорилъ мнѣ приказчикъ одного книгопродавца, мальчикъ лѣтъ шестнадцати. Приходитъ на дняхъ въ лавку какой-то господинъ (хозяина не было), обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: "что, говоритъ, стихотворенія мои проданы?" (Тутъ я его узналъ, — говоритъ мальчикъ, — онъ къ намъ уже мѣсяцевъ шесть ходитъ). — Никакъ нѣтъ, отвѣчаю ему, еще не проданы. — Какъ, говоритъ онъ, не проданы? — Отчего не проданы? Вы, говоритъ, все мошенничаєте! Подошелъ ко мнѣ, да бацъ, — говоритъ мальчикъ, — мнѣ въ ухо!... Вотъ тебѣ разъ, думаю себѣ, что изъ этого будетъ? — Отчего, говоритъ, не проданы? Я говорю: никто не спрашивалъ. — Какъ, говоритъ, никто не спрашивалъ? Бацъ, — говоритъ, — мнѣ въ другое ухо! Я думаю себѣ, что изъ этого будетъ? — Гдѣ, говоритъ, мои стихотворенія? Подай, — говоритъ, — мнѣ ихъ всѣ сюда! А самъ ругается. — Вы, — говоритъ, — всѣ кровопійцы! — Я побѣждалъ, принесъ связку его сочиненій. Думаю себѣ: Господи, что изъ этого будетъ? Господинъ подошелъ ко мнѣ. — Всѣли они, — говоритъ, — тутъ? — Я говорю: "извольте видѣть, какъ были связаны, такъ и есть!" Онъ тутъ схватилъ меня за волосы и началъ таскать по лавкѣ; таскалъ, таскалъ, да какъ бросить, плюнуть и ушелъ! — Такъ, — говоритъ мальчикъ, — я ничего и не дождался отъ него! Такой, — говоритъ, — чудакъ этотъ господинъ стихотворецъ! Я и фамилія-то его не упомяну».

Въ эту зиму Москва очень веселилась. Пріѣзжала изъ Петербурга прекрасная Французская труппа, на Русской сценѣ шли драматическія представленія, съ извѣстнымъ Мочаловымъ во главѣ, и, наконецъ, по-

сѣтилъ Москву знаменитый піанистъ Листъ (котораго маленькими бис-стами украшались барскія гостинныя въ Москвѣ), чтобы давать свои великолѣпные и многолюдные концерты.

Тогда же прїѣзжало придать оживленія Московскому обществу особенно много молодыхъ людей изъ Петербурга. Въ числѣ сплхъ послѣднихъ брать мой и я довольно близко познакомились съ княземъ Павломъ Гагаринымъ и съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Они оба были отъявленные повѣсы; но нельзя было не признать ихъ за весьма милыхъ повѣсъ, искупающихъ своею аристократическою наружностью и увлекательными качествами ума и сердца непорядки слишкомъ необузданной молодости. Говорили, что они за свои шалости были высланы изъ Петербурга. Рассказывали про нихъ, какъ, желая подшутить надъ извѣстной въ то время въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ графиней NN, они придумали слѣдующую шалость, которая имѣла для нихъ весьма непріятныя послѣдствія.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ, какіе бываютъ на Петербургскихъ островахъ, когда ихъ берега, какъ корзинки цвѣтовъ, отражаются въ спокойныхъ водахъ красивой Невкп, графиня давала на своей великолѣпной дачѣ праздникъ съ танцами и катаньемъ на водѣ въ разнообразныхъ и разукрашенныхъ яликахъ. Въ этотъ самый вечеръ, когда стемнѣло и всѣ ялики съ гостями тихо возвращались со взморья вдоль берега обратно на дачу графини, вдругъ изъ темной какой-то маленькой бухты таинственно вышла къ нимъ навстрѣчу большая лодка, освѣщенная факелами, съ высокимъ чернымъ гробомъ, подвигавшаяся медленно съ похороннымъ пѣніемъ. Всѣ гребцы остановились, а дамы попадали въ обморокъ. Послѣ непродолжительнаго испуга, послышались голоса: «ловите ихъ!» Но траурная лодка успѣла повернуть назадъ и, увидавъ, что за нею гонятся, сбросила гробъ въ воду, потушила факелы и скрылась въ темнотѣ.

Было сдѣлано строгое дознание. Открыли виновныхъ, и дошло дѣло до Государя, вслѣдствіе чего проказниковъ выслали изъ Петербурга.

Они, не смотря на испытанныя ими непріятности въ Петербургѣ, все-таки и въ Москвѣ не унялись. Встрѣтивъ какую-то особу изъ простаго званія поразительнаго сходства съ графиней NN (все той же знатной Петербургской дамой), Гагаринъ вздумалъ поморочить сплетницу-Москву, зная изъ опыта, какъ Москва любитъ толковать и заниматься всѣмъ тѣмъ, что касается Петербурга. Онъ заказалъ ей самую модную франтовскую шляпку и одежду для прогулки и отправился, взявъ ее подъ руку, гулять на Тверской бульваръ въ то самое

время, когда по существовавшему тогда модному обычаю на этомъ бульварѣ высшее Московское общество совершало свою обязательную ежедневную прогулку. Для большѣй достовѣрности, князь С. Трубецкой былъ тутъ же и ухаживалъ за означенной молодой особой. Разумѣется, послѣ этого по всей Москвѣ разнесся слухъ, что графиня NN приѣхала въ Москву, и это дошло до Петербурга, съ разными негѣлыми комментаріями и добавленіями. Такъ какъ они оба очень ухаживали за графиней въ Петербургѣ, то добрая матушка Москва могла плести по этому поводу сколько ей было угодно.

Не смотря на все, Московское высшее общество приняло шалуновъ очень радушно, въ особенности князя Гагарина, имѣвшаго большой успѣхъ. Онъ былъ находчивъ и смѣль, такъ что его остро-ты охотно передавались во многихъ гостиныхъ. Моя тетушка, княжна Софья Ивановна Меццерская, имѣвшая авторитетъ въ Московскомъ обществѣ и особенно любившая оказывать свое покровительство молодымъ людямъ, всегда съ специальною цѣлью ихъ духовнаго исправленія и нравственнаго возрожденія, очень его полюбила, тѣмъ болѣе, что онъ былъ круглымъ сиротою, имѣя только одну сестру жившую у родственниковъ, весьма рѣзкую и невыдержанную особу, мало съ нимъ имѣвшую общаго. Но, кажется, что проповѣди моей доброй тетушки, къ ея глубокому горю, не имѣли на молодаго князя Гагарина ожидаемаго вліянія. Годъ спустя, однако, онъ женился на одной изъ сестеръ Мартыновыхъ (братъ которыхъ имѣлъ несчастье убить Лермонтова) и, кажется, послѣ того оставался все-таки несправимымъ. Тетушка, отъ избытка къ нему лицепріятія, не желала этого брака, мечтая для него о болѣе блестящей партіи.

Что же касается до князя Сергѣя Трубецкого, то онъ, послѣ несчастнаго брака, отъ котораго у него родилась дочь (вышедшая впоследствии за любимца Наполеона III-го, его министра графа Морни и извѣстная въ то время своей красотой въ Парижѣ), увезъ отъ мужа въ Петербургѣ знаменитую м-мъ Бравура, но былъ настигнутъ посланной за нимъ погоней на пароходѣ за четверть часа до отхода его изъ Одессы въ Константинополь; оба они, арестованные жандармомъ, возвращены обратно въ Петербургъ. Этотъ романъ не лишенъ былъ самыхъ драматическихъ и сенсационныхъ эпизодовъ. Послѣ этого князь Сергѣй Трубецкой, какъ мнѣ помнится, служилъ и участвовалъ во взятіи форта Перовскаго, но я его совершенно потерялъ изъ виду.

Разсказанное здѣсь невольно наводитъ на размышленія о тогдашней молодежи, къ которой принадлежали эти молодые люди.

Кому не случилось слышать, а может быть и участвовать въ спорахъ о томъ, какая молодежь лучше: тогдашняя или нынѣшняя? Хотя этотъ вопросъ многимъ кажется празднымъ, потому что не только невозможно на него дать категорическаго отвѣта, но и потому, что рѣшеніе его не измѣнитъ прошлаго и ничему не научитъ въ настоящемъ; но этотъ вопросъ имѣетъ однако, надо полагать, существенный интересъ для нашихъ наблюдателей или философовъ: иначе онъ не возбуждался бы такъ часто и не служилъ бы предметомъ горячихъ споровъ.

Не въ защиту прошлой молодежи будь сказано, но только къ слову скажу, что такія личности, какъ Гагаринъ и Трубецкой были и тогда исключеніями, а потому обобщать и судить тогдашнюю молодежь по такимъ образцамъ было бы несправедливо.

Можетъ быть, причины такихъ явленій въ обществѣ, какъ проказы этихъ несправимыхъ повѣсь, отчасти происходили отъ той самой строгости, съ которою во время государя Николая Павловича обращались съ молодежью, а можетъ быть отчасти и отъ той лихости и безавѣтной удали, свойственныхъ нашей Русской широкой природѣ, слишкомъ расходившейся въ обществѣ еще со временъ Екатерины, и которую государь Николай Павловичъ захотѣлъ сразу укротить, считая своею обязанностью для этого ввести повсюду строгую, почти военную, дисциплину.

Не разрѣшая вопросъ о томъ, какая молодежь лучше, нельзя не признать однако того, что нынѣшняя молодежь какъ-то рано отцвѣтаетъ и теряетъ жизненную энергію, а отъ этого въ ней такъ мало почина, вѣры въ собственное свое дѣло и безучастіе къ духовнымъ жизненнымъ вопросамъ. Отъ этого утилитаризмъ и мелочной расчетъ замѣняютъ въ молодежи всѣ остальные побужденія. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется, что вновь предпринятая реформа замѣны общеобразовательной системы техническою ничего не можетъ измѣнить.

Возвращаясь къ зимѣ 1839 года, я долженъ сказать, что такъ какъ сестра моя была на возрастѣ, то родители считали обязательнымъ для себя жить открытымъ домомъ и давать балы, на которыхъ большею частью на мою долю приходилось вести танцы. Матушка на этихъ балахъ умѣла всѣхъ обворожить своею любезностью, соединенной съ большимъ достоинствомъ. Сестра много танцевала, но жениховъ для нея на лицо не оказывалось.

Я помню, что въ это время просилъ ея руки человѣкъ не молодой, а именно князь Долгорукій, извѣстный въ обществѣ подъ назва-

нѣмъ banca! (иначе сказать, кривоногій). Онъ не правился сестрѣ, и она ему отказала. Хотя онъ былъ человѣкъ несомнѣнно весьма образованный и ученый, издавшій въ то время довольно почтенный трудъ о Русскихъ дворянскихъ родахъ, но пользовался репутацией завистливаго, мелочнаго, скупаго и вообще человѣка непріятнаго характера. Онъ впоследствии подтвердилъ по отношенію къ намъ и нашему семейству слухъ, носившіеся о мелочности его характера: въ отместку намъ за отказъ моей сестры онъ обошелъ почти совершеннымъ молчаніемъ родъ князей Мещерскихъ въ напечатанной имъ Родословной Книгѣ, не пощадивъ такимъ образомъ въ своемъ злопамятствѣ даже нашихъ предковъ.

Въ это время на горизонтѣ Московскаго общества появились новыя звѣзды: нѣсколько красавиць молодыхъ дѣвиць, въ числѣ ихъ дочь сенатора Жихарева, вышедшая за моего двоюроднаго дядю князя Элима Петровича Мещерскаго, у которыхъ была дочь, вышедшая за Павла Демидова князя Сандonato, отца нынѣшняго владѣтеля Демидовскаго набабства. Затѣмъ появились три сестры Ушаковы, одна другой красивѣе; одна изъ нихъ вышла за Мартынова, большого кутилу, прозваннаго неизвѣстно почему шлѣпомъ (онъ былъ старшій братъ убійцы Лермонтова); другая вышла за Нарышкина, почетнаго опекуна, а третья за князя Черкаскаго, извѣстнаго коннозаводчика. Объ остальныхъ я не буду говорить, потому что я упомянулъ о нихъ недавно, описывая Московское общество, которое можно назвать блестящимъ.

Что касается до молодыхъ людей, посѣщавшихъ общество, то большинство ихъ составляли офицеры 6-й легкой кавалерійской дивизіи, стоявшей въ Москвѣ. Ее можно было прямо назвать молодой гвардіей: до такой стѣпени она была переполнена молодыми людьми, принадлежащими къ лучшимъ семействамъ. Изъ четырехъ полковъ этой дивизіи составъ офицеровъ въ особенности отличался въ гусарскомъ полку принца Лейхтенбергскаго; изъ него большая часть офицеровъ начала свою службу въ арміи, чтобы затѣмъ, черезъ три года, перейти въ гвардію. Когда я самъ сдѣлалъ тоже и перешелъ въ лейб-гвардіи гусарскій полкъ, то я имѣлъ немалое удовольствіе встрѣтиться съ тѣми молодыми людьми, принадлежавшими одной и той же дивизіи, съ которыми такъ часто видался въ Москвѣ на балахъ въ эту зиму. Это были: двое братьевъ графовъ Блудовыхъ (сыновья министра), князь Голицынъ (сынъ почетнаго опекуна), Борисъ Полторацкій (сынъ извѣстнаго генерала Полторацкаго; любимца великихъ князей Константина и Михаила Павловичей, бывшаго долго губернаторомъ

въ Ярославлѣ), князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ и другіе офицеры, имена которыхъ я запомнилъ.

Въ эту зиму пріѣхалъ къ намъ изъ Италіи и поселился въ нашемъ домѣ дорогой гость, любимый нами всѣми младшій братъ отца, нашъ дядя Николай Ивановичъ. Онъ въ этотъ годъ женился на княжнѣ Трубецкой. Сынъ ихъ, князь Эммануилъ, впоследствии женившійся на княжнѣ Долгорукой (сестрѣ княгини Юрьевской), будучи уже полковникомъ и олгигель-адъютантомъ, былъ одинъ изъ героевъ въ послѣдней Турецкой кампаніи, гдѣ онъ командовалъ батареей и гдѣ умеръ геройской смертью на Шипкѣ. Какъ замѣчательный офицеръ, онъ далеко бы пошелъ по службѣ. Солдаты такъ любили своего командира, князя Эммануила Николаевича, что за его о нихъ заботы воздвигли сами, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ въ этой батареѣ офицерами, памятникъ ему изъ гранита на томъ самомъ мѣстѣ на Шипкѣ, гдѣ этотъ герой былъ сраженъ. Рисунокъ этого памятника я препроводилъ въ свое время къ его единственной дочери, когда она подросла.

Въ Москвѣ для меня и моего брата, князя Бориса, дни летѣли за днями съ необычайной быстротой. Сезонъ кончился не безъ того, чтобы мы съ братомъ нѣсколько разъ не влюблялись по уши въ божественныхъ созданій, съ которыми танцовали.

Впрочемъ, на брата моего уже тогда одна изъ нихъ, княжна Софья Васильевна Оболенская, произвела такое глубокое впечатлѣніе, что онъ рѣшился (разумѣется подъ величайшею тайной, какъ водится) мнѣ повѣдать свою любовь. Я выслушалъ его со вниманіемъ, общалъ сохранить эту великую тайну, но, признаюсь, въ душѣ подумалъ, что эта страсть такъ же, какъ и многія другія, которыхъ я былъ нѣмымъ свидѣтелемъ, пройдетъ; но я не зналъ тогда, что я ошибаюсь, что это чувство брата къ княжнѣ болѣе серьезно, чѣмъ я полагалъ, и что эта кручина его не покинетъ до благословенія нашихъ родителей на бракъ, которое послѣдовало только три года спустя.

Очень естественно, что послѣ сдѣланнаго мнѣ братомъ признанія и вслѣдствіе моей горячей къ нему привязанности, я старался сблизиться съ княжкою. Я сталъ незаметно за нею слѣдить и вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно въ ней было что-то особенное, не встрѣчающееся обыкновенно въ тѣхъ миловидныхъ по молодости своей дѣвушкахъ, которыхъ по обыкновенію называютъ хорошенъкими. Ея черные большіе глаза, то бархатные, ласкающіе и задумчивые, то свѣтящіеся искрами при малѣйшей шуткѣ, имѣли что-то особенное и подкупающее. Она была средняго роста, гибкая и стройная, съ весьма тонкой

таіей. Цвѣтъ лица ея былъ смуглый, съ легкимъ румянцемъ. Она страстно любила танцовать и была очень мила, когда въ вихрѣ вальса граціозно развѣвались ея свѣтло-каштановые длинные кудри, которые принято было тогда носить на вискахъ. Она имѣла много природнаго ума, находчивости и любила тонко пошутить и посмѣяться надъ ближнимъ съ невнятнымъ юморомъ, придававшимъ много прелести ея разговору. Люблю я вспоминать о чарахъ молодости этой прелестной дѣвушки, будущей моей невестки, сдѣлавшейся впоследствии такой любящей женой моего обожаемаго брата и такой нѣжной матерью.

Весной мы всѣ отправились на лѣто въ деревню, но уже не въ Ошейкино, а въ Лотошино, покинутое тогда дѣдомъ моимъ и бабушкой, чтобы предоставить отцу, какъ новому владѣльцу, полную свободу дѣйствій по управленію.

Я былъ полковымъ ремонтёромъ, и мнѣ предстояло путешествіе въ южныя губерніи, для покупки лошадей. Исполненіе такого порученія было связано съ денежною отвѣтственностью за каждую ошибку, т.-е. за каждую забракованную полковымъ командиромъ лошадь; а въ этомъ послѣднемъ случаѣ мой отецъ, по добротѣ своей, взялъ отвѣтственность на себя, такъ какъ я самъ на это не имѣлъ денегъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, отецъ мой порѣшилъ обратиться къ хорошему своему пріятелю, Николаю Николаевичу Миллеру, большому знатоку въ лошадяхъ, коннозаводчику и помѣщику Тамбовской губерніи, съ просьбою содѣйствовать мнѣ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, для меня совершенно новомъ. Дѣйствительно, вполне изучить лошадь и по наружному виду опредѣлить качества ея выносливости, легкости и силы, это цѣлая наука, которую предстояло мнѣ изучить. Я, съ письмомъ отъ отца и снабженный казенными деньгами, отправился въ Тамбовскую губернію къ г-ну Миллеру, съ большимъ рвеніемъ желая приняться за дѣло, имѣющее для меня особый интересъ, какъ большого любителя лошадей и всякаго спорта.

Г. Миллеръ былъ почтенный старичокъ, бывшій главноуправляющимъ у моего дѣда, и на свои честныя сбереженія купившій у моего дяди, князя Сергія Ивановича, прекрасное его имѣніе Буртасъ, въ Тамбовской губерніи. Онъ жилъ въ помѣстительномъ деревянномъ одноэтажномъ помѣщичьемъ домѣ, въ самой простой обстановкѣ, былъ большой хлѣбосоль и пріятель всѣхъ коннозаводчиковъ Тамбовскихъ и Харьковскихъ.

Имѣніе Н. Н. Миллера находилось на рѣкѣ Киріянѣ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій той

губерніи, селомъ Знаменскимъ-Кириномъ (Загряжчина тожь), нѣкогда помѣстьемъ Загряжскаго, большого пріятеля князя Потемкина, который во времена Екатерины, бывши у своего друга въ гостяхъ, подарилъ ему въ день его ангела нѣсколько тысячъ десятинъ прилегающей къ его помѣстью богатѣйшей степи, называемой и теперь еще Потемкинской и гдѣ до сего времени осталось много цѣлины, т.-е. никогда непаханной земли. Я не зналъ, что двадцать лѣтъ спустя буду частымъ и желаннымъ гостемъ села Знаменскаго.

Странная судьба постигла это, поистинѣ, барское помѣстье. Оно досталось сперва отъ Загряжскаго графинѣ де-Местръ, дочери Загряжскаго, которая, не имѣя дѣтей и близкихъ родственниковъ, оставила его по духовному завѣщанію покойному тестю моему по первой моей женѣ, графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову, вслѣдствіе особаго къ нему благоволенія и тѣсной дружбы ея къ его отцу, бывшему барону Строгонову. Покойный графъ Сергѣй Григорьевичъ, желая въ пятидесятыхъ годахъ выдѣлать свою дочь, а мою первую жену, предложилъ вамъ обоимъ выборъ между этимъ имѣніемъ и домомъ въ Петербургѣ. Мы, не зная о доходности того и другого имуществва, предпочли, по неопытности, домъ, дававшій, какъ оказалось, только пятнадцать тысячъ дохода, чѣмъ и ограничилось все приданое, которое причиталось ей изъ Строгановскаго майората, считавшагося миллионнымъ. Это невѣрное мнѣніе, распространенное въ обществѣ, стоило мнѣ въ послѣдствіи очень дорого: я заплатилъ за него своимъ собственнымъ состояніемъ. Послѣ того графъ отдалъ это имѣніе сыну своему, графу Павлу Сергѣевичу, котораго я въ послѣдствіи, будучи съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, часто навѣщалъ въ его Знаменскомъ имѣніи.

По случаю моего пріѣзда, Н. Н. Миллеръ собралъ къ себѣ многочисленныхъ своихъ сосѣдей, отличавшихся такими Гомерическими аппетитами, можно сказать, степными, что я почувствовалъ тогда предъ подобными здоровьями все свое ничтожество. Изъ всѣхъ его сосѣдей симпатичнѣе всѣхъ мнѣ показался помѣщикъ Полетика съ своимъ семействомъ. Я послѣ моей женитьбы, 20 лѣтъ спустя, зналъ его брата, полковника конной гвардіи, который былъ женатъ на воспитаницѣ бывшаго барона Строгонова. Италія Полетика была извѣстна въ обществѣ, какъ очень умная женщина, но съ весьма злымъ языкомъ, въ противоположность своему мужу, котораго называли Божьей коровкой.

Достаточно отдохнувъ послѣ путешествія на перекладной изъ Москвы въ Тамбовъ, я отправился съ Н. Н. Миллеромъ въ тарантасѣ по всѣмъ коннозаводчикамъ Воронежской и Тамбовской губерній,

почти на два мѣсяца, при чемъ въ это время я едва успѣлъ себѣ усвоить только элементарныя познанія премудреной науки, которую можно назвать коновѣдѣемъ. Но я достигъ, однако, во время прохожденія мною этого курса ученія двухъ убѣжденій: во-первыхъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни одной лошади, которая не имѣла бы, какъ и человѣкъ, какого-нибудь недостатка, и, во-вторыхъ, что, подобно Греческому философу, «чѣмъ болѣе я учусь, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что я ничего не знаю». По моему мнѣнію нѣтъ человѣка, способнаго никогда не ошибаться въ выборѣ лошади. Не менѣе того, выборъ мой былъ сдѣланъ, и лучшими лошадьми на этотъ разъ оказались лошади заводовъ Лисаневича, Иванова и Попова.

Осенью я сдалъ въ полкъ мой ремонтъ, и результатъ оказался до такой степени удовлетворительнымъ, что моему отцу ничего не пришлось доплатить; ибо изъ 50 лошадей забраковано было только двѣ, вслѣдствіе чего я получилъ новое порученіе на покупку большаго числа ремонтныхъ лошадей.

Во время моего продолжительнаго странствованія по заводамъ съ моимъ старичкомъ Миллеромъ, дѣлая по 60 верстъ не кормя на его собственныхъ лошадяхъ (что весьма рѣдкія лошади вынесутъ), я удивлялся его способности спать въ дорогѣ въ тряскомъ тарантасѣ. Онъ никогда не вытягивался и не клалъ головы на подушку, а, сидя прямо и не опираясь спиной, только наклонялъ голову, которая болталась во всѣ стороны на шеѣ, какъ на рессорѣ, и въ этомъ положеніи онъ могъ крѣпко спать очень продолжительное время. Хотя совсѣмъ тутъ было некстати, но я не могъ при этомъ не припоминать Гоголя, который гдѣ-то говоритъ про мальчика, имѣвшаго способность постоянно спать въ передней во всѣхъ положеніяхъ человѣческаго тѣла, въ которыхъ неудобно и невозможно спать. Мнѣ тѣмъ болѣе некстати было тогда думать о Гоголевскомъ мальчикѣ, что я самъ, сдѣлавъ основательную пробу спать по этому способу, въ послѣдствіи усвоилъ его, признавая его рѣшительно лучшимъ въ тряскихъ безрессорныхъ экипажахъ.

Вернувшись обратно въ Буртасъ, я горячо благодарилъ добраго Миллера за руководство и помощь, и затѣмъ, отправивъ купленный ремонтъ съ военной своей командой въ полкъ, поѣхалъ къ семейству въ Лотошино, гдѣ засталъ любезнаго гостя, нашего сосѣда изъ села Асташева, Андрея Николаевича Муравьева, пріѣхавшаго къ намъ погостить на нѣсколько дней.

Авторъ незадолго передъ тѣмъ издавшаго извѣстнаго «Путешествія по святымъ мѣстамъ», сдѣлавшаго ему въ то время заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, очень ко мнѣ благоволилъ, что, признаться, льстило немало моему самолюбію. Такъ какъ онъ по лѣтамъ мнѣ въ отцы годился, то, разумѣется, въ его дружбѣ ко мнѣ была большая доля отческаго попеченія и покровительства.

Никто не можетъ отрицать, что трое братьевъ Муравьевыхъ: Николай Николаевичъ Карскій, Михайлъ Николаевичъ Виленскій и Андрей Николаевичъ по способностямъ своимъ и по заслугамъ были люди, какъ говорится, недюжинные, а поэтому я имѣю нѣкоторое право гордиться ихъ благоволеніемъ и даже дружбой.

Обладая чрезвычайно вѣжливымъ и преданнымъ сердцемъ, Андрей Николаевичъ никогда не могъ забыть свою первую любовь къ графинѣ Чернышовой, которая предпочла ему его брата Николая Николаевича Карскаго, и поэтому всю жизнь онъ остался холостымъ. Николай Николаевичъ въ своихъ Запискахъ говоритъ объ этомъ оригинальномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическомъ эпизодѣ своей жизни.

Необыкновенная доброта Андрея Николаевича не вязалась съ холодной, одинокой его жизнью холостяка; привязанность, жертвы и заботы о другихъ составляли его существенную и духовную потребность.

Андрей Николаевичъ постоянно занимался серьезными предметами, большею частью религіозными, богословскими, церковными и пр., и, кромѣ того, поддерживалъ обширную переписку со многими высокопоставленными лицами нашего духовенства; письма къ нему Московскаго митрополита Филарета напечатаны. Не смотря на свои серьезные занятія, онъ любилъ молодежь, собиралъ ее часто у себя, шутилъ съ нею и даже дурачился, но никогда не упускалъ случая касаться въ бесѣдахъ своихъ съ молодыми людьми предметовъ религіозныхъ или нравственныхъ.

Онъ доводилъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи свое попеченіе о нравственности своихъ любимцевъ до того, что мнѣ памятенъ остался тотъ случай, когда онъ передъ образами взялъ съ меня обѣщаніе сохранить чистоту мою и дѣвственность.

Среди молодежи, его посѣщавшей, у него были любимцы, въ числѣ которыхъ были я, кавалергардъ Ахматовъ (бывшій впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Св. Синода), артиллеристъ Псаковъ (бывшій впослѣдствіи главноуправляющимъ военноучебныхъ заведеній) и дру-

гіе, а до меня, какъ я слышалъ, любимцами его, между прочими, были: лейбъ-гусарь И. Н. Гончаровъ и кавалергардъ А. Б. Козаковъ, бывший также любимцемъ почтенной старухи, графини Орловой-Чесменской.

При этомъ надо замѣтить, что Андрей Николаевичъ, служивши самъ когда-то въ военной службѣ, сохранялъ слабость къ военнымъ людямъ, и поэтому фавориты его должны были быть непременно изъ военныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ зналъ насъ еще дѣтми и любилъ также моего старшаго брата Бориса; но любимцемъ его былъ я, потому что я былъ военный; младшаго же моего брата Ивана онъ не жаловалъ, прозывая его графомъ Бенкендорфомъ (тогдашній шефъ жандармовъ)...

Надо сказать вообще, что злословіе не пощадило А. Н. Муравьева за его слабости и мелочность, а того и другого у него въ характерѣ было много. Онъ, напримѣръ, очень любилъ подарки и даже часто ихъ выпрашивалъ; любилъ почетныя встрѣчи, ради его устроенныя; часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ, гдѣ, благодаря его огромному росту, онъ не могъ не быть всѣми замѣченъ, тѣмъ болѣе, что всегда шелъ непосредственно за митрополитомъ или архіереемъ; любилъ носить костюмы, въ особенности схожіе съ военными. Не смотря на свой уже почтенный возрастъ и на то, что его средства не позволяли ему держать лошадей, онъ до ребячества любилъ кататься верхомъ, хотя ѣздокъ былъ очень плохой, совершая подобныя прогулки въ сопровожденіи одного изъ своихъ любимцевъ. Всѣхъ чаще приглашалъ онъ меня, вѣроятно потому, что я верхомъ ѣздилъ лучше другихъ.

За страсть его кататься на чужихъ лошадяхъ въ щегольскомъ экипажѣ, онъ разъ былъ наказанъ его хорошимъ знакомымъ въ Петербургѣ, владѣльцемъ превосходнаго рысака, человекомъ, повидимому, весьма неразборчивымъ въ выборѣ своихъ шутокъ. Этого его знакомый долго уклонялся отъ исполненія его желанія покататься въ его санихъ по Невскому проспекту; наконецъ, онъ уступилъ его настоятельной просьбѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ не замучилъ его любимую лошадь, а для этого во время прогулки взадъ и впередъ по Невскому проспекту давалъ бы, пройдясь пѣшкомъ, нѣсколько разъ отдохнуть его лошади. Отправляя въ условленный съ Андреемъ Николаевичемъ день и часъ свои сани къ нему на квартиру, онъ предварительно призывалъ къ себѣ своего кучера и приказалъ ему всякій разъ, когда Андрей Николаевичъ будетъ на Невскомъ садиться въ сани, этому

препятствовать, не показывая о томъ виду, то вдругъ подавая лошадь впередъ, то осаживая ее назадъ. Оказалось, что кучеръ такъ добросовѣстно исполнялъ приказаніе своего хозяина, что, когда Андрей Николаевичъ въ самомъ людномъ мѣстѣ крикнулъ кучера, чтобы всѣ присутствующіе видѣли его щегольской выѣздъ, и хотѣлъ сѣсть, то, занеся нагу въ сани, чуть не потерялъ равновѣсія и не упалъ при всѣхъ на улицѣ, такъ какъ внезапно лошадь дернула впередъ, и онъ оставался съ поднятой ногой передъ пустымъ пространствомъ въ самомъ неспріятномъ и глупомъ положеніи, что при его громадномъ ростѣ придавало картинѣ немало комизма. Подобныя сцены съ промежутками возобновлялись нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока, потерявъ терпѣніе, Андрей Николаевичъ рѣшился пѣшкомъ отправиться домой, а кучера, который притворялся, что онъ не можетъ справиться съ лошадью, возвратилъ хозяину съ великою благодарностью.

Таковы были мелочи въ характерѣ этого не только добрейшаго и благороднѣйшаго человѣка, но и замѣчательнаго ученаго, богослова и литератора.

Впрочемъ, мы знаемъ за многими извѣстными по своему таланту людьми подобныя мелочи или недостатки, несоотвѣтствующіе ихъ умственному развитію. Таковъ ужъ видно человѣкъ. Доживши даже до старости, какими бы онъ не былъ одаренъ способностями, даже гениальными, и какъ ни умудренъ опытомъ, онъ все-таки, въ извѣстномъ отношеніи, остается ребенкомъ. Что же касается до Андрея Николаевича, то его душевныя качества, свѣтлый его умъ и возвышенные его идеалы заставляли забывать о его маленькихъ недостаткахъ, которые можно назвать почти дѣтскими.

На этотъ разъ Андрей Николаевичъ пробылъ у насъ въ Лотошинѣ цѣлую недѣлю, такъ что мы имѣли достаточно времени, чтобы вдоволь и въ сласть накататься верхомъ. Узнавъ отъ меня, что я по прошествіи установленнаго срока намѣренъ перейти въ гвардію, онъ сталъ меня уговаривать и усиленно просить моихъ родителей, чтобы я непременно перешелъ въ кавалергардскій полкъ, а ни въ какой-нибудь иной, такъ какъ это его любимый полкъ и что онъ, по его мнѣнію, отличается отъ всѣхъ прочихъ изящностью и добропорядочностью своихъ офицеровъ. Къ этому онъ прибавилъ, что онъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ находится съ командиромъ этого полка генераломъ Фитингофомъ, и что всѣ хлопоты по этому дѣлу онъ съ радостью беретъ на себя, такъ что вскорѣ, уѣзжая въ Петербургъ, онъ, не теряя времени, переговорить обо всемъ съ генераломъ, который не-

сомнѣнно будетъ этимъ очень доволенъ, а онъ (Андрей Николаевичъ) мнѣ обо всемъ подробно напишетъ. Впослѣдствіи, къ крайнему его сожалѣнію, это предположеніе не осуществилось, потому что въ данное время въ этомъ полку не было вакансій, и я тогда перешелъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, сохранивъ, однако, при этомъ съ Андреемъ Николаевичемъ все тѣже прежнія добрыя отношенія.

Въ это же самое лѣто пріѣзжалъ къ намъ въ Лотошино новый мой знакомый, съ которымъ я часто встрѣчался у Николая Михайловича Орлова и съ которымъ подружился. Это былъ бывшій тогда его товарищъ по университету, студентъ Полонскій, составившій себѣ впослѣдствіи репутацію одного изъ нашихъ недюжинныхъ поэтовъ.

Это былъ молодой человѣкъ, весьма добрый, весьма общительный, но до нельзя простодушный. Онъ уже тогда любилъ писать стихи, но они мнѣ тогда казались или простымъ рѣмонлетствомъ, или какъ-то выходили у него до такой степени туманными, что не было никакой возможности добиться въ нихъ смысла. Онъ писалъ стихи, посвященные моей сестрѣ; но, кажется, одна только тетушка Софья Ивановна Мещерская, гостившая тогда у насъ, по добротѣ своей имѣла терпѣніе выслушивать его чтеніе и даже его поощрала.

Онъ впослѣдствіи несомнѣнно сдѣлалъ успѣхи; но, не смотря на мою дружбу къ нему, я долженъ сознаться, что никогда и послѣ того не могъ признать въ его стихотвореніяхъ признаковъ большого дарованія, хотя рѣмы у него, надо сознаться, были почти безукоризненны. Но что такое рѣма въ сравненіи съ прочими достоинствами настоящей поэзіи даровитаго автора? Никто, кажется, не можетъ отрицать, что въ поэзіи вдохновеніе, высокая мысль, глубокое истинное чувство и изящность формы отодвигаютъ далеко на задній планъ какую-нибудь не совсѣмъ безукоризненную рѣму.

Какъ-то странно судятъ у насъ наши рецензенты и критики о нашихъ поэтахъ, а вслѣдствіе того и молва объ ихъ талантахъ часто у насъ капризна и ни на чемъ не основана. Такъ, напримѣръ, современникъ Полонскаго, одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, графъ Алексій Толстой, не имѣлъ столько апологистовъ, сколько имѣлъ ихъ Полонскій, которому одинъ Говоруха-Отрокъ посвятилъ до десяти статей, кромѣ статей Страхова и другихъ.

Не могу по этому случаю не припомнить нѣсколько стиховъ его, всегда мнѣ казавшихся особенно бездарными въ его стихотвореніи философскаго содержанія, подъ названіемъ «Умирающій», гдѣ онъ говоритъ о страданіяхъ и кончаетъ такъ:

Прощай!... Уже враги невѣдомаго духа,
Ничтожные, какъ прахъ, опасные, какъ лѣзъ,
Проникли въ кровь мою, видѣются, спѣшатъ
Хозяйничать... Негодные для слуха,—
Непризванные помогать
Мнѣ звуками природу наполнить,—
Негодные къ тому, чтобъ я, источникъ зрѣнья,
Съ ихъ помощью въ цвѣта преобразать
Могъ невѣсостаго зѣбра сотрясенъ,
Случайные враги пока еще живыхъ,
Присущихъ мнѣ частицъ, освобождаютъ ихъ —
То медленно, то быстро и всецѣло—
Отъ подневольной службы въ пользу тѣла...

А далѣе:

Такъ, собственнаго разложенья
Свидѣтель, я гляжу на всѣ его мученья,
Какъ на слѣпое роковое мщенье
Стихийныхъ, вѣчныхъ силъ; за то, что я живу
Во времени и жить ихъ заставляю... и т. далѣе.

Какъ могутъ апологисты Полонскаго восторгаться такой поэзіей, я не понимаю? Если подобное стихотвореніе можетъ нравиться такимъ знатокамъ дѣла, какъ Говоруха-Отрокъ, Страховъ, Басаргинъ и другіе, то я, какъ совершенно несогласный съ ними, предпочелъ бы, чтобы съ ними не спорить, признать себя лишеннымъ всякаго эстетическаго чувства и пониманія.

Всякій согласится, что для истиннаго поэта міръ явленій или дѣйствительность ежедневная, преходящая и случайная, какъ бы не должны существовать. Для него существуетъ лишь дѣйствительность поэтическая, преображенная, т. е. обнаружившая свою истинную и вѣчную сущность. А въ подобномъ стихотвореніи Полонскаго я ничего подобнаго не вижу, не говоря о томъ, что изящность формы здѣсь уже совершенно отсутствуетъ. Какъ-бы то ни было, въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, Полонскій былъ молодой человѣкъ замѣчательно-кроткій, добрый, простодушный. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался преданнымъ другомъ моего семейства; поэтому я всегда объ немъ вспоминаю съ дружественнымъ чувствомъ, совершенно независимо отъ того, какъ-бы ни былъ размѣръ его лирическаго таланта.

Засягъ насъ также посѣтила въ Лотошинѣ самая близкая пріятельница моей матушки, съ которой она лѣтъ двадцать сохраняла непрерывныя сношенія, т. е. до самой своей смерти, а именно графиня Жюльвекуръ, бывшая вдова полковника Кожина. Она была побочной дочерью Николая Сергѣевича Всеволожскаго, вышла очень молоденькой за полковника Кожина, который вскорѣ умеръ, не оставивъ дѣтей, а

затѣмъ, много лѣтъ спустя, вышла за путешественника по Россіи, Французскаго легитимиста графа Жюльвекура.

Дружба моей матушки, весьма строгой въ выборѣ знакомыхъ, каждому была понятна, кто зналъ графиню Лидію Николаевну. Трудно было встрѣтить болѣе кроткую и привѣтливую личность. Она подъ самую скромную наружность скрывала всестороннее образованіе и рѣдкія въ женщинѣ солидныя познанія. Правда, что ея любезность напоминала любезность лицъ аристократическаго Французскаго общества прошлаго времени, но рѣчь ея исходила изъ собственнаго своего ключа и затѣмъ текла невозмутимо, какъ струя чистой зеркальной воды.

Дружба графини къ моей матери была чуть ли не преобладающая въ ея жизни привязанность. Она на много лѣтъ пережила обожаемую мою мать и, овдовѣвши во второй разъ, поселилась и проживала въ большомъ одиночествѣ въ Москвѣ, гдѣ я ее часто посѣщалъ до ея недавней кончины. Я любилъ бесѣдовать съ этой милой и умной старушкой. Вспоминаю, что она мнѣ передавала между прочимъ нѣчто характеризующее постоянное настроеніе духа и набожность моей матери. Такъ она, напримѣръ, въ минуту сердечнаго дружескаго признанія говорила ей, что кается передъ Господомъ Богомъ въ одномъ большомъ согрѣшеніи, отъ котораго никакъ избавиться не можетъ.—«Въ чемъ же онъ состоитъ, этотъ ужасный грѣхъ?» спросила графиня.—«Какъ же? отвѣчала она, Господь Богъ требуетъ, чтобы Его одного обожали на свѣтѣ, а я обожаю также и своего мужа, и эта мысль меня мучаетъ....» Такова была чистота и таково было религіозное настроеніе этой святой женщины, которое ее никогда не покидало.

Мужъ Лидіи Николаевны, графъ Жюльвекуръ, сдѣлавшись руссофиломъ, былъ одинъ изъ числа первыхъ и рѣдкихъ въ то время Французовъ, искренно возмущенныхъ несправедливыми толками, распространенными на Западѣ о Россіи и о Русскихъ вообще. Онъ первый задался цѣлью исправить эту несправедливость, возстановить истинно доступными для него средствами, измѣнить общественное мнѣніе во Франціи въ пользу Россіи и способствовать сближенію этихъ народовъ. Онъ въ этомъ смыслѣ помѣщалъ статьи въ разныхъ Французскихъ журналахъ и, такъ какъ онъ былъ самъ поэтомъ, то издалъ въ стихахъ переводъ нашихъ народныхъ пѣсень въ сборникъ подъ названіемъ «Балалайка»; но сколько мнѣ помнится, это изданіе не имѣло большого успѣха.

Я вскорѣ долженъ былъ оставить семью, чтобы вернуться въ Коломну на службу. Засталъ я дядю не въ веселомъ настроеніи духа: онъ только что получилъ извѣстіе, что его произвели въ генераль-маіоры, а не въ генералы при свитѣ.

Въ бесѣдѣ дядя мнѣ подробно разсказалъ причину этой немилости слѣдующимъ образомъ. На царскомъ смотрѣ въ Бородинѣ, когда нашъ полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ и, передъ самымъ пріѣздомъ Государя, дядя, находясь на лѣвомъ его флангѣ, равняя полкъ, онъ замѣтилъ въ первомъ эскадронѣ поручика Фролова, который небрежно сидѣлъ на лошади, поставивъ ее бокомъ къ фронту. Дядя послалъ къ нему тотчасъ своего адъютанта сказать, чтобы онъ сталъ какъ слѣдуетъ передъ своимъ взводомъ; но поручикъ Фроловъ оставался глухъ къ переданному ему приказанію и только повернулъ лошадь еще болѣе въ сторону. Время терять было невозможно: съ минуты на минуту ждали Государя. Дядя, взбѣшенный такимъ неповиновеніемъ, самъ поскакалъ мимо всего фронта къ противоположному флангу полка и, доскакавъ до Фролова, крича на него своимъ страшнымъ голосомъ, осадилъ свою лошадь такъ близко, что головы обѣихъ лошадей почти сошлись вмѣстѣ. Въ это мгновенье Фроловъ размахнулся своей саблей и нанесъ ударъ прямо передъ собой, такъ что ударъ пришелся по темени между ушами лошади. Ударъ нанесенъ былъ невѣрно или, лучше сказать, рукою очевидно человѣка нетрезваго, ибо даже концомъ сабли онъ не достигъ сѣдока, на котораго ударъ былъ направленъ. Все это было дѣломъ одного мгновенья. Отъ этого удара лошадь дяди поднялась и бросилась въ сторону; а поручикъ Фроловъ, какъ будто человѣкъ совершившій свое дѣло, очень хладнокровно, пошатываясь на сѣдлѣ, зложилъ саблю въ ножны, преспокойно повернулъ лошадь, обошелъ правый флангъ полка и молча шагомъ отправился подъ арестъ въ нашу штабъ-квартиру.

Возвратившись домой послѣ смотра, который прошелъ превосходно, дядя долго колебался, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Чувство сожалѣнія къ участи молодого человѣка, который во время совершеннаго имъ поступка былъ положительно въ состояніи невмѣняемости, наконецъ, взяло верхъ и вмѣсто того, чтобы подать по начальству рапортъ о случившемся (вслѣдствіе котораго поручикъ Фроловъ неминуемо былъ-бы отданъ подъ военный судъ и разжалованъ въ солдаты), дядя предпочелъ потребовать отъ него, чтобы онъ подалъ отъ себя прошеніе объ отставкѣ, приказавъ оставаться ему подъ арестомъ до ея полученія. Дядя мнѣ передалъ при этомъ, что онъ зналъ, что рискуетъ, посту-

пивши такимъ образомъ и подвергаясь, можетъ быть, этимъ получить отъ ближайшаго начальства выговоръ, но что онъ предпочелъ эту мѣру по двумъ причинамъ: во-первыхъ, какъ сказано, чтобы не погубить на вѣкъ молодого человѣка, а во вторыхъ, чтобы не давать повода злымъ языкамъ раздуть чрезмѣрно важность этого случая.

Но оказалось, что дядя упустилъ изъ виду существованіе у насъ жандармовъ и стало-быть тайной полиціи, въ то время особенно зорко наблюдавшей за всѣмъ происходящимъ при большомъ скопленіи войскъ, какъ это было на Бородинскомъ полѣ во время маневровъ.

Поступокъ поручика Фролова дошелъ до слуха самого Государя, который очень строго отнесся къ неисполненію своимъ любимымъ флигель-адъютантомъ служебной обязанности, т. е., что не подано рапорта начальству о такомъ изъ ряду вонъ выходящемъ случаѣ нарушенія военной дисциплины. Отсюда немилость Государя и производство дяди просто въ генераль-майоры, а не въ свиту его величества. Вскорѣ послѣ этого я узналъ дальнѣйшую исторію поручика Фролова, по выходѣ его въ отставку. Онъ оказался настоящимъ алкоголикомъ, въ пьяномъ видѣ нѣсколько разъ стрѣлялъ въ свою прислугу и, наконецъ, покусился на жизнь собственной матери. Несчастный кончилъ жизнь сосланнымъ по суду на каторгу.

Для дяди моего начались его горькія испытанія. Послѣ его производства въ генераль-майоры о немъ какъ будто забыли, оставивъ его въ этомъ чинѣ командиромъ армейскаго полка, что не было обычно въ то время въ порядкѣ службы и составляло исключеніе. Затѣмъ, когда открылись двѣ вакансіи командировъ двухъ кавалерійскихъ полковъ въ гвардейскомъ корпусѣ (лейбъ-гвардіи гусарскаго и его высочества уланскаго) то, не смотря на его личное предстательство о томъ, чтобы ему дали командованіе лейбъ-гусарскимъ полкомъ (что почему-то весьма не понравилось командиру гвардейскаго корпуса, великому князю Михаилу Павловичу), его назначили командиромъ гвардейскаго уланскаго полка. Спустя не болѣе года послѣ того, какъ онъ принялъ этотъ полкъ, стряслась надъ нимъ другая бѣда: на него неожиданно обрушился гнѣвъ великаго князя Михаила Павловича.

Дѣло было такъ. За то что офицеръ его полка опоздалъ на ученіе, дядя приказалъ его посадить подъ арестъ на 24 часа, что на другой день, по принятому порядку, значилось въ приказѣ по полку. Такъ какъ великій князь имѣлъ обыкновеніе всегда прочитывать всѣ полковые приказы, то, освѣдомясь объ этомъ, онъ пришелъ въ большое не-

годованіе по поводу слабости этого взысканія, не соответствующаго, по его мнѣнію, тяжести проступка. Онъ потребовалъ объясненія отъ моего дяди, при чемъ замѣтилъ, что не на 24 часа слѣдовало посадить виновнаго офицера за подобный проступокъ, а на 24 дня. Дядя, извѣстный всѣмъ своею строгостью по службѣ, обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ, что онъ полагалъ, что г.г. офицеры избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, чему, по его мнѣнію, могъ бы уподобиться такой продолжительный арестъ за проступокъ, могущій произойти иногда по независящимъ отъ виновнаго причинамъ.

Нѣсколько дней спустя, къ немалому удивленію и великому огорченію этого закаленнаго служака и, можно сказать, суроваго по строгости своей командира, явился въ приказѣ великаго князя по гвардейскому корпусу строгій выговоръ полковому командиру уланскаго его высочества полка, за поступокъ, могущій причинить послабленіе военной дисциплины въ гвардейскомъ корпусѣ. Нелегко людямъ бываетъ переносить даже заслуженныя послѣдствія недостатковъ; какое же долженъ ощущать горькое чувство тотъ, кто осуждается и наказуется громогласно за недостатки, въ немъ никогда не существовавшіе и нѣмъ незамѣченныя? Такъ именно было съ дядей. Онъ всего менѣе могъ ожидать выговоровъ за недостатокъ строгости, могущей, какъ ему было сказано, даже нарушить дисциплину въ гвардейскомъ корпусѣ. Этотъ нравственный ударъ его сразилъ. Онъ послѣ того былъ похожъ на человѣка разочарованнаго, потерявшаго вѣру во все, во что онъ вѣрилъ въ продолженіе всей его жизни. Жаль было смотрѣть на него въ то время. Онъ совершенно упалъ духомъ и оставался равнодушнымъ ко всему окружающему. Поэтому онъ скорѣе вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню, откуда уже никогда не возвращался.

Въ то время, какъ я прибылъ въ полкъ, дядя находился въ ожиданіи, длившемся цѣлый годъ, о назначеніи его командиромъ гвардейскаго полка, о которомъ я говорилъ выше. Погостивъ у него нѣсколько дней, я простился съ нимъ, чтобы отправиться въ мой эскадронъ, находившійся уже на зимнихъ квартирахъ въ большомъ селеніи въ окрестностяхъ Коломны. Погода была ужасная. Хотя отчасти я уже свыкъ съ жизнью армейскаго офицера, но тогда я испыталъ всѣ ея непривлекательныя стороны. Дѣйствительно, жизнь субалтернаго армейскаго офицера на зимнихъ квартирахъ въ деревняхъ мало чѣмъ отличается отъ жизни арестанта, присужденнаго къ одиночному заключенію, и тому офицеру, который не можетъ пріобрѣсти книгъ, или непривыченъ читать, дѣйствительно остается только одно: спиваться съ круга отъ тоски. Въ кавалеріи въ особенности, гдѣ при-

знано, что для однообразія въ выправкѣ и обученіи людей, въ выѣздѣ лошадей и пр., и пр., вся власть должна сосредоточиваться въ одномъ лицѣ, а именно, въ лицѣ эскадроннаго командира, субалтерный офицеръ не можетъ для развлечения даже и фронтовыхъ занятій. По хозяйственной же части его участіе еще менѣе можетъ быть допущаемо, что весьма понятно, такъ какъ экономическая часть и отчетность требуютъ еще болѣе сосредоточенія ихъ въ рукахъ хозяина, или, иначе сказать, эскадроннаго командира. Кромѣ того, въ той мѣстности, гдѣ находится эскадронъ, часто не бываетъ помѣщичьихъ помѣстій; но если бы онѣ и были, то зимою помѣщики почти никогда въ своихъ помѣстьяхъ не остаются, стало быть офицеры лишены бываютъ всякаго общества. Единственнымъ развлеченіемъ остается картежная игра, но для этого надо имѣть свободныя деньги, а у армейскаго офицера ихъ никогда не бываетъ; такъ, напримѣръ, у насъ въ полку мнѣ не случалось никогда видѣть игорнаго стола. Можно легко себѣ представить поэтому, какую неприглядную жизнь и какую тоску должны переносить эти молодые люди на зимнихъ стоянкахъ.

Я, какъ и прежде бывало, спасался отъ этой томительной и похвальной скуки чтеніемъ запасенныхъ мною книгъ. Эти книги были преимущественно историческаго содержанія; были также путешествія, а изъ легкой литературы романы Бальзака, имѣвшіе тогда большой успѣхъ. Помню, что я тогда прочелъ путешествіе по Индіи Жакмона, много писавшаго подробностей о ненавистномъ въ Индіи владычествѣ Англичанъ и о Санкритскихъ древностяхъ духовнаго содержанія. Затѣмъ я тогда имѣлъ время прочесть многочисленные томы мемуаровъ Людовика XVIII-го и чрезвычайно интересную переписку короля Іосифа съ его братомъ, Наполеономъ I-мъ. Таковы странныя свойства нашей памяти, что изъ всего читаннаго мною тогда почти ничего не изгладилось изъ моей памяти, хотя съ тѣхъ поръ прошло 60 лѣтъ. Причина тому, я полагаю, не столько впечатлительность моей молодой памяти, сколько то одиночество, въ которомъ я находился, и полное отсутствіе всякихъ развлеченій.

Зимою я не безъ труда выхлопоталъ себѣ во время праздниковъ 20-дневный отпускъ въ Москву. По приѣздѣ туда, я нашелъ все, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ, т.-е. въ обществѣ я не засталъ никакихъ измѣненій, кромѣ развѣ приѣзда въ Москву Л. А. Лазарева съ его молодой женой, урожденной принцессой Биронъ-Курляндской. Эта молодая особа, очень красивая и замѣчательно любезная, всѣхъ обворожила, и въ томъ числѣ моего отца, стараго пріятеля мужа ея.

Съ того времени г-жа Лазарева, со свойственными ей тактомъ и умомъ, предприняла сватовство своего брата, принца Калиста Бирона, на моей сестрѣ, что, два года спустя, и увѣнчалось успѣхомъ, послѣ прѣзда принца въ Москву.

Я вспоминаю, что въ это время, въ честь прѣзда г-жи Лазаревой, былъ данъ большой балъ г-жею Деляновой, сестрой мужа ея Лазарева, въ ея домѣ (въ Армянскомъ переулкѣ), принадлежавшемъ когда-то нашимъ предкамъ, князьямъ Мещерскимъ *). Лазаревъ просилъ меня отъ имени своей сестры Деляновой, съ которой я тогда мало былъ знакомъ, пригласить къ ней на балъ нѣсколько танцоровъ изъ моихъ товарищей-офицеровъ и взять на себя трудъ самому управлять танцами. Я, разумѣется, по знакомству съ Лазаревымъ, не могъ отказаться и потому послалъ пригласительные билеты нѣсколькимъ моимъ приятелямъ, какъ-то двумъ графамъ Блудовымъ, князю Голицыну, ротмистру Стальке (гусарь и хорошій танцоръ, родомъ изъ Венгерцевъ, вступившій въ нашу службу) и другимъ. Балъ былъ очень блестящъ и оживленъ. Я успѣшно велъ танцы. Героиней бала разумѣется, была, прѣхавшая въ первый разъ въ Россію красавица, молодая г-жа Лазарева.

Мнѣ помнится, что на этомъ балѣ былъ случай, никакъ незамѣченный, по который меня очень разсмѣшилъ. Въ началѣ танцевъ, послѣ обычныхъ представленій хозяйкѣ (которая была вдовою), я замѣтилъ одного молодого человѣка, подходившаго по очереди ко всѣмъ моимъ товарищамъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, и весьма внимательно съ нами разговаривавшаго. Такъ какъ онъ себя не называлъ, то никто изъ насъ не зналъ, кто именно былъ этотъ любезный нашъ новый знакомый. Очередь, наконецъ, дошла и до ротмистра Стальке, человѣка огромнаго роста, брюнета, съ безконечно-длинными усами, стоявшаго въ задумчивости возлѣ меня. Молодой человѣкъ сперва заговорилъ съ нимъ на Русскомъ языкѣ, на которомъ г. Стальке довольно плохо говорилъ; но, замѣтивъ, что г. Стальке ему не отвѣчаетъ, онъ обратился къ нему по-французски, съ тѣми шаблонными вопросами, съ которыми обращаются обыкновенно къ незнакомцамъ, когда по необходимости бываешь вынужденнымъ ихъ занимать разговоромъ. Такъ, напримѣръ, я слышалъ, что онъ у него спрашивалъ: любитъ ли онъ театръ, охотно ли ѣздитъ въ оперу и т. п.; но, повидному, всѣ эти

*) Домъ этотъ приобрѣтенъ Деляновыми отъ кн. Натальи Андреевны Мещерской (ур. гр. Матвѣевой), внучки боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева; рядомъ съ церковью, въ этомъ переулкѣ, находится и роскошная часовня, гдѣ стоитъ гробница Матвѣева.

вопросы казались довольно докучливыми колоссу съ длинными усами, онъ только поглядывалъ сверху внизъ на маленькаго незнакомца и нехотя бормоталъ ему какіе-то невнятные отрицательные отвѣты. Это, однако, не обезкуражило молодого человѣка, и я слышалъ, какъ онъ обратился къ нему съ новымъ вопросомъ о томъ, видѣлъ ли онъ, какъ прекрасно въ настоящее время идетъ на сценѣ опера «Робертъ-Дьяволъ»? На этотъ послѣдній вопросъ нашъ колоссъ поклонился надъ нимъ и, покачавъ головой, промывалъ ему подъ самое ухо глубокимъ басомъ какой-то продолжительный звукъ, похожій на тотъ, которымъ пугаютъ дѣтей, въ родѣ прр-пр-пр-р!.. сдѣлавъ при этомъ значительную гримасу въ знакъ отвращенія. Это произошло такъ быстро и неожиданно для молодого человѣка, что онъ съ ужасомъ отъ этого чудовища попятился назадъ и скрылся въ толпѣ окружавшихъ насъ тавцоровъ. Я вскорѣ узналъ, что этотъ молодой человѣкъ былъ никто иной, какъ молодой Деляновъ, сынъ хозяйки дома, только что кончившій съ отличіемъ курсъ кандидатомъ въ Московскомъ университетѣ. Мы не знали тогда, что этотъ скромный молодой человѣкъ сдѣлаетъ такую видную карьеру и будетъ пользоваться такою громкою извѣстностью въ Россіи, какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Балъ кончился блестящимъ и веселымъ ужномъ, за которымъ я сидѣлъ возлѣ героини бала, молодой г-жи Лазаревой, пмѣвшей возлѣ себя съ другой стороны молодого графа Уварова (сына бывшаго министра), съ которымъ я уже въ то время сошелся такъ, что дружба наша не измѣнялась до его преждевременной кончины.

Къ этому времени относятся также болѣе тѣсныя дружескія сношенія нашего семейства съ семействомъ Мухановыхъ, пмѣвшихъ въ Москвѣ свой домъ на Остоженкѣ. Послѣдняя изъ этого семейства, Праксovia Алексѣевна, состояла всю свою жизнь въ тѣсной дружбѣ съ моею тетунькой, Марьей Ивановной Гончаровой. Я тогда не могъ, по молодости лѣтъ, знать и цѣнить по достоинству эту превосходную личность, и она высоко стояла въ моемъ мнѣніи какъ-то инстинктивно, потому только, что была другомъ тетушки. Съ братомъ ея, Николаемъ Алексѣевичемъ Мухановымъ, я былъ знакомъ гораздо ближе, чѣмъ съ нею. Онъ принадлежалъ къ той плеядѣ всесторонне образованныхъ и умныхъ людей, которыми отличалось въ тогда Московское общество. Перечисляя въ умѣ своемъ современниковъ Н. А. Муханова, даровитыхъ и образованныхъ личностей, жившихъ въ одно и тоже время въ Москвѣ, я не могу не подивиться ихъ многочисленности. Таковы, напримеръ, изъ стариковъ: Николай Николаевичъ Муравьевъ, Александръ Михайловичъ Тургеневъ, Николай Сергѣевичъ Всеволожскій; затѣмъ

люди среднихъ лѣтъ, какъ: П. Я. Чаадаевъ, М. Ѳ. Орловъ, Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ, Александръ Сергѣевичъ Цуриковъ, князь Н. И. Трубецкой, князь Михайлъ Александровичъ Голицынъ, А. С. Хомяковъ, и изъ болѣе молодыхъ людей: братья Аксаковы, Юрій Самаринъ, графъ Алексѣй Толстой, молодой Тургеневъ и проч. Въ любой столицѣ Европы подобныя личности были бы не только замѣчены, но и заслужили бы всеобщее вниманіе. Поживъ столько на свѣтѣ и посѣтивъ столько разъ почти всѣ Европейскія столицы, я могу сказать это на основаніи собственнаго опыта. Многие изъ этихъ лицъ впоследствии оставили Москву и перѣехали въ Петербургъ, въ томъ числѣ и Н. А. Мухомовъ, бывшій при особѣ государыни Маріи Александровны, а позже товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Наступилъ, наконецъ, роковой для насъ всѣхъ 1841 годъ, въ который мы такъ неожиданно и такъ трагически лишились нашей обожаемой матери.

Ничто, казалось, не предвѣщало приближенія такого ужаснаго удара судьбы. Семья въ обычное время отправилась въ Лотошино. Матушка, которая очень поправилась здоровьемъ послѣ двухкратнаго леченія на Карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, куда она ѣздила два года сряду, казалось совершенно избавилась отъ своихъ страдашій печени и имѣла добрый и веселый видъ. Отецъ въ этомъ году предпринялъ множество хозяйственныхъ построекъ; дѣло у него кипѣло, какъ всегда; старшій братъ мой, князь Борисъ, во всемъ ему помогалъ, такъ что Лотошино, вопреки прежнимъ порядкамъ, превратилось въ центръ кипучей дѣятельности.

И въ это время находился въ Коломнѣ, гдѣ начались весеннія полковыя занятія подъ командою моего дяди, который не получалъ еще въ то время своего новаго назначенія изъ Петербурга. Дни шли за днями среди этихъ ежедневныхъ занятій. Жизнь моя была бы слишкомъ однообразна, если бы дядя не познакомилъ меня въ это время съ одной помѣщицей, г-жей Губерти, проживавшей въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ верстахъ въ пяти отъ города.

Г-жа Губерти была женщина лѣтъ пятидесяти, но на видъ казалась гораздо моложе, чѣмъ она видимо очень дорожила, употребляя для этого довольно замѣтныя вспомогательныя косметическія средства. Дама она была очень образованная, бывавшая много въ большомъ свѣтѣ и привыкшая, повидимому, чтобы за ней ухаживали. Она была очень начитанная, любила Англійскую литературу и снабжала меня постоянно

книгами. Дядя поощрялъ мои поѣздки къ г-жѣ Губерти, полагая, какъ я думаю, что для молодого человѣка общество такой образованной и свѣтской дамы весьма полезно. Я самъ любилъ ѣздить къ этой гостепріимной барынѣ, доставлявшей мнѣ въ моей однообразной жизни въ уѣздномъ городѣ самое пріятное развлеченіе, не говоря уже о томъ, что мѣстоположеніе усадьбы, въ которой она проживала, было одно изъ самыхъ живописныхъ въ Московской губерніи. Домъ стоялъ на краю крутого и высокаго берега Оки-рѣки, при слияніи ея съ Москвой-рѣкой, стало быть въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ, гдѣ обѣ рѣки образуютъ фигуру въ родѣ дельты или острова, на которомъ красуется со своими золотыми куполами богатый Голутвинъ мужской монастырь.

Объ этомъ монастырѣ я не могу говорить, не вспомнивъ весьма оригинальный случай, въ достовѣрности котораго я не сомнѣваюсь, потому что о немъ мнѣ передавалъ одинъ изъ правдивѣйшихъ людей, а именно графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій Московскій генералъ-губернаторъ.

Графъ мнѣ сказывалъ, говоря о богатствѣ и красотѣ Голутвина монастыря, что въ царствованіе государя Александра Павловича, распущенность въ немъ монашеской братіи дошла до того, что она окончательно вышла изъ повиновенія, и архимандритъ вынужденъ былъ просить епархіальное начальство о помощи, а митрополитъ прислать комиссію, чтобы разобрать дѣло и уговорить иноковъ; но и это не помогло, и бунтъ обнаружился явный. Тогда для водворенія порядка вызвана была военная сила, которая съ трудомъ справилась съ бунтовщиками, вслѣдствіе чего потребовалось въ продолженіе цѣлаго года держать военный караулъ внутри монастыря. Подобный примѣръ едва ли представляется въ исторіи нашихъ Русскихъ монастырей.

Возвращаясь къ описанію необыкновенной красоты мѣстоположенія усадьбы г-жи Губерти, я долженъ дополнить, что съ балкона кромѣ Голутвина монастыря и граціозныхъ изгибовъ двухъ рѣкъ, орошающихъ безконечную даль, виденъ городъ Коломна съ его древнимъ кремлемъ какъ на ладони и кромѣ того нѣсколько монастырей и много селъ, расположенныхъ въ этой плодородной долинѣ.

Я впоследствии посѣтилъ красивѣйшія страны въ Европѣ, но никогда не могъ забыть этой восхитительной картины, можетъ быть, отчасти потому, что это — свое, а то — чужое; а можетъ быть и потому, что къ своему родному примѣшивается еще тутъ какое-то и религіозное чувство... Въ объясненіе надо сказать, что посѣщенія мои

имѣли мѣсто обыкновенно въ свободное отъ занятій время, т.-е. въ Субботу вечеромъ. Этотъ чудный видъ съ огромной вышины крутого и обрывистаго берега какъ-то особенно дѣйствовалъ на душу во время всеобщаго звона колоколовъ, сзывающихъ молящихся ко всеобщей. Далекій гулъ, долетавшій до меня въ тихій весенній вечеръ, придавалъ этому живописному виду, во время солнечнаго заката, что-то поистинѣ торжественное.

Въ послѣднее мое посѣщеніе г-жи Губерти передъ отъѣздомъ моимъ въ Москву, со мной произошелъ на паромѣ, на которомъ мнѣ всякій разъ приходилось переезжать Оку, очень непріятный случай, такъ что я могъ бы легко поплатиться жизнью.

Переездъ изъ города до мѣста можно было свободно сдѣлать въ 20 минутъ по хорошей дорогѣ, въ особенности на моемъ добромъ рысакѣ, если бы не паромъ на Окѣ, задерживавшій меня всякій разъ по крайней мѣрѣ на полчаса. Я пользовался этой прогулкой какъ удобнымъ случаемъ, чтобы удовлетворить свою обычную страсть къ наѣздничеству, и большею частью совершалъ ее одинъ въ бѣгункахъ. Когда я подъѣхалъ къ парому, онъ былъ свободенъ; я вѣхалъ на него и крикнулъ на перевозчиковъ, чтобы они не мѣшкали; они засуетились и, положивъ перекладину впереди парома передъ моею лошадью, впопыхахъ не заложили перекладыны сзади, чего я и не замѣтилъ. Когда нашъ паромъ находился уже на серединѣ широкой рѣки, лошадь моя стала проявлять явные признаки нетерпѣнія: бить ногою и, фыркая, топтаться на мѣстѣ. Я довольно равнодушно ее успокаивалъ, не предвидя опасности, когда она вдругъ стала пятиться назадъ. Моментально я спрыгнулъ съ дрожекъ, чтобы взять ее подъ уздцы, но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ уже мои дрожки съѣхали съ парома въ воду... Въ эту минуту бросились къ лошади паромщики, отъ которыхъ испуганная лошадь сдѣлала еще шага два назадъ, и къ ужасу моему ея заднія ноги вдругъ оказались въ рѣкѣ... Тяжесть дрожекъ совершила катастрофу: лошадь почти навзничь упала въ воду, погрузилась съ головой и какъ свинецъ пошла ко дну... Все это произошло въ одно мгновеніе; сначала образовался только на поверхности воды небольшой водоворотъ въ видѣ воронки, потомъ показалась масса пузырей, зарыбилась большими кругами вода; все исчезло, и любимой лошади моей не стало!.. Счастливъ я былъ, что соскочилъ во-время; иначе, по всей вѣроятности, я подвергся бы той же участи, что и моя бѣдная лошадь.

Послѣ случившагося, ничто не нарушало тишину чуднаго лѣтняго вечера вокругъ нашего парома, стоявшаго безъ движенія среди

широкой рѣки. На такой глубинѣ спасать или вытащить мою лошадь было немыслимо; я приказалъ перевозчикамъ продолжать путь къ противоположному берегу, къ которому причаливъ, отправился пѣшкомъ къ г-жѣ Губерти съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Эта добрая, умная женщина умѣла разсѣять мое грустное настроеніе и, давъ свой экипажъ для моего обратнаго пути въ Коломну, отпустила меня почти совершенно утѣшеннымъ.

На другой день мы выступили съ полкомъ на маневры въ Москву, и обстоятельства такъ сложились, что я, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ болѣе никогда не видался съ г-жей Губерти.

По окончаніи маневровъ, дядя наконецъ получилъ свое назначеніе командира гвардейскаго полка, а я, не безъ душевнаго волненія простившись съ нимъ, отправился въ Лотошино, гдѣ съѣхалось все семейство ко дню рожденія нашей дорогой матушки.

Продолжая въ хронологическомъ порядкѣ мой рассказъ о малѣйшихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ памяtnому для меня дню нѣкѣмъ неожиданнаго несчастія, я долженъ сказать, что общее семейное свиданіе наше было на этотъ разъ какъ-то особенно радостно. Въ торжественный день матушкина рожденія всѣ были въ праздничномъ настроеніи, преисполненномъ мира и согласія. Замѣтно было, что въ постоянно спокойныхъ чертахъ этой милой, доброй матери сіяла особенная радость. Живя исключительно, можно сказать, только семьей и только для одной семьи, она видимо наслаждалась въ эти минуты любовью мужа и дѣтей, которыми была окружена.

Къ этому дню пріѣхалъ къ намъ дядя, князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій и съѣхались сосѣди. Крестьяне наши также съ своей стороны проявляли участіе свое въ нашемъ семейномъ праздникѣ, топча цѣлый день на базарной площади, что противъ дома и церкви.

Стояли превосходные осенніе дни, и было тепло, какъ бываетъ въ дни такъ называемаго бабьяго лѣта.

Послѣ всѣхъ удовольствій, придуманныхъ моимъ отцомъ по случаю праздника для развлеченія нашего общества, когда стемнѣло, мы всѣ пошли смотрѣть на фейерверкъ, приготовленный на обширной базарной площади, между церковью и селомъ. Дамы смотрѣли съ балкона, а мы пошли на площадь, гдѣ стояла уже густая толпа народа.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, пришлось ждать, потому ли, что пиротехники не находились еще на своихъ мѣстахъ, или по какой-либо другой причинѣ. Наконецъ, первая сигнальная и,

какъ оказалось, роковая ракета поднялась высоко къ темно-синему небу. Всѣ взоры были на нее устремлены и слѣдили за ея полетомъ а затѣмъ и за ея паденіемъ. Вдругъ всѣ остолбенѣли: огненные остатки роковой ракеты быстро опустились внизъ надъ селомъ и врѣзались въ соломенную крышу ближайшаго къ площади крестьянскаго дома... Моментально крыша вспыхнула. Мы всѣ вмѣстѣ съ толпой бросились къ мѣсту пожара; но когда мы приблизились, изба была уже объята пламенемъ. Вопли и крики оглушали воздухъ. Мы съ братомъ были тогда молоды и энергичны, народу было много, работа закипѣла; но при появившемся откуда-то вѣтрѣ, не смотря на всѣ наши усилія, мы не могли отстоять сосѣднія избы, и шесть дворовъ до тла сгорѣло.

Когда пожаръ былъ потушенъ, и мы возвратились измученные домой, то узнали, что матушка нездорова, удалилась въ свои комнаты и просила ее не беспокоить. Оказалось, что только что происшедшій несчастный случай до того поразилъ ее, что она послѣ того почувствовала себя настолько дурно, что слегла въ постель. Такъ печально кончился этотъ день семейнаго праздника, начатый нами столь весело и радостно.

Испугъ совершенно разстроилъ нервную систему матушки, а ея впечатлительность и необыкновенно вѣжное сердце были причиной того, что она себя стала упрекать, въ чемъ она вовсе была виновна: какъ будто изъ нея прихоти или для доставленія ей удовольствія пострадало столько крестьянскихъ семей, оставшихся теперь безъ крова. Она живо представляла себѣ отчаяніе этихъ бѣдныхъ людей, ихъ негодованіе на своихъ господъ, безпріютность бѣдныхъ ребятшекъ и справедливый ропотъ ихъ матерей.

Разумѣется, на другой день были приняты всѣ мѣры, чтобы подать надлежащую помощь пострадавшимъ; но это немного утѣшило нашу больную, и она нескоро успокоилась. Матушка медленно поправлялась, но черезъ недѣлю она пожелала сама навѣстить погорѣльцевъ и посмотреть на строявшіяся для нихъ новыя избы. Хотя это посѣщеніе погорѣльцевъ было предпринято слишкомъ рано матушкою, судя по не окрѣпшему еще состоянію ея здоровья, но отговорить ее отъ этого никто не могъ; многіе полагали даже, что это можетъ ее разсѣять и принести пользу, успокоивъ ее нравственно. Это послѣднее предположеніе отчасти оправдалось: матушка стала бодрѣе и начала навѣщать погорѣльцевъ ежедневно.

Съ изумительной быстротой всѣ новыя избы и дворы были поставлены и окончены вполнѣ, оставалось только снабдить ихъ домаш-

нею утварью и всёми необходимыми. Это последнее было сделано особою заботой доброй нашей матушки, которая съ любовью входила сама во всё мелочи домашнего крестьянского хозяйства.

Видя матушку, повидимому, на пути къ полному выздоровленію, я долженъ былъ подумать о моемъ возвращеніи въ полкъ, чтобы не имѣть неприятностей за просрочку отпуска.

Никогда не могу забыть моихъ прощаній съ ней! Я долженъ былъ выѣхать очень рано, чтобы на почтовыхъ въ тотъ же день послѣть въ Коломну. Снарядивъ меня въ дорогу и снабдивъ наканунѣ отъѣзда всёми возможнымъ, матушка, не смотря на ранній часъ, встала, чтобы меня проводить. При прощаніи ея голосъ звучалъ какъ-то особенно, ея материнскія ласки и вниманіе тронули меня до слезъ. Она долго смотрѣла мнѣ вслѣдъ, пока я не скрылся изъ ея глазъ. Мнѣ хорошо помнится, что тяжела мнѣ была эта разлука; но той тоски душевной, которую зовутъ предчувствіемъ и которая такъ часто бываетъ предъ большимъ несчастіемъ, я совершенно не имѣлъ. Кто могъ думать, что это было послѣднее свиданіе въ нашей жизни и что я не увижу ея болѣе въ живыхъ?!

Пріѣхавъ въ Коломну, я представился новому полковому командиру, только-что принявшему нашъ полкъ, полковнику Сѣраковскому. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, изъ Поляковъ и, какъ показался мнѣ, довольно большой формалистъ, человѣкъ мало симпатичный и вообще личность безцвѣтная.

Полкъ былъ уже расположенъ на зимнихъ квартирахъ. Нашему эскадрону досталось стоять въ самыхъ отдаленныхъ отъ города селахъ, а моему взводу въ какой-то отдѣльной деревушкѣ, среди лѣса, въ страшной глуши. По пріѣздѣ мнѣ указали на лучшую избу въ деревушкѣ, какъ на назначенную для меня квартиру. Войдя, я былъ пріятно удивленъ обширнымъ размѣромъ горницы, ея чистотой и, въ довершеніе, тепломъ и уютностью. Я тотчасъ же занялся устройствомъ своего новаго жилища: распорядился внести свои вещи и размѣстить ихъ такъ, что изъ одной моей помѣстительной горницы создалъ очень удобныя три комнаты, или, собственно сказать, три угла, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ спальней, другой моимъ кабинетомъ съ письменными принадлежностями и книгами, а изъ третьяго образовалась столовая. Я, вѣроятно, не сталъ бы утомляться до такой крайности, устраивая свою отшельническую квартиру, еслибъ не былъ увѣренъ, что мнѣ въ ней придется провести всю зиму. Странно, однако, что эта увѣренность нисколько меня не страшила и не озабо-

чивала; а напротивъ, мнѣ такое абсолютное одиночество въ этой глуши даже нравилось, какъ послѣ бури тихое пристанище. Это чувство не покидало меня и на слѣдующій день. Я всталъ въ какомъ-то особенно жизнерадостномъ настроеніи, въ которомъ не могъ отдать себѣ отчета. На дворѣ было тихо и свѣтло, выпалъ первый свѣгъ.

Такое состояніе духа продолжалось цѣлый день. На душѣ было какъ-то особенно радостно и хорошо. Часто я задумывался надъ этимъ своего рода психическимъ явленіемъ и, не находя ему положительно никакаго объясненія, невольно отнесъ его къ разряду случающихся предчувствій какой-нибудь, можетъ быть, неожиданной радости. Но, увы, мнѣ не могло и въ голову придти тогда, что это явленіе было нѣчто совершенно противоположное, собственно не предчувствіе счастливаго событія, а что-то загадочное, не имѣющее названія и не поддающееся никакому логическому объясненію; скажу даже, скорѣе состояніе сверхъестественное.

Вечеромъ того же дня вошелъ ко мнѣ въ избу человекъ, покрытый грязью, въ почтальонской формѣ и съ сумкой черезъ плечо. Это былъ посланный фельдъегерь, который мнѣ подалъ письмо. Я остолбѣлъ. Письмо было отъ брата, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о тяжелой болѣзни матушки и торопилъ скорѣе пріѣхать. Зловѣщее чувство рокового исхода проникло въ мою душу. Мною овладѣлъ ужасъ. Однако, это минутное впечатлѣніе скоро разсѣялось, подъ вліяніемъ еще присущаго во мнѣ счастливаго настроенія. Я поспѣшилъ отогнать отъ себя тяжелую думу и, съ полной надеждой на спасеніе нашей дорогой страдальцы, быстро собрался въ дорогу. Черезъ полчаса я скакалъ уже по дорогѣ къ моему эскадронному командиру, чтобы предварить его о моемъ внезапномъ выѣздѣ, а затѣмъ въ городъ, чтобы получить отпускъ отъ командира полка Сыраковского. Тутъ ожидали меня обычные при полученіи отпусковъ проволочки, а между тѣмъ мое нетерпѣніе все росло.

Пріѣхавъ въ городъ послѣ полуночи, я уже не могъ видѣть командира полка, вслѣдствіе чего провелъ въ ужасномъ волненіи бессонную ночь и выѣхалъ только на другое утро, а въ Москву прискакалъ къ вечеру. Отсюда мнѣ оставалось еще до Лотошина 120 верстъ по грунтовой дорогѣ на вольныхъ лошадяхъ, которыя хотя и быстро мчали меня по невылазной грязи, но все-таки не могли успокоить и удовлетворить мое нетерпѣніе.

Въ четыре часа утра, наконецъ, измученная тройка моя остановилась передъ подъѣздомъ. Весь домъ былъ погруженъ въ глубокой

мракъ. Гдѣ-то мерцалъ тусклый огонекъ, а въ какой именно онъ былъ комнатѣ, я не могъ опредѣлить, почему и не зналъ, куда мнѣ направиться. Большая у входа дверь не была заперта. Я вошелъ въ темную переднюю, снялъ съ себя шубу и съ замираніемъ сердца направился въ столовую, откуда совсѣмъ неожиданно услыхалъ тихій, неизвѣстный мнѣ, мужской голосъ. Со страхомъ направился я туда. Всѣ въ домѣ погружены были въ глубокій сонъ, и никто не проснулся отъ шума моихъ шаговъ. По мѣрѣ того, какъ я осторожно въ потьмахъ шелъ по просторной передней, гробовой басъ въ сосѣдней залѣ слышался все яснѣе. Я тихо отворилъ дверь, и моимъ глазамъ предстала картина ужасной дѣйствительности. Среди полусвѣщенной залы стоялъ гробъ покойницы, въ ногахъ которой горѣла тусклая свѣча. Въ противоположномъ углу слышался протяжный голосъ чтеца, останавливавшася съ удареніемъ на каждомъ стихѣ псалма. Отъ этого неожиданнаго удара я застылъ на мѣстѣ; потомъ, неудержимо сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ, я бросился къ ней; но ноги мой вдругъ подкосились, и я упалъ на колѣни, а затѣмъ потерялъ сознание.

Сколько времени я находился въ этомъ положеніи, не знаю, а помню только, что, открывши глаза, я увидѣлъ брата Бориса, сидѣвшаго возлѣ меня на стулѣ: онъ примачивалъ мою голову холодной водой. Я крѣпко обнялъ его. Чтецъ продолжалъ читать. Мы подошли къ гробу. Дорогая покойница наша совсѣмъ не измѣнилась: тоже ясное, тихое и кроткое выраженіе, отражавшее всю ея жизнь. Еслибъ не впалые немного глаза, можно было подумать, что она заснула. Но, увы, она дѣйствительно заснула, но только своимъ праведнымъ и вѣчнымъ, олицетворяя въ себѣ въ это время тотъ вѣчный покой, о которомъ мы молимся въ нашихъ заупокойныхъ молитвахъ.

Въ этотъ поздній часъ, когда я стоялъ съ братомъ у ея гроба, никто мнѣ не мѣшалъ долго смотрѣть на эти любимыя, безмятежныя черты. Мало-по-малу воскресло въ моей памяти все ея безупречное и безоблачное прошлое. Мнѣ тогда сдѣлалось еще яснѣе прежняго, что душа ея не можетъ не поступить въ селенія праведныхъ. Но гдѣ же, подумалъ я, ея душа въ эту минуту? При этомъ я вспомнилъ, что церковь наша допускаетъ мысль, что послѣ смерти душа не переселяется тотчасъ, а вѣтаетъ на землѣ три дня.

Сопоставляя только-что сказанное мнѣ братомъ о днѣ и часѣ кончины усопшей съ днемъ и часомъ, когда овладѣло мной необычайно-восторженное душевное настроеніе въ моемъ недавнемъ уединеніи, то состояніе, которое можно бы назвать *блаженнымъ*, я тотчасъ подумалъ (я остаюсь въ этой увѣренности до сихъ поръ), что душа моей

покойной матери меня посетила и навѣяла на меня испытываемую ею уже тогда небесную радость, какую предвкушаютъ праведники.

Послѣ этого жгучая сердечная боль, которую ощущалъ я ранѣе, успокоилась. Мысль о томъ, что душа моей матери, такъ лѣжно меня любившей при жизни, посетила даже меня въ моемъ одиночествѣ, чтобы смягчить жестокий ударъ судьбы, разлучающій меня съ нею, и впередъ утѣшать мою рану, въ эту минуту эта мысль еще больше сблизила меня съ нею и этимъ меня ободрила и утѣшила.

Я вовсе не склоненъ къ предразсудкамъ и не былъ никогда спиритомъ, да въ то время лжеученіе о спиритизмѣ еще не было изобрѣтено; но то явленіе, о которомъ я здѣсь упоминаю, убѣдило меня въ существованіи духовнаго общенія или вліянія на меня души отшедшей покойной матери, а стало быть *въ сношеніи души отшедшихъ родныхъ съ нами.*

Со слезами горячо помолясь объ упокоеніи и спасеніи души новопреставленной, я послѣдовалъ за братомъ, который отвелъ меня въ мою комнату, гдѣ передалъ мнѣ всѣ подробности о болѣзни и кончинѣ матушки.

По словамъ брата, болѣзнь ея продолжалась собственно только три дня, но съ самаго начала приняла очень острый характеръ. Пробывшій докторъ объявилъ, что у больной горячка съ осложненіями и что надо опасаться воспаления въ мозгу. Повидимому, больная схватила сильную простуду, посѣщая ежедневно пѣшкомъ на селѣ, въ сырую и холодную осеннюю погоду, нашихъ погорѣльцевъ. Вскорѣ бѣдная страдальца начала стонать отъ боли въ головѣ и часто терять сознаніе; вѣроятно, въ это время начался процессъ воспаления мозга. Когда она приходила въ себя, то отрывочно и много говорила.

Изъ всего, что мнѣ передавалъ братъ о томъ, что говорила тогда матушка, врѣзалось въ моей памяти особенно слѣдующее. Обращаясь къ отцу и жалуясь на душевную тоску, которую она ощущала, она прибавила очень внятно: «Никто не знаетъ, какъ тяжела передъ смертью тяжесть совершенныхъ нами въ жизни грѣховъ». Надъ такими словами невольно задумаешься. Если, относительно говоря, эта праведница изнемогала, умирая подъ бременемъ накопившихся на ея совѣсти грѣховъ, то что же на смертномъ одрѣ ожидаетъ насъ, грѣшныхъ?

Матушка на третій день своей болѣзни приобщилась Св. Таинъ, послѣ чего успокоилась и скорѣ тихо скончалась.

Въ бесѣдѣ съ братомъ о нашей дорогой покойницѣ, я провелъ остатокъ ночи, а утромъ пришлось мнѣ пережить тягостныя минуты свиданія съ остальными членами семьи. Отецъ поразилъ меня: до такой степени онъ былъ неузнаваемъ. А на бѣдную сестру нашу было больно смотреть.

Во время погребенія я, должно быть, былъ такъ духовно сосредоточенъ, что не помню никого изъ присутствовавшихъ родственниковъ и знакомыхъ, кромѣ развѣ одного лица, находившагося постоянно возлѣ меня, а именно, моего добраго пріятеля, поэта Полонскаго. Онъ даже въ своихъ Воспоминаніяхъ упоминаетъ о кончинѣ моей матери.

Послѣ похоронъ мы всѣ отправились на зиму въ Москву, гдѣ поселилась съ нами, для сожителства и нравственной поддержки моей одинокой сестры, сестра моего отца, княжна Софья Ивановна. Лучшей руководительницы и друга, какова была тетушка Софья Ивановна, нельзя было найти для бѣдной взрослой сестры. Весьма начитанная и умная, она имѣла веселый и ровный характеръ и такое любвеобильное сердце, что, разъ кого полюбивши, предавалась тому всей душой.

Нашъ домъ совершенно измѣнился: изъ веселаго и шумнаго онъ преобразился въ тихую и молчаливую обитель; всѣ мы сидѣли по своимъ угламъ. Постоянно ощущалось нами всѣми отсутствіе того добраго домашняго генія, который всѣхъ соединялъ и оживлялъ духовнымъ своимъ вліяніемъ и любовью.

Отецъ измѣнился больше всѣхъ. Куда дѣвалась его кипучая дѣятельность! Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у своего камина, глядя на пылавшій огонь, вѣчно сосредоточенно и молчаливо.

Наши родственники и знакомые пріѣзжали навѣщать отца въ это время; но онъ мало интересовался ихъ разговорами, такъ что за ихъ участіе къ нему приходилось тетушкѣ и сестрѣ оказывать имъ должную признательность особымъ къ нимъ вниманіемъ.

Одно было лицо, посѣщенія котораго доставляли отцу истинное утѣшеніе. Это былъ почтенный и извѣстный тогда въ Москвѣ генералъ Николай Евгеньевичъ Лукашъ, другъ дѣтства моего отца. Человѣкъ онъ былъ весьма образованный и глубоко-религіозный, которому отецъ могъ открыть наболѣвшую душу и подѣлиться горемъ. Будучи весьма знакомъ съ религіозными литературами всѣхъ странъ, онъ самъ обладалъ особымъ даромъ слова, когда говорилъ о вопросахъ богословскихъ или нравственныхъ. Онъ часто занималъ отца чтеніемъ

вслухъ книгъ религіознаго содержанія, на которомъ я почти всегда присутствовалъ, при чемъ познакомился съ проповѣдями извѣстныхъ тогда знаменитыхъ западныхъ проповѣдниковъ, каковы Гранпьеръ и Равиньянъ, болѣе другихъ мнѣ понравившіеся.

Почтенный Николай Евгеньевичъ получилъ свое образованіе въ высшей военной школѣ колонновожатыхъ, учрежденной Н. Н. Муравьевымъ, о которой я имѣлъ уже случай говорить; отсюда его дружба съ его сыновьями, Муравьевымъ-Карскимъ и братомъ его Муравьевымъ-Виленскимъ. Н. Е. Лукашъ былъ блестящимъ въ свое время офицеромъ генеральнаго штаба, дѣлалъ Турецкую и Польскую кампаніи, отличился при взятіи Варшавы, первый вскочивши на брешь, за что получилъ Георгіевскій крестъ. Впослѣдствіи онъ былъ въ Москвѣ начальникомъ штаба 6-го корпуса, которымъ командовалъ генералъ Нейдгартъ; но до вступленія моего на службу въ этотъ корпусъ, онъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ генераломъ Анненковымъ, тѣмъ самымъ, который былъ впослѣдствіи Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ государственнымъ контролеромъ.

Генералъ Лукашъ былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Гедеоновой, послѣдней этого княжескаго рода Гедеоновыхъ. Она отличалась рѣдко встрѣчаемой античной красотой, хотя и была небольшого роста. Она боготворила своего мужа; можно было сказать, что ихъ чета представляла идеалъ супружеской жизни. Но, къ несчастью, она носила въ себѣ зародышъ того неумолимаго недуга, который никогда никого не падить изъ своихъ жертвъ. Бѣдный Николай Евгеньевичъ долго не хотѣлъ вѣрить, что у жены его чахотка и, въ надеждѣ ее вылѣчить, прибѣгалъ за совѣтомъ ко всѣмъ бывшимъ тогда знаменитымъ докторамъ, но, разумѣется, безуспѣшно. Наконецъ, онъ обратился къ какому-то иностранцу-доктору, только-что пріѣхавшему въ Россію, который обѣщалъ ее вылѣчить новымъ, имъ самимъ изобрѣтеннымъ способомъ, а именно курсомъ лѣченія однимъ только чистымъ воздухомъ. Больная, какъ утопающій хватается за соломинку, разумѣется, охотно согласилась подвергнуться этому новому лѣченію. Не смотря на то, что уже зима была на дворѣ, докторъ тотчасъ приступилъ къ своему дѣлу. Николай Евгеньевичъ жилъ тогда въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ извѣстнаго чудака Осташевскаго (нынѣ домъ Полякова), гдѣ былъ тотъ удивительный садъ съ гротами, фонтанами, лабиринтами и цѣлой этнографической выставкой фигуръ въ натуральную величину, который тогда пользовался извѣстностью въ Московскомъ обществѣ. Въ этомъ-то саду всю зиму въ открытой бесѣдкѣ прожила чахоточная женщина, возвращаясь въ домъ только на

ночлеги. Въ началѣ лѣченія какъ будто дышалось легче, самочувствіе было лучшее, но это продолжалось недолго, и ранней весной ея не стало.

Николай Евгеньевичъ былъ сраженъ. Его спасла отъ отчаянія его глубокая вѣра. Это-то пережитое имъ ужасное горе и сблизило отца моего съ нимъ послѣ тяжелой его собственной утраты.

У покойной жены генерала Лукаша было нѣсколько дѣтей, которыхъ постигла также участь матери, кромѣ младшей ея дочери, красотой своей не уступавшей своей красавицѣ-родительницѣ. Эта дочка, которую, сколько мнѣ помнится, звали Екатериной Николаевной, одна въ семьѣ не была одержима смертельнымъ недугомъ. Она вышла замужъ за господина Комарова и прожила на свѣтѣ довольно долго. Одна изъ ея дочерей вышла замужъ за моего пріятеля, графа Павла Андреевича Шувалова, героя послѣдней Турецкой войны, впоследствии бывшаго нашимъ посланникомъ въ Берлинъ и генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ.

Въ эту зиму пріѣхалъ въ Москву и былъ приглашенъ моимъ отцомъ остановиться у насъ въ домѣ второй сынъ безсмертнаго нашего исторіографа, Александръ Николаевичъ Карамзинъ, служившій, какъ и старшій его братъ, Андрей Николаевичъ, въ гвардейской конной артиллеріи. Они считались съ нами въ близкомъ родствѣ, потому что нашъ родной дядя, князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, былъ женатъ на ихъ сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Мещерской.

Этотъ неожиданный гость какъ нельзя болѣе кстати пріѣхалъ въ нашу печальную среду оживить ее своимъ добродушнымъ, естественнымъ и прирожденнымъ юморомъ и развлечь глубокую нашу семейную грусть.

Я буду впоследствии имѣть еще случай говорить о столь для меня дорогомъ семействѣ Карамзиныхъ, въ каждомъ членѣ котораго живо отражалась, какъ въ зеркалѣ, чистота души покойнаго исторіографа, мыслителя и патріота. Скажу теперь только, что въ Александрѣ Николаевичѣ всѣ отличительныя душевныя свойства незабвеннаго его отца болѣе ярко выступали, чѣмъ въ остальныхъ его братьяхъ. Я полагаю, что еслибъ Александръ Николаевичъ не размѣнялъ свои блестящія умственныя способности, такъ-сказать, на мелкую монету, онъ несомнѣнно, при своихъ дарованіяхъ и познаніяхъ, составилъ бы себѣ имя на любомъ поприщѣ.

Впрочемъ, надобно сказать, что очень часто большія дарованія не пробиваютъ себѣ дорогу къ извѣстности и славѣ, даже не отличаются отъ посредственностей, ихъ окружающихъ, не по своей собственно

винѣ. Большею частью и семейство (какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ) не бываетъ тому причиной, а виновато тутъ общество, въ особенности въ столицахъ, среди котораго молодой человѣкъ воспитывается и развивается.

Въ ежедневномъ водоворотѣ Петербургской жизни большого свѣта для серьезнаго труда времени быть не можетъ. Среди легкомыслія, праздности и вѣчно безплодной, хотя и остроумной критики всего окружающаго въ Петербургскомъ обществѣ, Александръ Николаевичъ, не смотря на свои дарованія, невольно и безъ труда достигъ лишь того, что былъ корифеемъ Петербургскихъ гостиныхъ. Въ этомъ мірѣ молодой человѣкъ жилъ не тѣми идеалами, которыми жилъ его знаменитый отецъ, создавшій трудъ, сдѣлавшій его имя незабвеннымъ. Мнѣ, признаюсь, вчужъ жаль всегда видѣть, какъ у насъ большія дарованія пропадаютъ даромъ подъ вліяніемъ гибельныхъ общественныхъ условій. Насколько же я болѣе сожалѣлъ объ этомъ, когда тѣсная дружба моя съ Александромъ Николаевичемъ, начавшаяся тогда и просуществовавшая нѣсколько десятковъ лѣтъ, дала мнѣ возможность близко его узнать и оцѣнить.

Его наружность была очень симпатичная. Выше средняго роста, атлетическаго сложенія, блѣлокурый, съ сильнымъ юношескимъ румянцемъ на щекахъ, съ большими, какъ небо, синими глазами, выражавшими вполне отличительныя черты его характера, откровеннаго до крайнихъ предѣловъ, яснаго, незлобиваго, но съ постоянно готовою добродушною насмѣшкой на устахъ, онъ бы представлялъ собою новѣйшій типъ героя нашего времени, если бы не нѣкоторая грубоватость его манеръ и чрезмѣрная прямолинейность, что, впрочемъ, нѣкоторыхъ женщинъ къ нему привлекало. Доброта его сердца преобладала надъ всѣми его качествами, за что, какъ это всегда водится, онъ много поплатился на своемъ вѣку.

Мы облизались не только по общности нашихъ вкусовъ, свойственныхъ нашимъ лѣтамъ, какъ-то къ поэзіи, къ разнаго рода спортамъ, къ Цыганскимъ пѣснямъ и т. п.; но дружеская наша привязанность лежала глубже, а именно въ задушевномъ чувствѣ, въ общности убѣжденій и въ сходствѣ нашихъ міровоззрѣній.

Странныя бываютъ у юношей фантазіи! Я помню, напримѣръ, что въ то время одна изъ пріятѣйшихъ для насъ минутъ была та, когда всѣ, послѣ ужина у отца, расходились по своимъ угламъ, а мы съ нимъ вдвоемъ уединялись въ общей гостинной нашей холостой

квартиры во флигелѣ нашего дома для товарищеской бесѣды. Какъ будто мы давно не видались и не могли наговориться до сыта! По заведенному порядку, мы въ это время надѣвали оба халаты, садились другъ противъ друга за столъ, на который ставили намъ два стакана и объемистый графинъ свѣжей воды. Съ пахитосками или трубками въ зубахъ мы проспживали въ разговорахъ цѣлыя ночи; заспмъ, съ разсвѣтомъ, отправлялись пѣшкомъ на прогулку за-городъ, дѣлая иногда верстъ по десяти; послѣ чего, запасшись теплыми калачами, возвращались домой, гдѣ ждалъ насъ гостепримный самоваръ. Въ началѣ подобныя ночи, которыя можно было вполнѣ справедливо назвать безумными, мы проводили изрѣдка; но потомъ, войдя во вкусъ, побились объ закладъ о томъ: кто изъ насъ выдержитъ большее число сряду подобнаго рода бессонныхъ ночей, при чемъ каждый изъ насъ имѣлъ право за другимъ зорко слѣдить, чтобы онъ не заснулъ гдѣ-нибудь украдкой отъ товарища. Это преслѣдованіе другъ друга въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ было довольно забавно. Цѣлыхъ три дня и три ночи длилось такое испытаніе или, лучше сказать, состязаніе, при чемъ мы держали въ тайнѣ наше соревнованіе, чтобы отецъ не помѣшалъ намъ исполнить нашъ безразсудный поединокъ, такъ что мы принимали каждодневно участіе въ порядкѣ нашей обыкновенной жизни, какъ ни въ чемъ не бывало. На четвертый день, я теперь не припомню, что именно заставило насъ наконецъ прекратить наше ребяческое состязаніе: благоразуміе ли, или просто переутомленіе.

Таковы были тогда, хотя и пустыя и, можетъ быть, для здоровья вредныя, но невпнявыя наши юношескія шалости!.. Часто насъ къ тому побуждала неудержимая страсть производить опыты надъ физическою нашею силою.

Александръ Николаевичъ по своимъ дѣламъ прожилъ въ Москвѣ до весны и скоро сдѣлался совершенно какъ бы членомъ нашей семьи. Семья же наша жила очень замкнутою жизнью по случаю глубокаго траура. Она собиралась каждый вечеръ въ кабинетѣ у нашего овдовѣвшаго отца, гдѣ Александръ Николаевичъ всегда присутствовалъ вмѣстѣ съ нами, развлекая его и насъ непринужденной и всегда умной бесѣдой.

Вслѣдствіе этой пятимной жизни у нашего тихаго семейнаго очага, онъ очень полюбилъ мою сестру. Я это узналъ отъ него и думалъ, что рано или поздно мы породнимся съ нимъ; но видно, какъ часто случается въ жизни, не судьба была этому осуществиться. Дѣтъ

восемь спустя, онъ женился на прелестной княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Оболенской.

Скоро мы всѣ разъехались на лѣто: семейство въ Лотошино, Карамзинъ въ свое Нижегородское имѣніе Макетелемъ, а я въ Петербургъ, чтобы перейти въ гвардію.

Мною было получено письмо отъ Андрея Николаевича Муравьева, съ выраженіемъ его глубокаго соболѣзнованія по случаю кончины моей матери и съ извѣщеніемъ о томъ, что, по словамъ генерала Фитингофа, командира кавалергардскаго полка, нельзя ожидать въ скоромъ времени вакансій въ его полку, по случаю большого въ этомъ году поступленія офицеровъ къ нему изъ Гвардейской Школы. Муравьевъ увѣдомлялъ меня объ этомъ съ какимъ-то особеннымъ сердечнымъ сожалѣніемъ, какъ о постигшемъ насъ обоихъ несчастіи, оказалось потому, что, вслѣдствіе этого, поступивъ въ другой гвардейскій полкъ, я не буду, по всей вѣроятности, находиться подъ его крылышкомъ и рѣже буду съ нимъ видѣться.

Я привыкнулъ уже къ мысли объ опредѣленіи моемъ въ кавалергарды и въ подробности составилъ себѣ впередъ картину своего пребыванія на службѣ именно въ этомъ полку. Извѣстіе, полученное отъ Муравьева, разстраивало мои планы и мечтанія.

Приходилось избрать другой гвардейскій полкъ и снова хлопотать о переводѣ; ибо срокъ требуемый закономъ, т. е. три года пребыванія въ арміи передъ переводомъ въ гвардію, скоро для меня наступалъ, и тратить время по пустому не было расчета. Мой выборъ палъ тогда на лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, вслѣдствіе моего знакомства со многими офицерами этого полка, какъ то двумя братьями графами Блудовыми, братьями Абаза и пр., и кромѣ того по блестящей репутациі, которой этотъ полкъ пользовался вполне заслуженно.

Получивъ отъ отца на этотъ переводъ разрѣшеніе и обѣщаніе выдавать мнѣ на содержаніе десять тысячъ рублей въ годъ, я тотчасъ подалъ прошеніе и сталъ собираться къ отъѣзду въ Петербургъ.

Послѣ потери матушки меня, признаюсь, тянуло въ Петербургъ. Эта неизбежная и обязательная разлука съ Москвой, гдѣ въ нашемъ домѣ все мнѣ напоминало такъ живо покойную, казалось мнѣ, должна была ослабить столь тяжелыя для меня чувства.

Хорошій пріятель моихъ родителей, покойный нашъ поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, по добротѣ своей, имѣя сына Павла

Петровича однихъ со мною лѣтъ, предложилъ моему отцу дать мнѣ пріютъ у себя въ домѣ, чтобы, до разрѣшенія поданнаго мною прошенія, на первыхъ порахъ не оставаться мнѣ осиротѣлому среди многолюдной нашей Пальмиры.

Князь Петръ Андреевичъ занималъ тогда въ Петербургѣ помѣстительный домъ на углу Литейной и Сергіевской, гдѣ въ бельэтажѣ помѣщался онъ съ княгиней и сыномъ Павломъ, а во второмъ этажѣ жила его дочь Марья Петровна Валуева, супруга Петра Александровича Валуева, бывшаго впоследствии министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По пріѣздѣ моемъ къ нимъ въ Петербургъ, князь Петръ Андреевичъ и княгиня приняли меня, какъ родного сына; въ особенности послѣдняя, необыкновенная общительность и веселость которой составляли, на первый взглядъ, разительную противоположность характеру ея мужа.

Князю Петру Андреевичу было лѣтъ за пятьдесятъ; съ маленькой просѣдью и довольно блѣднымъ цвѣтомъ лица, росту выше средняго, плотный и здоровый, онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Сквозь золотые очки взглядъ его небольшихъ голубыхъ глазъ былъ проницательный; невозмутимое выраженіе его лица не совсѣмъ согласовалось съ умнымъ и немного насмѣшливымъ взглядомъ, къ которому лучше подходила его тонкая и насмѣшливая улыбка. Онъ держался очень прямо, что при его невозмутимости придавало ему видъ довольно гордаго и холоднаго человѣка.

Я скоро сдѣлался въ семьѣ своимъ человѣкомъ. Такъ какъ всѣ въ домѣ спали очень долго утромъ, а князь вставалъ очень рано, то онъ мнѣ предложилъ приходить всякій день къ нему пить кофе. Князь былъ очень начитанный человѣкъ, и поэтому его бесѣда была очень интересна, хотя рѣчь его была всегда какъ-то отрывиста и сжата. Онъ очень строго относился къ поэзіи, хотя самъ, со свойственнымъ ему юморомъ и даромъ импровизаціи, часто шалилъ въ стихахъ, если можно такъ выразиться. Замѣчательно, что, независимо отъ серьезныхъ его стихотвореній, которыя всѣмъ извѣстны, небольшія шутливыя импровизаціи одинаково ему удавались, какъ на Русскомъ, такъ и на Французскомъ языкѣ.

По этому поводу, чтобы не забыть, запишу здѣсь маленькую его Французскую импровизацію, очень граціозную, которая какъ-то осталась у меня въ памяти.

Дѣло было такъ. На одномъ изъ многочисленныхъ вечеровъ во дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ государь Николай Павловичъ любилъ проводить осенніе мѣсяцы, блистали тогда своей красотой и изяществомъ двоюродныя сестрицы: графиня Фикельмонъ и г-жа Захаржевская. Вечеръ былъ теплый и тихій. Луна освѣщала, какъ днемъ, большой садъ, устроенный еще покойной Государыней Екатериной возлѣ дворца, съ ручейками, каскадами и граціозными на нихъ мостиками. Этотъ прелестный видъ соблазнилъ государыню, и она среди вечера предложила гостямъ пройти по саду. Скоро всѣ гости разошлись по дорожкамъ среди цвѣтниковъ въ разныя стороны.

Во время этой прогулки князь увидалъ г-жу Захаржевскую, высокую, стройную, освѣщенную луной; она стояла вся въ бѣломъ на среднѣмъ круглago и крутого мостика и, низко склонясь на его перила, смотрѣла на свою собственную тѣнь, отражавшуюся въ зеркальной водѣ пруда. Князь, проходя мимо, былъ пораженъ этой дивной картиной и подъ впечатлѣніемъ волшебнаго видѣнія написалъ нижеслѣдующія строки:

Un fois il était une lune,
Un jour il était un pont,
Et sur ce pont était une
Cousine de madame Fiquelmont.
Elle était belle, elle était blanche.
A mourir d'amour et de peur,
On dirait une avalanche,
Un amandier aux chastes fleurs,
Un blanc fantôme, qui se penche
Et vous saisit au fond du coeur!

Въ числѣ мелкихъ и неизданныхъ стихотвореній князя было написано, какъ мнѣ помнится, по-русски другое, очень милое, шутовское стихотвореніе, въ которомъ, какъ обыкновенно, у него среди этихъ шутокъ сквозили сердечныя нотки. Посвящено оно было семейству нашего посла Убри, въ бытность князя во Франкфуртѣ. Но, къ сожалѣнію, я его не вполне хорошо помню и поэтому не могу здѣсь передать.

Съ единственнымъ сыномъ князя, княземъ Павломъ Петровичемъ, я тотчасъ сошелся пріятельски и надолго. Онъ съ молоду былъ остроумнымъ добрякомъ, любимцемъ всѣхъ его знавшихъ и, въ сущности, большимъ повѣсой. Онъ искренно хотѣлъ остепениться, въ чемъ благодушно признавался своимъ знакомымъ; но всѣ его старанія были тщетны, и даже послѣ окончанія имъ университетскаго курса долгое время всѣ продолжали его называть Павлушей. Это былъ совершенный

типъ вѣчно-безпечнаго и веселаго студента, типъ, который называется въ Германіи *буршемъ*. Однако, это не помѣшало ему впослѣдствіи сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ, занимать видныя и отвѣтственныя должности, какъ, на примѣръ, должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, а позже предсѣдателя главнаго цензурнаго комитета въ Петербургѣ.

Лѣтъ десять спустя послѣ нашей товарищеской жизни въ Петербургѣ, онъ вступилъ въ бракъ съ знаменитой тогда Петербургской красавицей, вдовою Бекъ, рожденной Столыпиной, которая раздѣляла съ Анастасей Николаевной Мальцевой особое благорасположеніе покойной государыни Маріи Александровны.

Я говорилъ выше, что у князя Петра Андреевича, кромѣ сына, была тогда въ живыхъ единственная дочь Марья Петровна. Она вышла за П. А. Валуева 18 лѣтъ, по любви. Это-то и былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго, вмѣстѣ съ его пріятелемъ Александромъ Скарятинымъ, покойный государь Николай Павловичъ называлъ «*les jeunes gens modèles*». Это прозвище (примѣрныхъ молодыхъ людей), данное покойнымъ Государемъ, осталось за ними надолго. Мнѣ помнится хорошо, что они дѣйствительно заслуживали, по справедливости, это лестное названіе, какъ по изящной наружности, такъ и по строго-правильной жизни, мало свойственной молодымъ людямъ Петербургскаго общества того времени.

Марья Петровна Валуева была замѣчательно миловидна, свѣжа, стройна и умственно развита. Ее, къ сожалѣнію, портилъ только курносый носикъ, полученный ею по наслѣдству отъ ея отца. Вслѣдствіе этого недостатка, въ свѣтѣ, гдѣ она считалась въ числѣ львицъ, ее прозывали «*la jolie laide*», иначе миловидной дурнушкой.

Слухи носились въ большомъ свѣтѣ, что бракъ Марьи Петровны, не смотря, повидимому, на самыя благопріятныя условія, былъ не совсемъ счастливый; говорилось это потому, вѣроятно, что ее съ мужемъ почти никогда въ свѣтѣ не видали вмѣстѣ. Въ сущности говоря, если дѣйствительно эти слухи были вѣрны, то скорѣе причина этому была все таже, которая повсюду разстраиваетъ въ большомъ свѣтѣ семейное счастье, а именно—недостатокъ средствъ. Объ этотъ-то подводный камень разбивались въ большинствѣ самыя прочныя супружескіе союзы. Когда не достаетъ матеріальныхъ средствъ, чтобы поддерживать свое положеніе въ свѣтѣ, содержать домъ прилично и дѣлать непомѣрныя траты на постоянно свѣжіе туалеты для жены, мужа ищутъ часто пополненія въ карточной игрѣ, такъ какъ вообще игра

создасть, для постоянного игрока, какое-то искусственное богатство. При выигрышѣ вѣдь такъ легко и неубыточно уплатить залежалый счетъ модистки или портного, хотя бы въ тысячу рублей. Такимъ образомъ мужъ бываетъ всякій день до обѣда на службѣ, а вечеромъ до утра за картами. Въ Петербургѣ я нерѣдко видалъ подобные примѣры; теперь игра въ карты замѣняется игрой на биржѣ. Дорога жизнь въ столицѣ, а тянуться за другими необходимо!.. Средствъ недостаетъ, слѣдовательно ихъ приходится добывать тѣмъ или другимъ путемъ.

Касаясь такого важнаго социальнаго вопроса, я долженъ оговориться. Разумѣется, нельзя приведенный мною случай обобщать и заключать по нему, что въ столичномъ обществѣ не можетъ быть счастливыхъ браковъ.

Я утверждаю только вслѣдствіе собственныхъ наблюденій, что тамъ, гдѣ, какъ въ столицѣ, роскошь повсюду распространена, гдѣ жизнь непомѣрно дорожаетъ, и гдѣ большинство общества должно жить выше своихъ средствъ, тамъ начало несчастныхъ браковъ въ концѣ-концовъ сводится къ самой реальной и прозаической причинѣ: къ недостатку денегъ! Отсюда общій нравственный гнетъ, раздраженіе, несогласіе, ссора, потомъ неудачи въ искусственныхъ способахъ удовлетворить роковую потребность въ дельгахъ и, наконецъ, разрывъ.

Возвращаясь къ прелестной Марьѣ Петровнѣ Валуевой, съ которой я въ это время познакомился. Сознаю, что я не менѣе другихъ ея поклонниковъ находился подъ вліяніемъ ея оригинальной красоты и чарующихъ голубыхъ глазъ. Она мнѣ на это отвѣчала откровенностью и дружбой.

Часто я встрѣчался у нея съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, однимъ изъ самыхъ усердныхъ ея поклонниковъ, молодымъ офицеромъ, веселымъ и въ высшей степени пріятнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ я впоследствии былъ въ близкомъ родствѣ и большой дружбѣ.

Въ этомъ году лѣто было знойное; по обыкновенію, всѣ, кто только не былъ связанъ службой, оставляли Петербургъ. Вяземскіе всѣ разъѣхались на лѣто въ разныя стороны, а Марья Петровна отправилась въ Ригу, гдѣ мужъ ея только-что получилъ мѣсто какуто должность.

Я оставался одинъ, и хотя любезные хозяева меня уговаривали жить у нихъ, предоставляя мнѣ свой домъ въ полное мое распоряженіе, но я предвидѣлъ, что соскучусь безъ нихъ, такъ что, поблагода-

ривъ ихъ за гостепріимное предложеніе, рѣшился самъ выѣхать куда-нибудь хоть на короткое время.

Я отправился въ штабъ, чтобы узнать, долго ли мнѣ еще ожидать своего прикомандированія и на сколько времени мнѣ можно было бы отлучиться, не подвергаясь отвѣтственности.

Къ немалому моему изумленію, я узналъ, что прежде возвращенія полковъ изъ лагеря, т. е. не ранѣе глубокой осени, мое дѣло не получить разрѣшенія.

Тогда блеснула у меня счастливая мысль: поѣхать поблизости на морскія купанья въ Ревель, который мнѣ очень рекомендовалъ мой Московскій докторъ. Мысль эта тѣмъ болѣе оказалась удачною, что именно въ то время находились въ Ревелѣ на морскихъ купаньяхъ дядя мой, князь Петръ Ивановичъ, съ женой, и семейство Карамзиныхъ, составлявшіе для меня большую приманку.

Оказалось, что я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и что нашелъ въ Ревелѣ не только радушный пріемъ моихъ родственниковъ, но и очень пріятное общество. У Карамзиныхъ собирались по вечерамъ совершенно запросто, и за самоваромъ проводили время въ оживленной бесѣдѣ. Они меня познакомили со всѣми Русскими, пріѣхавшими на купанье, и со многими туземцами, такъ-называемыми теперь Остзейскими баронами.

Большинство этихъ бароновъ были очень приличные молодые люди, или отслужившіе нѣкоторое время въ рядахъ нашихъ войскъ, или вступавшіе къ намъ въ военную службу и болѣею частью прекрасно говорившіе по-русски. Такъ я познакомился въ то время съ Германомъ Бенкендорфомъ, съ графомъ Бреверномъ-де-ла-Гарди (впослѣдствіи начальникомъ Московскаго военного округа), съ графомъ Паленомъ, съ графомъ Штакельбергомъ, съ графомъ Фрицемъ Гейденомъ (впослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и пр.

Этотъ послѣдній былъ, однако, не изъ Остзейскихъ бароновъ, такъ какъ онъ младшій сынъ нашего извѣстнаго Наваринскаго героя, графа Гейдена, который былъ Голландскимъ уроженцемъ.

Съ нѣкоторыми изъ моихъ новыхъ Нѣмецкихъ знакомыхъ я потомъ часто встрѣчался въ жизни и на службѣ, хорошо ихъ узналъ и, не смотря на мое, съ молодости, предубѣжденіе противъ Нѣмцевъ, былъ съ ними въ большой дружбѣ. Это люди съ такими честными, прямыми характерами, не допускавшими и малѣйшей тѣни двуличія или лице-

мѣрія, и нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминаешь теперь, что всю свою жизнь съ ними былъ на «ты».

Въ числѣ посѣщавшихъ часто Карамзиныхъ была генеральша Бибикова (рожденная Мятлева), замѣчательно любезная и пріятная женщина (ея мужъ находился при особѣ великаго князя Михаила Павловича). Затѣмъ я былъ представленъ графинѣ Паниной, женѣ министра юстиціи, весьма доброй и милой женщиной, и старику графу Блудову, съ его дочерью Антуанетой, сдѣлавшейся извѣстной въ обществѣ своимъ умомъ, начитанностью и горячимъ патриотизмомъ. Отецъ ея, графъ Блудовъ, любилъ говорить и говорилъ хорошо. Я слушалъ его съ особеннымъ удовольствіемъ за вечернимъ чаемъ у Карамзиныхъ. Онъ былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ и всегда разнообразенъ; нельзя было не удивляться его колоссальной памяти и запасу его знаній. Рѣчь его не лишена была часто нѣкотораго пафоса, свойственнаго Французской литературѣ начала прошлаго столѣтія.

Это послѣднее напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ я въ первый разъ видѣлъ графа Блудова и узналъ о его пребываніи въ Ревелѣ.

Это случилось такъ. Въ день моего пріѣзда, я, какъ-то по естественному влеченію, тотчасъ отправился пѣшкомъ отыскивать лучший видъ на открытое море. Придя ко взморью, гдѣ устроены были купальни, я пошелъ вдоль отлогого, красиваго песчанаго, но твердаго берега, весьма удобнаго для прогулки. Было совершенно тихо, но море довольно было взволновано, повидимому, отъ бывшаго ночью свѣжаго вѣтра. Большія волны катились одна за другой съ открытаго моря на песчаный берегъ и умирали у моихъ ногъ. Я никогда не видалъ этой картины. Она меня очаровала. Любуясь на этотъ чуждый видъ, я задумался и все шелъ впередъ безцѣльно передъ собой, когда вдругъ, среди неумолкаемаго и довольно оглушительнаго шума волнъ, я услыхалъ крики: «Шактасъ, Шактасъ!»... Я остановился, вызванный этими криками къ дѣйствительности изъ заколдованнаго круга моихъ мечтаній. Всматриваясь въ даль, я увидалъ довольно плотнаго господина въ шляпѣ съ большими полями, направлявшагося мнѣ навстрѣчу; съ нимъ была молодая дама; онъ кидалъ въ море подобранныя на берегу палки, за которыми большая собака, въ родѣ водолаза, бросалась въ волны. Очевидно, это былъ Шактасъ. Приблизившись незамѣченнымъ, я внятно услыхалъ, что, бросая палку въ море, этотъ господинъ очень громко говорилъ своей собакѣ по-французски: «*Va donc, Chaktas, goûter de l'onde amère comme un second Thélémaque!*» (ступай же, Шактасъ, отведай горькихъ морскихъ волнъ, какъ второй Телемакъ). Ну

такимъ безлюдномъ и уединенномъ берегу оригинальное воззваніе къ Шактасу вызвало мое любопытство и заставило постараться узнать впоследствии имя этого незнакомца. Въ тотъ же вечеръ, посѣтивъ Карамзиныхъ, я узналъ отъ Софіи Николаевны, хорошо освѣдомленной о всѣхъ находившихся въ Ревелѣ Русскихъ пріѣзжихъ, что по всѣмъ признакамъ мой незнакомецъ былъ никто иной, какъ старикъ графъ Блудовъ, въ сопровожденіи своей дочери Антуанеты.

Вообще я доволенъ былъ, что познакомился съ Ревелемъ. Жизнь здѣсь, во время морскихъ купаній, очень похожая на жизнь за границей на минеральныхъ водахъ, имѣетъ положительно большую прелесть: та же беззаботная жизнь, далеко отъ всего, что дома могло васъ тревожить, мучить или огорчать, и тоже чувство свободы и независимости среди новой для васъ природы и пріятливаго, хотя чуждаго для васъ, населенія. Если къ этому, для полнаго вашего благополучія, еще присоединится самочувствіе значительнаго улучшенія здоровья, то надо отличатся черною неблагодарностью, чтобы навсегда не сохранять объ этомъ мѣстѣ доброй памяти.

Когда я пріѣхалъ въ Ревель изъ Петербурга, мое здоровье было далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, такъ что я самъ на себѣ испыталъ все вліяніе и послѣдствія подобнаго возрожденія.

Такъ какъ дѣйствительно въ жизни отъ серьезнаго до смѣшнаго бываетъ одинъ только шагъ, то не могу не припомнить мимоходомъ, что послѣ полдюжины принятыхъ морскихъ ваннъ, мнѣ такъ легко дышалось и силы мои такъ возстановились, что со мной былъ слѣдующій случай, возобновлявшійся нѣсколько разъ.

Дача, гдѣ я жилъ, находилась верстахъ въ двухъ отъ предмѣстья города, гдѣ жили Карамзины; меня раздѣлялъ отъ нихъ великолѣпный паркъ, съ аллеями изъ вѣковыхъ каштановъ, превосходно содержанный, извѣстный подъ названіемъ Катериненталя, въ глубинѣ котораго стоитъ старинный дворецъ временъ Елисаветы. Ежедневно посѣщая вечеромъ Карамзиныхъ, я любилъ совершать эту прогулку пѣшкомъ; въ особенности въ лунныя ночи.

Какъ-то разъ, пройдя пыльный форштатъ и войдя въ широкую аллею Катериненталя, я почувствовалъ, съ одной стороны, такой подъемъ физическихъ и духовныхъ силъ, а съ другой—широкая дорога, по которой ходили одни пѣшеходы, была такъ гладко утрамбована, что желаніе пробѣжаться по ней начало меня преслѣдовать до такой степени, что я не выдержалъ искушенія. Прежде, однако, чѣмъ пуститься

въ карьеръ, я тщательно оглянулся кругомъ, чтобы избѣгнуть свидѣтелей моего бѣшеннаго порыва, хотя ничего не имѣвшаго въ себѣ преступнаго, но, мнѣ казалось, постыднаго для взрослого человѣка, да еще для офицера, носящаго эполеты. Паркъ въ этотъ часъ былъ совершенно пустъ, въ немъ не было ни души; тишина царила торжественная. Убѣдясь въ этомъ и захвативъ обѣ фалды моего сюртука съ истиннымъ наслажденіемъ пустился я бѣжать что есть духу, до полнаго насыщенія.

Хорошо, думалъ я про себя, продолжая путь уже мѣрнымъ шагомъ, что морскія купанья не на всѣхъ имѣютъ одинаковое дѣйствіе; а то, пожалуй, всѣ пріѣзжіе въ Ревель больные превратились бы въ сплошное общество скороходовъ. И, несомнѣнно, тогда возникло бы между ними неизбѣжное соревнованіе! Подобная картина не лишена была бы настоящаго комизма.

Окрестности Ревеля предоставляютъ охотникамъ до гулянья много хорошихъ прогулокъ, преимущественно вдоль морского берега. Мнѣ случалось не разъ ихъ узнать и любоваться ихъ прекрасными видами, сопровождая верхомъ Елисавету Николаевну Карамзину, примѣрную амазонку, съ которой пріятно было дѣлиться, во время этихъ прогулокъ, путевыми впечатлѣніями.

Для развлеченія пріѣзжей публики, были устраиваемы еженедѣльные рейсы пароходовъ, доставлявшихъ желающимъ возможность посѣтить Гельсингфорсъ, по ту сторону Финскаго залива, и вернуться на другой день обратно.

Однажды мы цѣлымъ обществомъ воспользовались этимъ, чтобы посмотреть этотъ лучший изъ Финляндскихъ городовъ, воспользоваться его порто-франко, чтобы закупить что-нибудь на память и посѣтить нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ, насъ приглашавшихъ къ себѣ. Одна изъ нихъ, Финляндская уроженка, вдова, г-жа Аврора Демидова, урожденная Шериваль, вышедшая впоследствии за старшаго изъ Карамзинныхъ, Андрея, тогда еще знаменитая красавица, хотя ей уже было за 30 лѣтъ, проводила все лѣто въ своемъ помѣстьѣ, называемомъ *Трескенда*, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Павломъ Демидовымъ, мальчикомъ лѣтъ восьми, необычайной красоты и рѣзвости.

Упомянувъ объ этой почтенной особѣ, я долженъ о ней сказать нѣсколько словъ, такъ какъ она съ самыхъ моихъ юныхъ лѣтъ занимаетъ значительное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Какая странная судьба, полная горькихъ испытаній, постигла эту милую, всѣми любимую и достойную женщину, которую я съ юныхъ лѣтъ привыкъ ви-

дѣть и уважать, какъ любимую подругу моихъ обѣихъ тетусекъ, когда онѣ были еще дѣвками.

Обѣ сестрицы Шернваль были замѣчательной красоты. Эмилія Карловна и Аврора Карловна, хотя и принадлежали къ небогатому дворянскому семейству въ Финляндіи, но получили хорошее образованіе. Первая изъ нихъ вышла замужъ за одного изъ самыхъ видныхъ и богатыхъ жейховъ въ Россіи, графа Мусина-Пушкина. Сестра же ея Аврора Карловна, не уступавшая ей въ красотѣ смуглая брюнетка, потерявши, неожиданно, своего жениха изъ туземцевъ въ Финляндіи, пріѣхала погостить въ Москву къ своей сестрѣ графинѣ Мусиной-Пушкиной, гдѣ провела нѣсколько лѣтъ. Здѣсь она была снова просватана за Русскаго молодого человѣка Муханова, но и тутъ ее постигло несчастіе: до свадьбы ея женихъ скончался. Много лѣтъ спустя, она вышла за извѣстнаго богача Павла Николаевича Демидова, съ которымъ прожила недолго. Затѣмъ въ 50-хъ годахъ она, по влеченію своего сердца, вышла вторымъ бракомъ за Андрея Николаевича Карамзина, но недолго продолжалось ее счастье!.. Вспыхнула Турецкая война, мужъ ея отправился въ походъ и въ первомъ же дѣлѣ былъ убитъ, и бѣдная Аврора Карловна второй разъ овдовѣла, проживши съ любимымъ мужемъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Такова была судьба этой кроткой, милой и изящной женщины, которой довелось еще и пережить своего единственнаго сына.

Насъ предупреждали о томъ, чтобы мы не покупали въ Гельсингфорсѣ контрабанды, потому что таможня въ Ревелѣ очень строга, но это предупрежденіе только раздражило наши аппетиты и желаніе испытать счастье. Когда же мы, въ качествѣ пріѣзжихъ туристовъ, посѣтили всѣ магазины, то были такъ поражены необыкновенной дешевизной всего этого заграничнаго фарфора, бронзы, матерій и проч. изящнаго заграничнаго производства, что самые благоразумные изъ насъ не могли противустоять столь большому искушенію и не купить хотя бы такіе предметы, которые можно было попрятать въ карманы, чтобы скрыть ихъ отъ пытливыхъ взоровъ таможенныхъ чиновниковъ.

Я помню, что графиня О. соблазнилась покупкой цѣлаго чуднаго чайнаго сервиза и попросила каждого изъ насъ, мужчинъ, взять въ карманы хоть по одному предмету, въ чемъ, и разумѣется, невозможно было, такой предестной барынѣ, отказать. Бѣдному и добрыйшему графу Льву Сологубу достался чайникъ, и графъ, по своей обычной разсѣянности и непрактичности, приказалъ своему человѣку спрятать его въ шинель. Человѣкъ, по глупости, или отъ излишняго усер-

дія, не нашель лучшаго мѣста, какъ вшитъ чайникъ подъ подкладку въ самую спину шинели своего барина, не извѣстивъ объ этомъ сею послѣдняго. Когда же, возвратясь въ Ревель, мы накиннули на себя верхнее платье и съ парохода всѣ сошли на пристань, то пришлось намъ проходить торжественно вереницей между двумя рядами таможенныхъ стражниковъ. Мы шли очень чинно, со средоточеннымъ видомъ, какъ вдругъ одинъ изъ стражниковъ схватилъ сзади графа за капюшонъ его шинели, подъ которымъ торчалъ острымъ горбомъ злополучный чайникъ. Въ это мгновеніе графъ почувствовалъ такой страшный стыдъ отъ того, что онъ изобличенъ на мѣстѣ преступленія передъ всей публикой, что, даже не обернувшись назадъ, бросился бѣжать, оставивъ въ рукахъ таможенного стражника свою шинель съ чайникомъ. Разумѣется, графиня была въ отчаяніи отъ случившейся съ графомъ Львомъ Сологубомъ забавной, но вмѣстѣ съ тѣмъ трагической катастрофы; но отъ этого сочувствія ему не помогало, какъ говорится, и онъ долго ее не могъ забыть.

У Авроры Карловны, я встрѣтился со многими ея знакомыми, находившимися въ Гельсингфорсѣ. У нея я былъ представленъ графинѣ Закревской, женѣ графа Арсенія Андреевича, бывшего министра, при которомъ впоследствии я состоялъ адъютантомъ. Она была женщина умная, бойкая и имѣвшая немало приключеній, которымъ была обязана, какъ говорили, своей красотѣ. При ней была ея единственная дочка Лидія, 18 лѣтъ, хорошенькая, живая и остроумная шалуныя, игравшая впоследствии нѣкоторую роль въ моей жизни.

У нея же я познакомился со всѣмъ семействомъ графа Армфельда, у котораго было четыре дочери, всѣ безъ исключенія одинаковой свѣжести и замѣчательной красоты. Старикъ графъ Армфельдъ играетъ важную роль въ новѣйшей исторіи Финляндіи и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Онъ, будучи столько лѣтъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, своею ловкостью, хитростью и вкрадчивостью, умѣлъ поставить первый краеугольный камень Финляндской автономіи, внушить Финляндцамъ духъ сепаратизма и отдѣлить ее отъ Россіи, въ отношеніяхъ административномъ, финансовомъ и политическомъ. Надо сознаться въ томъ, что много неимоверной ловкости, терпѣнія и усилій должно было графу Армфельду употребить, чтобы скрыть свои тайные планы и цѣли отъ такого зоркаго глаза, какимъ обладалъ покойный государь Николай Павловичъ, и въ тоже время отъ такого прямолинейнаго и недовѣрчиваго человѣка, какимъ былъ въ то время графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Финляндскій генералъ-губернаторъ.

Впрочемъ, способъ, избранный графомъ Армфельдомъ, чтобы обойти графа Арсенія Андреевича, былъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ: онъ сумѣлъ всецѣло приобрести благорасположеніе его супруги, графини, властвовавшей вполне надъ своимъ мужемъ. Поэтому вѣроятнѣе всего, что всеподданнѣйшіе доклады графа Закревскаго заслоняли истину и мѣшали Николаю Павловичу усмотрѣть тайную цѣль, къ которой стремился его статсъ-секретарь по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго, графъ Армфельдъ. Хотя сей послѣдній съ перваго взгляда походилъ на тонкаго дипломата; но его пріятная наружность, безхитростные глаза, добродушная улыбка и подкупающая, истинно-Французская, любезность, не подавали повода подозрѣвать въ немъ такого отъявленнаго врага Россіи.

Послѣ того, что я графу былъ представленъ у Авроры Карловны, я также въ первый разъ познакомился съ графиней Растопчиной, извѣстной нашей талантливой поэтессой. Она была тогда лѣтъ 25-ти, очень живая и умная; ея разговоръ походилъ на блистательный фейерверкъ. Я помню, что во время первой моей съ ней бесѣды, я, признаюсь откровенно, какъ новичокъ, былъ ослѣпленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очарованъ этимъ блескомъ ея остроумія, которое лилось въ ея рѣчи, какъ изъ неисчерпаемаго источника. Блескъ ея ума могъ соперничать развѣ съ блескомъ ея обыкновенно задумчивыхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому нибудь нравиться. Небольшого роста, брюнетка, съ очень правильными и тонкими чертами, при смугломъ цвѣтѣ лица, съ большими глазами и длинными темными рѣсницами, она, къ сожалѣнію, была очень близорука и поэтому постоянно должна была носить лорнетку, которая заслоняла и мѣшала видѣть всю прелесть ея глазъ. Одаренная необыкновенною памятью, она знала иностранныя литературы, какъ свою отечественную. Ко всемъ ея дарованіямъ и привлекательной наружности если добавить еще отзывчивость и пламенную ея любовь къ нравственнымъ идеаламъ, то получится типъ такой героини романа, лучше котораго едва ли могъ бы создать самый талантливый поэтъ или романистъ. Такова была графиня Растопчина, когда я съ ней познакомился.

У графини Растопчиной я былъ представленъ одной изъ тогдашнихъ львицъ Петербургскаго общества: княгинѣ Юсуповой (рожденной Нарышкиной), по своей красотѣ, богатству и положенію въ обществѣ считавшейся звѣздой большой величины. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая, она прихрамывала, что не мѣшало ей однако страстно любить танцы и въ нихъ не проявлять никакой хромо-

ты. Впослѣдствіи, самъ имѣя удовольствіе очень часто съ ней вальсировать, я убѣдился въ этомъ и удивлялся ея ловкости.

Княгиня раньше познакомилась съ моей покойной матерью за границей и поэтому приняла меня очень привѣтливо. Впрочемъ замѣтно было, что она отличалась большою благосклонностью ко всѣмъ и вообще замѣчательною кротостью характера. Мужъ ея, князь Юсуповъ, былъ гораздо старше нея, весьма своеобразнаго характера; не смотря на свое громадное состояніе, онъ былъ чрезвычайно расчетливъ. Это ему не мѣшало однако давать, въ продолженіе зимы, два или три многотруднѣйшихъ бала, на которые съѣзжался рѣшительно весь Петербургъ. У князя былъ одинъ только сынъ, тогда лѣтъ десяти, который находился при матери. Онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, носилъ длинные волосы въ кудряхъ и, показывая смолоду большія музыкальныя способности, походилъ на настоящаго артиста-виртуоза. Онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ.

Наше общество, проживши педѣли двѣ въ Гельсингфорсѣ, наконецъ рѣшилось отправиться обратно въ Ревель, кромѣ нѣкоторыхъ молодыхъ товарищей, увлекшихся удовольствіями Гельсингфорса. Въ томъ числѣ былъ Андрей Николаевичъ Карамзинъ, который отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, плѣненный чарами графини Растопчиной.

Возвратясь въ Ревель, я поселился въ гостепріимномъ домѣ Карамзинныхъ. На дачѣ, гдѣ я занималъ верхній этажъ, помѣстилось только что пріѣхавшее изъ Москвы семейство князя Александра Петровича Оболенскаго, почетнаго опекуна Московскаго Опекунскаго Совѣта, Московскаго старожилы и одного изъ самыхъ почетныхъ и всѣми уважаемыхъ представителей многочисленнаго семейства Оболенскихъ. У князя было шесть сыновей и четыре дочери въ живыхъ. Князь Сергѣй Александровичъ, его второй сынъ, красавецъ собой, былъ моимъ товарищемъ по полку, гдѣ я началъ службу. Изъ трехъ сыновей князя, бывшихъ тогда при немъ въ Ревелѣ, я подружился болѣе всего съ княземъ Дмитріемъ, который впослѣдствіи сдѣлалъ блестящую карьеру. Какъ воспитанника училища Правовѣдѣнія, его очень протекжировалъ герцогъ Ольденбургскій; къ тому же къ нему была благосклонно расположена великая княгиня Елена Павловна, такъ что онъ скоро достигъ должности статсъ-секретаря. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ способный; но за массою канцелярской работы и общественныхъ обязанностей, онъ не имѣлъ времени читать и поэтому былъ немного одностороненъ. Онъ по всей вѣроятности получилъ бы должность министра юстиціи, если бъ не постигла его преждевременная кончина.

Въ Сентябрѣ насталъ конецъ моего пріятнаго пребыванія въ Ревелѣ, въ продолженіи котораго морскія ванны совершенно возстановили мое здоровье. Я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, получивъ пзвѣщеніе, что прикомандированіе меня къ лейбъ-гусарскому полку уже состоялось.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ предстояло прежде всего просить представиться командиру гвардейскаго корпуса, его высочеству, великому князю Михаилу Павловичу. Исполнивъ для этого всѣ надлежащія формальности, я скоро получилъ повѣстку о назначеніи дня и часа моего представленія.

Такъ какъ я много слышалъ различныхъ разсказовъ о непомѣрной строгости великаго князя и объ его взыскательности по службѣ, доходившей до мелочей, то я, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія отправился въ Михайловскій дворецъ къ назначенному часу.

Великій князь былъ огромнаго роста, плотный и нѣсколько сутуловатый, въ высокой прическѣ, какъ ее тогда носили, и съ большими, весьма пропитательными, голубыми глазами.

Онъ вышелъ въ общую пріемную, гдѣ, кромѣ являющихся, были всѣ полковые адъютанты гвардейскихъ полковъ, находившихся въ Петербургѣ. Онъ былъ въ сюртукѣ, въ сопровожденіи генерала Кноринга и начальника штаба; говорилъ громко, отрывисто и повелительно и, дошедши до меня, спросилъ мою фамилію. На мой отвѣтъ онъ, обратясь къ генераламъ, тутъ паходившимся, сказалъ: это должно быть племянникъ князя Сергѣя Ивановича Мещерскаго, служившаго въ Московскомъ гвардейскомъ полку? Я разумѣется отвѣчалъ обычнымъ: «такъ точно, ваше высочество!» и былъ очень доволенъ, что этимъ ограничилось мое представленіе.

Обошедши всѣхъ, великій князь вернулся на свое мѣсто и, обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, началъ разсказъ о всемъ имъ замѣченномъ во время его вчерашней прогулки, такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе совершать таковую ежедневно по улицамъ Петербурга, пѣшкомъ. Онъ разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ офицера такого-то полка, который шелъ въ калошахъ. При этомъ онъ обратился къ старшимъ присутствующимъ съ вопросомъ: какимъ образомъ офицеры до сихъ поръ не знаютъ, что это имъ запрещено *)? Не дожидаясь отвѣта, онъ

*) Говорили, что этотъ офицеръ, замѣтивъ великаго князя, сталъ во фронтъ и отдать ему честь. Великій князь, обративъ вниманіе, что офицеръ въ калошахъ, подошелъ къ нему близко и громко ему крикнулъ: „Калоши!... На гауптвахту!...“ Когда великій князь удалился, этотъ офицеръ отправился на гауптвахту, отдавъ тамъ свои калоши, а самъ преспокойно отправился домой.

продолжалъ свой разсказъ, что на такой-то улицѣ онъ встрѣтилъ солдата, такого-то полка, въ пьяномъ и растерзанномъ видѣ. Затѣмъ на такой-то улицѣ онъ встрѣтилъ унтеръ-офицера, такого-то полка, въ полурастегнутой курткѣ; а затѣмъ, на такой-то улицѣ—офицера такого-то полка, не по формѣ одѣтаго и въ длинныхъ волосахъ, и проч. и проч. Все это было сказано въ формѣ повѣствованія, не лишеннаго даже интереса. При этомъ старшіе начальники считали, разумѣется, своимъ долгомъ молча обнаруживать свое удивленіе или негодованіе. Адъютанты тѣхъ полковъ, о нижнихъ чинахъ или офицерахъ которыхъ великій князь упоминалъ, вѣроятно должны были передать объ этихъ безпорядкахъ своимъ командирамъ по принадлежности. Мнѣ говорили, что такимъ точно образомъ всякій день происходили эти утреннія представленія.

Затѣмъ пріемъ кончился, и мы всѣ разошлись.

Отправившись въ Царское Село для представленія моего въ полкъ, я нашелъ весьма вѣжливый пріемъ со стороны полкового командира, генерала Плаутина и очень пріятельскій пріемъ со стороны офицеровъ.

Генералъ Плаутинъ сдѣлалъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ высокаго роста, плотный, краспвый собою, съ добродушнымъ выраженіемъ лица и весьма мягкимъ и симпатичнымъ голосомъ. Какъ говорятъ, онъ былъ любимъ своимъ полкомъ не менѣе своего предшественника генерала Хомутова.

Дивизионерами въ то время въ полку были полковники: князь Щербатовъ, замѣчательный ѣздокъ и щеголь; полковникъ Герсдорфъ, громаднаго роста, женатый на богачкѣ Бернардаки и, какъ я узналъ впоследствии, неутомимый и невозмутимый игрокъ, и наконецъ третьимъ былъ полковникъ Бухаровъ, настоящій типъ стараго гусара прежняго времени, такъ вѣрно и неподражаемо описаннаго Денисомъ Давыдовымъ въ его извѣстномъ стихотвореніи. Съ виду Бухаровъ былъ толстый человѣкъ, съ длиннѣйшими усами и красносизымъ носомъ. Вѣчно добродушный собутыльникъ, дорогой и добрѣйшій товарищъ, онъ былъ любимъ всѣми офицерами полка.

Изъ эскадронныхъ командировъ въ то время любимыми въ полку были: князь Абамелекъ и Ломоносовъ. Первый впоследствии женился на дѣвицѣ Деляновой. Мнѣ довелось, спустя 40 лѣтъ, съ нимъ сродниться, когда одна изъ его дочерей, очень хорошенькая собой, вышла за моего племянника князя Сергѣя Борисовича, сына моего старшаго брата. Рѣдко было встрѣтить человѣка болѣе симпатичнаго, каковъ

былъ князь Семенъ Давыдовичъ. Его доброта и веселость были, кажется, неисчерпаемы; хотя онъ, бывало, часто и вспылить, но въ его гнѣвѣ чувствовалось такое добродушіе и снисхожденіе, что возбуждался скорѣе смѣхъ, чѣмъ какое либо другое чувство; весьма находчивый и умный, въ товарищескомъ кругу онъ былъ незамѣлимъ. Онъ и въ старости оставался все тотъ же. Я помню, что лѣтъ 45 спустя, когда мы оба уже были въ почтенныхъ лѣтахъ, я, бывши въ Петербургѣ, навѣстилъ его въ большомъ домѣ Лазарева, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ занималъ верхній этажъ и куда приходилось взбираться по довольно высокой и крутой лѣстницѣ.

Пробывъ у него довольно долго въ товарищеской бесѣдѣ о прошломъ, когда я съ нимъ простился, онъ сталъ меня провожать черезъ всѣ комнаты. Мы дошли до передней, я еще разъ съ нимъ простился; но онъ продолжалъ за мною идти; когда же мы вышли на площадку лѣстницы, то я остановился и, обращаясь къ нему, сталъ ему выговаривать, что онъ не по товарищески, провожая меня, предается какимъ то Китайскимъ церемоніямъ. — «Нѣтъ, братецъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я парочно вышелъ, чтобы поглядѣть, хорошо ли ты, въ твои годы, будешь сходить съ лѣстницы.» Я расхохотался на эту плутовскую уловку, тѣмъ болѣе, что я тогда еще могъ побѣдоносно выдержать подобное испытаніе. Изъ числа моихъ товарищей по полку, память о покойномъ князѣ Семенѣ Давыдовичѣ Абамелекѣ несомнѣнно одна изъ самыхъ мнѣ дорогихъ. Я любилъ покойнаго князя въ особенности за его истиннохристіанское и доброе сердце. Непомѣрная доброта бывала даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудобною. Такъ мой племянникъ, женатый на его дочери, рассказывалъ мнѣ, что князь вообще очень любилъ маленькихъ дѣтей и всякій день, какая ни была бы погода, рано утромъ приходилъ къ нему пѣшкомъ, чтобы присутствовать при утреннемъ чаѣ дѣтей. При этомъ онъ не заходилъ ни къ матери, ни къ отцу, а прямо направлялся въ дѣтскую, вѣчно съ какой нибудь игрушкой въ карманѣ. Онъ присутствовалъ при ихъ играхъ, въ которыхъ принималъ живое участіе. Если же при немъ нянюшка, бывало, выскажетъ ребенку по какому нибудь поводу какое либо указаніе или маленькое наставленіе, что въ этомъ случаѣ не такъ надо поступить, то князь Семенъ Давыдовичъ никогда не пропускалъ случая при этомъ добавить дѣтямъ: «впрочемъ, если вы этого не хотите дѣлать, то вы можете этого и не дѣлать.» Разумѣется, такая крайне либеральная система воспитанія гораздо болѣе нравилась дѣтямъ, чѣмъ родителямъ, которые неоднократно вынуждены были высказаться ему по этому поводу со всею откровенностью. Но онъ не любилъ этихъ замѣчаній,

хотя бы изложенныхъ въ самыхъ мягкихъ формахъ. «Всегда бывало, говорилъ мнѣ племянникъ, онъ вспылить и заявить намъ, что мы, родители, никакого понятія не имѣемъ о правильной системѣ воспитанія».

У князя была сестра г-жа Баратынская, весьма талантливая писательница и авторъ многихъ превосходныхъ переводовъ въ стихахъ, преимущественно первостепенныхъ Англійскихъ поэтовъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что, не смотря на ея впечатлительность, на изящество формъ въ ея стихотвореніяхъ и блескъ ея ума, она никогда не могла написать ни единого оригинальнаго собственнаго стихотворенія.

Изъ болѣе любимыхъ старшихъ офицеровъ въ полку былъ, какъ я говорилъ выше, ротмистръ Ломоносовъ, съ которымъ я и познакомился тотчасъ по прибытіи въ полкъ. Мнѣ посчастливилось въ полку случайно узнать, что продается по случаю отъѣзда поручика Всеволода Сипягина чудная его лошадь, которую онъ поручилъ продать ротмистру Ломоносову за 3000 рублей. Медлить было нечего. Я поѣхалъ къ ротмистру, представился ему и въ два слова купилъ знаменитаго «Ускока», на которомъ и служилъ все время моего пребыванія въ полку, считаясь въ немъ, скажу безъ самохвальства, однимъ изъ хорошихъ ѣздоковъ. Старикъ Ломоносовъ, видя во мнѣ не только страстнаго охотника до службы, но и человѣка неторгующагося и не жалѣющаго денегъ, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи хорошаго коня, сразу полюбилъ меня. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался всегда желаннымъ у него гостемъ. Онъ былъ человѣкъ серьезный, умный, начитанный, любознательный, весьма пріятный и, какъ истинно - Русскій человѣкъ, славился въ полку своимъ хлѣбосольствомъ.

Ломоносовъ былъ изъ числа тѣхъ старшихъ офицеровъ, которые никогда не отлучались изъ Царскаго Села и жили своею внутреннею полковою жизнью. Онъ стойчески противустоялъ всѣмъ соблазнамъ и весельямъ столицы, возводилъ это воздержаніе до принципа, группировалъ вокругъ себя союзниковъ изъ молодежи, на которую онъ имѣлъ большое вліяніе, и даже не долюбивалъ тѣхъ, которые увлекались соблазнами Петербурга и слишкомъ часто туда отлучались. Одаренный необыкновенною памятью, Ломоносовъ олицетворялъ въ себѣ живую хронику полка. Онъ зналъ въ подробности не только всѣ походы и всѣ сраженія, въ которыхъ лейбъ-гусарскій полкъ когда нибудь участвовалъ, но зналъ по фамиліи всѣхъ бывшихъ полковыхъ командировъ и почти всѣхъ выдающихся офицеровъ нашего полка. Онъ мнѣ рассказывалъ, между прочимъ, въ подробности о пора-

зительномъ по своей неожиданности и роковомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи, происшедшемъ въ полку за годъ передъ тѣмъ, а именно: о дуэли между двумя задумчивыми пріятелями, княземъ Долгорукимъ и княземъ Яшвилемъ. Они оба принадлежали къ Ломоносовскому ученію, т. е. дѣлили время вмѣстѣ, никогда не заглядывая въ Петербургъ, проводя бесконечно-длинные зимніе вечера за картами.

Князь Долгорукій, сынъ князя Николая Андреевича Долгорукаго, всѣми любимаго Харьковскаго генералъ-губернатора, кончившаго жизнь такъ плачевно (самоубійствомъ изъ-за какого-то недочета казенныхъ денегъ), былъ красивый молодой человѣкъ, блестящаго ума и съ большими связями въ высшемъ свѣтѣ. Поэтому онъ, отрекаясь отъ свѣта, гдѣ онъ игралъ весьма видную роль, приносилъ гораздо большую жертву изъ-за принципа товарищества, чѣмъ князь Яшвилъ, который, не смотря на свои несомнѣнные качества ума и сердца, былъ некрасивъ, неуклюжъ и далеко не пользовался въ Петербургскомъ обществѣ одинаковымъ съ княземъ Долгорукимъ положеніемъ. Разумѣется, это послѣднее не могло помѣшать существованію между ними самой искренней и тѣсной дружбы. Для этихъ неразлучныхъ друзей жизнь текла невозмутимо, когда неожиданное обстоятельство ее нарушило. Князь Яшвилъ, бывъ разъ въ Петербургъ по дѣлу, опоздалъ вернуться съ вечернимъ поѣздомъ въ Царское Село и, не зная гдѣ провести этотъ вечеръ, отправился въ Русскій театръ, гдѣ нежданно и негаданно для него самого влюбился по уши въ какую то-молоденькую актрису.

Будучи довольно застѣнчиваго десятка, онъ тщательно скрывалъ свою первую жгучую страсть даже отъ своего друга Долгорукаго, который по вечерамъ страшно скучалъ одинъ безъ своего обычного партнера и за каждую отлучку дѣлалъ ему довольно горькіе упреки, на которые Яшвилъ давалъ ему объясненія, сылаясь на какіе-то неотложныя дѣла. Это огорчало Долгорукаго, которому однако совершенно случайно довелось наконецъ узнать истину.

Это случилось уже передъ самымъ лагеремъ, именно въ то время, когда офицеры всегда въ сборѣ обѣдаютъ ежедневно вмѣстѣ въ артели и когда отсутствіе каждаго товарища замѣтнѣе для всѣхъ и требуетъ болѣе предосторожностей, времени и денежныхъ тратъ на наемъ троекъ и пр., чтобы всегда во время попадать на службу. Повидимому влюбленнаго Яшвиля ничто не останавливало: не только упреки его пріятеля и друга, но даже и страхъ оказаться неисправнымъ по службѣ офицеромъ. Онъ изъ Краснаго Села продолжалъ безпрестанно скакать въ Царское Село, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Тогда Долгорукій, у котораго языкъ, какъ говорятъ, былъ какъ бритва, для исцѣленія своего пріятеля, началъ на него дѣйствовать сарказмами. Онъ долго преслѣдовалъ Яшвиля разными шутками, между прочимъ представляя его Аполономъ Бельведерскимъ и побѣдителемъ сердецъ, что къ Калмыцкому типу лица и вообще наружности его вовсе не шло и могло только возбуждать смѣхъ. Яшвиль, всегда находчивый, отвѣчалъ ему какъ умѣлъ, но добродушно и безъ всякой злобы, отъ всей души прощая своему другу его сарказмы.

Какъ-то разъ случилось такъ, что Яшвиль возвратился изъ Петербурга въ лагерь во время артельного обѣда. Офицеровъ за столомъ сидѣло много, когда вошелъ Яшвиль и сѣлъ на свое обычное мѣсто возлѣ Долгорукаго. Рѣчь за столомъ зашла о Петербургѣ, о театрѣ и о выдающихся актрисахъ. Долгорукій вмѣшался въ разговоръ и своимъ авторитетнымъ, обычнымъ для него, тономъ началъ расточать такіа колкости насчетъ той самой актрисы, въ которую Яшвиль былъ влюбленъ, что послѣ его словъ наступило неловкое молчаніе. Всѣмъ какъ-то сдѣлалось не по-себѣ; чувствовалось, что Долгорукій зашелъ слишкомъ далеко. Но скоро разговоръ опять оживился, и обѣдъ кончился, какъ всегда, обильными струями выпитаго Шампанскаго, послѣ чего всѣ разошлись по своимъ угламъ на послѣобѣденный отдыхъ.

Недолго пришлось князю Яшвилю отдохнуть своимъ праведнымъ послѣ обильной трапезы; онъ услышалъ вдругъ знакомый ему голосъ его пріятеля князя Долгорукаго, который вошелъ къ нему безъ доклада и громко его предварилъ, что онъ къ нему пришелъ, чтобы поговорить съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Сначала князь Яшвиль принялъ это за новую шутку пріятеля и, не раскрывая глазъ, повернулся на другую сторону, прося князя оставить его въ покоѣ и не мѣшать ему, такъ какъ онъ до смерти спать хочетъ. Но когда Долгорукій вновь настойчиво повторилъ имъ сказанное, Яшвиль, протирая глаза, сѣлъ на постель, устремилъ на Долгорукаго недоумѣвающий вопросительный взглядъ и, посторонясь немного, пригласилъ друга своего сѣсть на постель.

Тотъ присѣлъ на край постели и медленно, съ разстановкой, началъ свою рѣчь слѣдующимъ словами: «Я пришелъ къ тебѣ сказать, что я передъ тобою виноватъ, такъ какъ я умышленно оскорбилъ тебя и что я готовъ дать тебѣ удовлетвореніе. Я знаю, что ты его не требуешь и требовать не будешь только потому, что ты стѣсняешься давно установившейся нашей прежней дружбой; но я поэтому-то къ тебѣ и пришелъ, чтобы развязать тебѣ руки и объяснить тебѣ, что

ты этимъ не долженъ стѣсняться, а обязанъ отплатить мнѣ за нанесенную тебѣ обиду».

— «Да я совсѣмъ не обиженъ!» вскрикнувъ, прервалъ его Яшвилъ.

— «Положимъ», продолжалъ задумчиво, но раздраженнымъ голосомъ Долгорукій, «что ты не чувствуешь обиды; но это не снимаетъ съ меня обязанности, какъ честнаго человѣка, дать тебѣ удовлетвореніе».

— «Какъ!» вскричалъ Яшвилъ, «ты въ самомъ дѣлѣ хочешь, чтобы я съ тобой стрѣлялся? Помилуй Богъ!.. Ты, я полагаю, съ ума сошелъ. Ты вѣрно не выспался. Ступай спать и оставь меня въ покоѣ! Я тебѣ опять повторяю, что я не обижаюсь и забылъ даже, оскорбилъ ли ты меня или нѣтъ. За что же мнѣ стрѣляться? Это чепуха какая-то!..»

— «Нѣтъ», возвышая голосъ, сказалъ Долгорукій; «ты видно не хочешь меня понять. Слушай: изъ молодыхъ офицеровъ въ полку мы съ тобою старшіе. Разговоръ за обѣдомъ происходилъ при всѣхъ. Что подумаютъ о насъ и какое будутъ питать къ намъ уваженіе всѣ эти молодые товарищи, если оскорбленіе, мною тебѣ учиненное, не будетъ имѣть удовлетворенія и останется безъ послѣдствій? Нѣтъ, это такъ остаться не можетъ: мы должны стрѣляться.»

На это Яшвилъ очень хладнокровно ему повторилъ нѣсколько разъ: «Нѣтъ, я положительно тебѣ повторяю, что я съ тобою стрѣляться не буду.»

— «Что же», сказалъ ему на это презрительно Долгорукій, «ты трусишь что ли???...»

Яшвилъ вспыхнулъ. — «Пойдемъ!» сказалъ онъ спокойно и началъ одѣваться, не говоря ни слова. Онъ тотчасъ внутренно рѣшилъ, что если дѣйствительно дѣло дойдетъ до поединка, во что онъ еще не вѣрилъ, то онъ будетъ стрѣлять на воздухъ.

Пока Яшвилъ одѣвался, Долгорукій, сидя передалъ ему весьма хладнокровно и невозмутимо, что онъ уже принесъ съ собою два заряженныхъ пистолета. Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ полагалъ бы за лучшее не подвергать товарищей непріятностямъ и потому стрѣляться безъ секундентовъ; что онъ думаетъ стрѣляться въ 15 шагахъ и что первый выстрѣлъ принадлежитъ оскорбленному, т. е., стало-быть, что Яшвилъ долженъ стрѣлять первый.

— «Я на все согласенъ», сказалъ Яшвилъ съ меньшими равнодушіемъ и невозмутимостью; «мнѣ все равно, какіи будутъ условія».

Пріятели отправились вмѣстѣ какъ будто на прогулку. Никто изъ тѣхъ лицъ, которыя могли ихъ встрѣтить, не обратилъ на нихъ вниманія, видая ихъ постоянно вмѣстѣ и зная, что они друзья неразлучные. Отойдя недалеко отъ мѣста, Долгорукій остановился въ поросшихъ не вдалекѣ кустарникахъ, и, отыскавъ въ нихъ небольшую площадку, предложилъ Яшвилю остановиться тутъ. Яшвиль молча кивнулъ головой. Долгорукій отмѣрилъ 15 шаговъ, отмѣтилъ разстояніе сухими сучьями и, выпувъ изъ кармановъ пару заряженныхъ пистолетовъ, подавъ ихъ Яшвилю для выбора. Яшвиль, не глядя, взялъ первый пистолетъ, ему попавшійся.

Оба стали на свои мѣста. Долгорукій съ опущеннымъ пистолетомъ потребовалъ, чтобы Яшвиль первый выстрѣлялъ. Яшвиль молча покорился и, приподнимая медленно пистолетъ, тотчасъ спустил курокъ, полагая, что пуля уйдетъ въ землю. Долгорукій зашатался и упалъ. Пуля ударила о большой камень, незамѣтный на поверхности земли, и рикошетомъ попала прямо въ сердце Долгорукому. Онъ былъ убитъ наповаль.

Можно себѣ представить ужасъ и отчаяніе князя Яшвиля, когда, подбѣжавши къ нему, чтобы его поддержать, онъ убѣдился, что Долгорукій уже пересталъ дышать и что онъ держитъ въ своихъ рукахъ безжизненный трупъ своего любимого друга!

Такъ ужасно и трагически кончилась эта необычая дуэль между закадычными друзьями, которая останется навсегда памятна въ лѣтописяхъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

Нельзя въ настойчивости князя Долгорукаго на этотъ безумный поединокъ, стоявшій ему жизни, не видѣть *предопредѣленія*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Замѣчательно то обстоятельство, что оба, отецъ и сынъ Долгорукіе, окончили жизнь насильственной смертью.

Князь Яшвиль подвергся суровому наказанію: онъ былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ, гдѣ я съ нимъ въ 1845 году познакомился, подружился и совершилъ вмѣстѣ Даргинскую экспедицію.

Вслѣдствіе моей дружбы съ Яшвилемъ, я узналъ всѣ подробности этого несчастнаго дѣла изъ двухъ источниковъ: т.-е. первый разъ я слышалъ о немъ отъ Ломовосова, а впослѣдствіи—изъ устъ самого Яшвиля.

Несомнѣнно, что строгость, съ которою князь Яшвиль былъ наказанъ за эту несчастную дуэль, была вызвана тѣмъ, что она про-

пошла безъ секундантовъ, и что въ такомъ случаѣ смерть князя Долгорукаго имѣла всѣ признаки убійства, хотя слѣдствіе показало, что слѣды на камнѣ и видъ приплюснутой пули несомнѣнно доказывали противоположное.

Въ довершеніе полной характеристики этого незабвеннаго товарища и рѣдкаго человѣка и во исполненіе своего нравственнаго долга, я добавлю, что князь Яшвилъ, глубоко потрясенный посланнымъ ему Провидѣніемъ испытаніемъ, принявъ его настоящимъ христіаниномъ и рѣшился искупить свое невольное преступленіе, наложивъ на себя добровольно всѣ труды и лишенія солдатской жизни, на которую онъ былъ приговоренъ, не позволяя себѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ никакого отъ нихъ уклоненія, не смотря на то, что начальники его уговаривали воспользоваться ихъ разрѣшеніемъ. Онъ въ продолженіе всего времени отказывался отъ всѣхъ льготъ и облегченій, ему предлагаемыхъ офицерами Куринскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ онъ служилъ и гдѣ онъ снискалъ общую любовь и уваженіе.

Опъ все время жилъ съ солдатами въ землянкахъ, носилъ солдатскую одежду и питался солдатскою пищею. За храбрость онъ получилъ Георгія и часто сопровождалъ полкового командира, извѣстнаго своею храбростію генерала Козловскаго (его очень полюбившаго) въ частыхъ рекогносцировкахъ, въ качествѣ ординарца, когда онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ Даргинскую экспедицію онъ былъ произведенъ въ офицеры, а за сямъ, за блестящую и отмѣнную свою храбрость, былъ возвращенъ прежнимъ чиномъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, которымъ онъ даже командовалъ много лѣтъ спустя, по общепринятому служебному порядку, прокомандовавъ предварительно нѣсколько лѣтъ армейскимъ кавалерійскимъ полкомъ.

Молодыми офицерами лейбъ-гусарскаго полка я былъ принятъ дружески, какъ желанный товарищъ. Это неподдѣльное радушіе и, собственное преимущественно военнымъ людямъ, какое-то ясное, честное прямотушіе и откровенность въ моихъ новыхъ товарищахъ, меня подкупили: я почувствовалъ себя какъ-то дома, въ своей сферѣ, какъ бы въ своей семьѣ.

Изъ числа моихъ товарищей тѣ, съ которыми я болѣе всѣхъ подружился, были два брата графы Блудовы и Полторацкій, о которыхъ я упоминалъ, описывая Московское общество сороковаго года.

Кромѣ этихъ послѣднихъ, я былъ очень друженъ съ княземъ Николаемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, сыномъ извѣстнаго тогда генераль-

адъютанта князя Лобанова, пользовавшагося милостію государя Николая Павловича. Отецъ былъ очень красивъ собою, весьма строгій по службѣ начальникъ и всѣмъ извѣстный за свою необыкновенную вспыльчивость. Говорили въ то время, что старшій его сынъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе непомерной строгости своего отца, что въ то время очень возмутило Петербургское общество.

Князь Николай Лобановъ, второй сынъ у отца, наружностью не былъ на него похожъ, имѣя, неизвѣстно почему, отличительныя черты Монгольскаго типа. Очень умный, начитанный, любознательный, онъ владѣлъ даромъ слова и былъ одаренъ природнымъ талантомъ къ рисованію и живописи.

Будучи человѣкомъ чрезвычайно подвижнымъ, впечатлительнымъ и предпріимчивымъ, проводилъ онъ жизнь, полную неожиданностей и крайностей, и окончилъ довольно печальной развязкой.

Онъ былъ извѣстенъ въ полку страстью къ самымъ невѣроятнымъ гимнастическимъ упражненіямъ на лошади, при чемъ, часто падая, рисковалъ безпрестанно жизнью. Не смотря на то, что онъ былъ чрезвычайно выносливъ, получаемые имъ ушибы не остались безъ послѣдствій и; къ сожалѣнію, будучи лѣтъ сорока, онъ лишился владѣнія ногой, вслѣдствіе болѣзни спиннаго хребта.

Недолго прослуживши въ лейбъ-гусарскомъ полку, онъ перемѣнилъ службу и вступилъ въ моряки, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу.

Имѣя очень большое состояніе и пристрастившись къ морскому дѣлу, онъ купилъ собственную яхту, на которой совершилъ нѣсколько дальнихъ плаваній и, между прочимъ, посѣтилъ Америку.

По возвращеніи въ Россію, онъ скоро началъ страдать той ужасной болѣзнію, о которой я говорилъ выше, а именно, какъ тогда говорили, костоѣдомъ позвонковъ спиннаго хребта. Во время его лѣченія были употреблены самыя ужасныя средства, какъ-то прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ и пр. Онъ, не смотря на страшныя страданія, переносилъ все, можно сказать, шутя, съ изумительнымъ стоицизмомъ.

Пріѣхавши въ то время въ Петербургъ и, разумѣется, навѣстивши его, я его засталъ въ его собственномъ домѣ, на Большой Морской, лежащимъ уже нѣсколько лѣтъ на подвѣшенной къ потолку постели, во избѣжаніе всякаго сотрясенія, которое причинило ему сильныя страданія. Онъ, разумѣется, не могъ лежать на спинѣ, а лежалъ на груди, пмѣя

передъ собою всё приспособленія для чтенія, письма и пр. Гораздо позднѣе, говоря о придуманныхъ имъ въ лежачемъ положеніи развлеченійхъ, онъ очень забавно рассказывалъ мнѣ, какъ онъ добился, послѣ долгихъ поисковъ, того, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми молодыми дѣвушками-пигилистками, во время извѣстнаго смутнаго времени въ Петербургѣ, съ цѣлью ихъ обращенія, какъ онъ имѣлъ съ ними долгія конференціи и споры по религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ; какъ слухи объ этихъ конференціяхъ распространились между массами Бестужевскихъ пигилистовъ, и какъ часто оказывался въ его комнатѣ недостатокъ мѣста (хотя спальня и была очень просторная) для такого большого сборища этихъ курьезныхъ слушательницъ. Я живо могъ себя представить, со словъ Лобанова, эту оригинальную картину!.. До сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить, какъ пигилистки сидѣли передъ нимъ на стульяхъ, разставленныхъ рядами, словно въ аудиторіи, и какъ онъ съ высоты воздушной своей кatedры громилъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ и силою своихъ доводовъ.

При этомъ Лобановъ меня убѣждалъ всѣми возможными доказательствами въ томъ, что эти диспуты и его проповѣди не были безуспѣшными и что онъ многихъ пигилистовъ обратилъ. Онъ такъ твердо былъ въ этомъ увѣренъ, что я ему не противорѣчилъ, чтобы не огорчить его при такомъ благородномъ съ его стороны побужденіи, хотя, наученный горькимъ опытомъ, я плохо вѣрилъ подобнымъ обращеніямъ.

Еще лѣтъ 20 спустя, я его посѣтилъ въ Ниццѣ, на его прелестной собственной виллѣ, когда доктора послали меня на зиму въ Ментону. Я его засталъ все еще лежащимъ, но уже въ положеніи болѣе нормальномъ, т.-е. на спинѣ и, вдобавокъ, на большомъ покойномъ диванѣ.

Онъ оставался все такимъ же жпвымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, какъ и прежде, принимая во всемъ горячее участіе.

Я помню, что какъ-то разъ я рассказалъ ему о моемъ намѣреніи пожертвовать расписныя стекла для оконъ мнѣ дорогою, вновь отдѣланной, Ментонской церкви. Онъ тотчасъ возгорѣлъ желаніемъ мнѣ въ этомъ помочь: далъ адресъ артиста, пишущаго на стеклѣ, но и этимъ не ограничился, а самъ взялъ на себя написать Христа Спасителя во весь ростъ въ большомъ окнѣ, освѣщающемъ алтарь. Разумѣется, его работа оказалась такою превосходною, что никто изъ Французскихъ артистовъ въ Ниццѣ не могъ ее превзойти. Какъ онъ могъ такъ писать, прикованный недугомъ къ дивану, оставаясь въ лежачемъ положеніи, для меня рѣшительно непонятно.

Въ эту зиму я свидѣлся съ нимъ, увы, въ послѣдній разъ, такъ какъ на слѣдующій годъ этого славнаго товарища моей молодости уже не стало.

Въ это же время служили въ лейбъ-гусарскомъ полку три брата Абазы. Мы еще въ Москвѣ домами знакомы были съ ними. Ихъ отецъ, крупный помѣщикъ Орловской губерніи, имѣлъ прекрасный домъ противъ бывшаго Колымажнаго двора, съ огромнымъ садомъ, по соседству съ домомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. У отца ихъ было шесть человѣкъ сыновей и три дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за извѣстнымъ генераломъ Львовымъ, композиторомъ нашего народнаго гимна, а младшая дочь замужемъ за не менѣе извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ Н. А. Милютнымъ. Отецъ ихъ, большой другъ моего отца, былъ одаренъ, какъ сказывали тогда, большими финансовыми способностями; страсть его къ спекуляціямъ заставила его войти въ существовавшіе тогда винные откупы, въ которыхъ онъ въ нѣсколько лѣтъ составилъ себѣ многомилліонное состояніе. Второй сынъ его, Александръ Аггеевичъ, повидимому, унаследовалъ финансовыя способности отца, такъ какъ онъ послѣ своей кратковременной военной карьеры занималъ видныя должности: сперва товарища министра финансовъ, а затѣмъ государственнаго контролера.

Я же подружился болѣе всего со старшимъ сыномъ, Эрастомъ Аггеевичемъ Абазой, для меня болѣе другихъ братьевъ симпатичнымъ, по своей добротѣ, нравственному складу и рѣдкой оригинальности. Не знаю, почему меня всегда сердечно влекло къ этому человѣку, съ которымъ я дѣйствительно провелъ много лучшихъ минутъ моей молодости. Вѣроятно потому, что онъ раздѣлялъ мою любовь къ музыкѣ, къ живописи и къ поэзіи.

Въ началѣ своей службы въ полку, онъ былъ страшнымъ картежникомъ, и до такой степени любилъ играть въ карты, разумѣется, въ азартныя игры, что даже верхомъ, во время манѣвровъ, носилъ при себѣ колоду картъ въ патронташной сумочкѣ, изъ которой онъ ее вынималъ во время каждаго привала или отдыха, чтобы съ кѣмъ-нибудь поиграть.

Вообще азартныя игры были очень распространены въ то время въ лейбъ-гусарскомъ полку.

Замѣчательно, что когда я такъ близко съ нимъ сошелся, онъ уже картъ въ руки не бралъ. Зная его страсть къ игрѣ и изумленный этою въ немъ переменою, я спросилъ у него о причинѣ такого не-

обычнаго воздержанія съ его стороны. Тогда онъ мнѣ разсказалъ слѣдующій случай, заставившій его безповоротно и навсегда отказаться отъ карточной игры.

Въ одинъ прекрасный день, въ Красномъ Селѣ, во время манёвровъ, когда на привалѣ слѣзли съ лошадей, и онъ, по своему обыкновенію, полѣзъ въ свою сумку за картами, то былъ до крайности удивленъ и пораженъ: въ сумкѣ находилось что-то другое. Вынувъ этотъ предметъ, онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: оказался въ ней, вмѣсто картъ, образъ Божіей Матери!.. Это неожиданное явленіе образа Пресвятыя Богородицы смутило его до высшей степени, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо помнилъ, какъ онъ собственноручно утромъ этого дня, передъ походомъ, положилъ двѣ колоды картъ въ свою сумку. Онъ, повидимому, не мудрствуя лукаво, принялъ это за сверхъестественное указаніе или предупрежденіе свыше, и тутъ же далъ себѣ клятву никогда болѣе картъ въ руки не брать, что и выполнилъ съ обыкновенною своею рѣшимостію и добросовѣстностію.

Когда вспыхнула Севастопольская война, то онъ не могъ перенести свою бездѣятельность въ Петербургъ и перешелъ изъ лейбъ-гусарскаго полка въ дѣйствующую армію, гдѣ вскорѣ получилъ командованіе баталіономъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, стоявшихъ въ самомъ Севастополѣ и гдѣ судьбою ему было предопределено сложить свою голову.

Роковой день, въ который онъ былъ убитъ, памятенъ былъ Севастопольцамъ! Этотъ день былъ ознаменованъ торжествомъ нашего оружія надъ непріятельскою арміею, а именно, кровопролитнымъ отраженіемъ Севастопольскими чудо-богатырями штурма 6-го Іюня 1855 г. Эта побѣда, несомнѣнно, занимаетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ кровавой Севастопольской эпопеи.

Всѣ подробности этого упорнаго и страшнаго боя, а также и подробности о смерти моего любимаго товарища Эраста Аггеевича, я узналъ отъ моего младшаго брата, князя Василя, состоявшаго во все время осады Севастополя адъютантомъ графа Сакена и бывшаго очевидцемъ этого дѣла. Я помню, какъ онъ мнѣ разсказывалъ о поразительной стремительности Французскихъ баталіоновъ во время атакъ (*furia Francese*) и о неоспоримомъ мужествѣ Французскихъ офицеровъ. Такъ, напр., не смотря на стойкость нашихъ солдатъ и ужасную съ ихъ стороны штыковую работу, многіе изъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ проникли въ городъ, добѣжали даже до Корабельной бухты,

и только тутъ были нѣкоторые убиты, а другіе взяты въ плѣнь *). Касаясь исключительно только офицеровъ, братъ мѣ рассказываетъ, что когда Французы шли на штурмъ бѣглымъ шагомъ, то офицеры бѣжали передъ взводами, танцуя и подпрыгивая, какъ въ балльной залѣ, а шли почти на вѣрную смерть; при чемъ они въ тактъ размахивали шпагами и косили ими высокую траву предъ ногами. Бой кончился поздно вечеромъ. Баталіонъ, которымъ командовалъ Эрастъ Аггеевичъ, находился на томъ самомъ пунктѣ, куда преимущественно были направлены всѣ усилія Французской штурмующей колонны, а именно, впереди Корабельной бухты. Такъ какъ раненые и убитые лежали горами, то уборка ихъ продолжалась долго. Эрастъ Аггеевичъ все время оставался на мѣстѣ, сидя на барабанѣ, въ ожиданіи конца этой тяжелой работы. Уже стемнѣло, когда ему пришлось доложить, что всѣ раненые его баталіона снесены и отправлены въ городъ; но его нѣжная и сердобольная любовь къ солдатамъ не удовлетворилась этимъ докладомъ: онъ приказалъ зажечь себѣ фонарь и отправился со старшимъ фельдфебелемъ обозрѣть мѣсто сраженія, чтобы лично убѣдиться, что ни одного изъ раненыхъ и еще живыхъ солдатъ его баталіона не осталось среди массы разбросанныхъ тѣлъ. Обойдя почти все пространство, гдѣ могли лежать его люди, онъ подошелъ близко къ одному изъ нихъ, показавшемуся ему почему-то еще живымъ, и наклонился къ нему, освѣщая его своимъ фонаремъ. Въ эту минуту онъ былъ пораженъ пулею въ спину, которая коснулась сердца, и онъ упалъ почти безъ признаковъ жизни. Оказалось, что этотъ роковой выстрѣлъ былъ сдѣланъ лежавшимъ вблизи смертельно раненымъ и умиравшимъ Французскимъ солдатомъ, котораго оставили тутъ вмѣстѣ съ его ружьемъ, полагая его умершимъ. Такъ бѣдный мой дорогой товарищъ, пробывши цѣлый день въ сильномъ огнѣ и оставшійся невредимымъ, былъ смертельно пораженъ уже послѣ окончанія этого славнаго для него дѣла кровожаднымъ врагомъ, отомстившимъ въ дайномъ случаѣ на безоружномъ героѣ за свою смерть!..

Но здѣсь я останавлиюсь въ описаніи своихъ товарищей, ибо трудно было бы составить характеристику всѣхъ офицеровъ того времени, хотя очень многіе изъ нихъ этого вполне заслуживаютъ. Товарищество, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, основанное на взаимномъ уваженіи, дружбѣ и взаимной помощи словомъ и дѣломъ, существовавшее

*) Одинъ изъ этихъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ былъ взятъ въ плѣнь и при разбитіи сданъ мною въ Одессѣ на фрегатъ „Флежетоув“. (См. „Русскій Архивъ“ 1899 г.).

тогда въ этомъ полку, сблизило меня со многими другими лицами, о которыхъ я здѣсь не упомянулъ, какъ-то: съ Манзеемъ, съ двумя братьями Татищевыми, Хитровымъ, Фурманомъ, съ княземъ Мышецкимъ, графомъ Олсуфьевымъ, Свѣчиннымъ, Офросимовымъ и со многими другими, память которыхъ мнѣ остается дорогою до сихъ поръ, хотя со времени нашихъ дружескихъ отношеній прошло уже болѣе полвѣка.

По принятому всѣми тогда, весьма удобному обычаю, я нанялъ въ полку, т.-е. въ Царскомъ Селѣ, квартиру, а именно въ домѣ Малышова, бывшаго камердинера государя Николая Павловича, счастливаго владѣльца нѣсколькихъ большихъ каменныхъ домовъ въ этомъ городѣ; а другую квартиру въ Петербургѣ предложилъ мнѣ временно, до присканія мною помѣщенія, мой пріятель Александръ Николаевичъ Карамзинъ, останавливавшійся такъ часто у насъ въ Москвѣ.

Я съ удовольствіемъ принялъ родственную услугу Александра Николаевича и помѣстился съ нимъ въ верхнемъ этажѣ дома Бибиковой, на Пустомъ рынкѣ, занимаемый его матушкой Екатериной Андреевной со всѣмъ ея семействомъ.

Въ это пменно время, жвѣя въ семьѣ Карамзиныхъ одною съ нею жизнью, я еще ближе познакомился съ нею и могъ оцѣнить по достоинству каждаго изъ его членовъ. Почтенная старуха мать, Екатерина Андреевна, очень суровая съ виду особа, съ очень твердымъ характеромъ, прямолинейнымъ и откровеннымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была необыкновенно нѣжною матерью. Она приняла меня въ свой домъ какъ родного, вѣроятно, вслѣдствіе существовавшей дружбы между мною и сыномъ ея Александромъ, котораго она любила болѣе всѣхъ своихъ дѣтей.

Находясь въ этой милой и гостепріимной семьѣ, я сразу очутился въ самой интеллигентной средѣ Петербургскаго общества, въ которой такъ свѣжа еще была память незабвеннаго Николая Михайловича и гдѣ по преданію собиравлсь какъ прежніе друзья покойнаго исторіографа, такъ и молодые поэты, литераторы и ученые новаго поколѣнія.

Въ Петербургѣ, какъ и въ Ревелѣ, Карамзины ежедневно принимали всѣхъ по вечерамъ, попросту, семейно, за чайнымъ столомъ. Обычнаго посѣтителя Карамзиныхъ я уже не засталъ въ живыхъ, а пменно Пушкина, а также и Лермонтова, который покинулъ Петербургъ и перешелъ на службу на Кавказъ; но я встрѣчалъ у нихъ въ гостинной Жуковскаго, князя Вяземскаго, Дмитріева, Плетнева, графа Блудова, Тютчева, Соболевскаго, Хомякова, Тургенева, Вагуева,

графа Владимира Сологуба, Ю. Самарина, а также интеллигентныхъ лицъ изъ иностранцевъ или дипломатовъ. Собственно говоря, Карамзинскій домъ былъ единственный въ Петербургѣ, въ гостиной котораго собиралось общество не для свѣтскихъ пересудовъ и сплетенъ, а исключительно для бесѣды и обмѣна мысли.

Да, хорошее это было время!... время, которое можно поистинѣ назвать цвѣтомъ нашей отечественной литературы, поэзіи и искусства. Надъ этимъ кружкомъ парили тогда еще предашія Державина, Домоносова, память добраго и патріотическаго генія покойнаго Карамзина и непосредственное вліяніе жившаго еще тогда всѣми уважаемаго идеалиста Жуковскаго, который любилъ молодежь и своимъ умиротворяющимъ сердцемъ внушалъ молодому поколѣнію духъ согласія, что разумѣется имѣло воздѣйствіе и на все Петербургское высшее общество.

Старшая дочь Карамзина (отъ перваго его брака) Софья Николаевна, дѣвица лѣтъ сорока, была, не въ вульгарномъ, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова, душою этого кружка. Дома ежедневно, по вечерамъ, Софья Николаевна была, поистинѣ, движущей пружиной, направляющей и оживляющей разговоръ какъ въ общей, такъ и въ частной бесѣдѣ. Она имѣла удивительный талантъ всѣхъ привѣтствовать, разсадить и группировать гостей согласно ихъ вкусамъ и симпатіямъ, находя вѣчно новыя темы для разговора и выказывая ко всему живѣйшее и непринужденное участіе. Разговаривая съ людьми, даже и не очень съ ней знакомыми, она не старалась блеснуть своимъ остроуміемъ или познаніями, а умѣла вызывать то и другое въ собесѣдникѣ, такъ что онъ послѣ разговора съ ней оставался всегда какъ-то очень доволенъ собой, подобно каждому слабому смертному, чувствующему безсознательно почему-то, что онъ имѣлъ какой-то успѣхъ.

Софья Николаевна съ одинаковымъ интересомъ и такимъ же вниманіемъ бесѣдовала, какъ съ человѣкомъ самымъ умнымъ, такъ и съ самымъ ограниченнымъ, что нерѣдко насъ изумляло. Она въ этомъ случаѣ напоминала знаменитую г-жу Рекамье. Когда ея знакомая спросила, какимъ образомъ она могла такъ долго бесѣдовать съ однимъ господиномъ, который извѣстенъ былъ въ обществѣ своею глупостію? Она отвѣчала: «*Ma chère, vous ne savez pas tout ce que cet homme ignore!*» (Мой другъ, вы не можете представить себѣ все то, чего этотъ человѣкъ не знаетъ).

Изъ дамъ, часто посѣщавшихъ Карамзинскіе вечера, болѣе выдающихся по складу своего ума и всестороннему образованію, слѣ-

дуетъ упомянуть о тогдашней Петербургской красавицѣ графинѣ Мушинъ-Пушкиной (урожденной Шериваль), о графинѣ Растопчиной и объ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, урожденной Россетъ. Частыя посѣщенія этихъ двухъ послѣднихъ свѣтская молва приписывала сердечнымъ увлеченіямъ (говорили взаимнымъ) старшаго сына Карамзина Андрея къ графинѣ Растопчиной, а младшаго Владимира къ Смирновой, что подавало поводъ злымъ языкамъ говорить, будто почтенная старуха-мать покровительствовала этимъ сближеніямъ, въ чемъ, разумѣется, не было ни малѣйшей тѣни правды, такъ какъ Екатерина Андреевна своимъ прямодушнымъ характеромъ не угождала и не покровительствовала никакимъ слабостямъ, а была, напротивъ, судьей весьма строгимъ, въ особенности къ членамъ своей семьи.

А. О. Смирнова пользовалась уже тогда прочно установившейся въ свѣтѣ репутаціей умной женщины, съ мнѣніемъ которой считались, вслѣдствіе чего въ обществѣ многіе искали ея благосклоннаго вниманія. Она была небольшого роста, брюнетка, съ непотухающей искрой остроумія въ черныхъ и добрыхъ глазахъ. Неподражаемы были особенно юморъ въ ея разсказахъ и тонкая насмѣшливая улыбка, когда она шутила. Высокое ея положеніе въ свѣтѣ и изящество манеръ не помѣшали многимъ находить, что наружностью она походила на красивую молодую Цыганку. Недавно помѣщенные въ печати записки Александры Осиповны не могли дать объ этой своеобразной и замѣчательной женщинѣ достаточнаго представленія. Общественный кругъ ея знакомыхъ и друзей, а также ея обширная переписка достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ее всѣ любили за всѣ ея качества и въ особенности за подкупающія прямодушіе и необыкновенную простоту въ обращеніи со всѣми, независимо отъ ихъ положенія въ свѣтѣ.

Вслѣдствіе моего воспитанія и моихъ чтеній, проникнутый какимъ-то рыцарскимъ *культомъ* къ женщинѣ, я, въ мои лѣта, не могъ не испытать на себѣ дѣйствія всѣхъ чаръ такой обворожительницы, какова была Александра Осиповна, съ которой я сохранилъ самыя добрыя и дружескія отношенія, хотя впослѣдствіи встрѣчался съ ней довольно рѣдко и съ большими промежутками.

Петербургское высшее общество, гораздо болѣе сплоченное чѣмъ теперь, дѣлилось однако и тогда на кружки, собиравшіяся въ нѣсколькихъ домахъ знатныхъ и богатыхъ людей или сановниковъ, постоянно принимавшихъ у себя по вечерамъ. Таковы были дома графа Воронцова-Дашкова, Нарышкина, графа Нессельроде, графа Григорія

Александровича Строганова (принимавшаго больше лицъ дипломатическаго корпуса), домъ графини Лаваль, Петербургскаго дворянскаго предводителя Потемкина, графа Бенкендорфа, графа Шувалова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ имена изгладились теперъ изъ моей памяти.

Перечитывая эти строки, вспоминаю, что дѣйствительно забыть упомянуть объ одномъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ тогдашняго Петербурга, а именно о домѣ графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, у котораго по вечерамъ бывали прекрасные квартеты. Графъ самъ былъ большой музыкантъ и даже композиторъ. Онъ страстно любилъ музыку и собиралъ у себя лучшія музыкальныя силы столицы, какъ изъ числа дилетантовъ, такъ и изъ профессиональныхъ артистовъ и пѣвцовъ. Всѣ заграничныя музыкальныя знаменитости, перебивавшія въ Петербургѣ, по пріѣздѣ своемъ, прежде всего являлись къ графу, большею частью съ рекомендаціями отъ кого вѣбудь изъ его знакомыхъ въ музыкальномъ мірѣ за границей, и всѣ считали за особую честь для себя не только быть принятыми на его музыкальныхъ вечерахъ, но и принимать въ нихъ активное участіе.

Помню, что на вечерѣ у графа въ первый и единственный разъ въ жизни я слышалъ знаменитую пѣвицу г-жу Зонтагъ, которая, вышедши тогда уже замужъ за посланника, должна была отказаться пѣть въ публнкѣ. Въ тотъ вечеръ она пѣла дуэты съ зятемъ графа Вьельгорскаго, графомъ Владиміромъ Сологубомъ, и привела всѣхъ въ восторгъ.

Слишкомъ длиненъ былъ бы перечень всѣхъ музыкальныхъ и вокальныхъ знаменитостей, которыхъ Петербургское высшее общество могло слышать на вечерахъ у графа, чтобы имена ихъ возможно было здѣсь перечислить.

Самъ хозяинъ былъ человѣкъ вообще изъ ряду вонъ выходящій по своимъ способностямъ. Когда я былъ ему представленъ, онъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ; но, не смотря на почтенный свой возрастъ, сохранялъ необыкновенную память, общительность, юношескій пылъ и энергію. Это былъ настоящій вельможа въ лучшемъ смыслѣ слова, а наружностью чрезвычайно похожъ на маститаго Итальянскаго маэстр-виртуоза, или знаменитаго композитора. Онъ былъ выше средняго роста, очень полный; его темныя, глубоко-задумчивыя глаза рѣдко устремлялись на собесѣдника; его взоръ казался всегда блуждающимъ гдѣ-то въ пространствѣ. Онъ ходилъ въ высокомъ черномъ парикѣ и въ широкомъ, донельзя просторномъ галстухѣ. Когда разговоръ не касался міра искусства, онъ любилъ, какъ говорится, кое о чемъ по-

молчать, хотя былъ чрезвычайно въяжливъ и принималъ всегда, съ обычнымъ ему остроуміемъ, участіе въ дѣльномъ разговорѣ.

Государь Николай Павловичъ и Государыня Александра Ѳеодоровна его очень цѣнили и принимали весьма часто въ свой тѣсный семейный кругъ. Они любили его за его умъ, прямоту и отсутствие всякой царедворческой лести.

Замѣчательная разсѣянность графа Вьельгорскаго была предметомъ забавныхъ свѣтскихъ разсказовъ. Такъ, напримѣръ, у себя на вечерѣ, сидя одинъ, поодаль отъ разговаривающихъ, онъ однажды задумался. Когда, спустя четверть часа, подошелъ къ нему кто-то изъ гостей, желая съ нимъ побесѣдовать, графъ, почему-то полагая, что самъ онъ въ гостяхъ, посмотрѣлъ на часы и, зѣвнувъ, обратился къ подошедшему со словами: «О, Боже! Чтò за скука на этомъ вечерѣ!» Можно судить объ изумленіи гостя!...

Другой разъ, наоборотъ, графъ, отдавая въ городъ визиты и сидя въ каретѣ, которая остановилась передъ домомъ, гдѣ жилъ его знакомый, почему-то вообразилъ, что онъ сидитъ дома у себя въ кабинетѣ. Ему пришлось долго ждать возвращенія лакея, который побѣжалъ въ домъ о немъ доложить. Въ это время графъ глубоко задумался и когда лакей, возвратясь, открылъ дверцу кареты и сказалъ ему: «принимаютъ, ваше сіятельство», то графъ, продолжая думать, махнулъ ему рукой, и проговорилъ: «скажи, что дома лѣтъ!»...

Разсказывали тогда еще объ одномъ забавномъ случаѣ разсѣянности графа, который въ настоящее время приписываютъ разнымъ другимъ лицамъ, но который въ дѣйствительности былъ именно съ нимъ.

Обѣдая въ гостяхъ и сидя рядомъ съ очень любезной дамой, одѣтой въ бѣлое легкое лѣтнее платье, графъ весьма оживленно разговаривалъ съ ней и, мелькомъ замѣтивъ на полу около ея стула какой-то бѣлый предметъ, вообразилъ, что это онъ обронилъ свой носовой платокъ. Продолжая разговаривать съ этой дамой, онъ нагнулся, схватилъ предметъ рукою и всунулъ его въ свой задній карманъ. Продолжая дальше разговоръ, онъ нѣсколько разъ принимался глубже засовывать мнимый платокъ въ карманъ, который показался ему безконечнымъ.... Наконецъ, его сосѣдка почувствовала, что кто-то тянетъ за конецъ ея платья; она обернулась, чтобы освободить его и къ ужасу своему увидала, что конецъ платья былъ засунутъ въ карманъ ея сосѣда. Графъ несомнѣнно, при своей разсѣянности, могъ бы долго

продолжать это оригинальное занятіе, если бѣ она не догадалась посмотреть поближе и убѣдиться въ причинѣ испытаннаго ею ощущенія.

Хотя въ числѣ разныхъ разсказовъ о графѣ Вьельгорскомъ и говорилось въ Петербургскомъ обществѣ, что графъ былъ очень невоздерженъ и часто бывалъ не въ совершенно трезвомъ видѣ, даже при дворѣ; но, какъ бы то ни было, послѣ его смерти не было и, кажется, не будетъ никогда изъ нашихъ вельможъ подобнаго компетентнаго музыкальнаго мецената, каковъ былъ этотъ милый и всѣми любимый старикъ.

Въ Петербургскомъ обществѣ, въ подражаніе обществу Парижскому, впервые тогда появились *львицы* или такъ называемыя дамы высшаго круга, отличавшіяся въ свѣтѣ или своею роскошью, или своимъ положеніемъ, или своимъ умомъ, или своей красотой, или наконецъ всѣмъ этимъ совокупно, а главное—множествомъ своихъ поклонниковъ. Таковы были въ то время: графиня Воронцова-Дашкова, княгиня Юсупова, графиня Орлова-Денисова, Нарышкина, Марья Васильевна Столыцина, Охотникова и другія. Дѣвицы, разумѣется, рѣдко удостоивались такого лестнаго названія.

Изъ всѣхъ этихъ дамъ графиня Воронцова безспорно болѣе всѣхъ заслуживала, независимо отъ своего положенія, наименованія *львицы*, если понимать это слово въ томъ широкомъ смыслѣ, какое придавало ему тогда Французское общество. Она не имѣла соперницъ. Въ танцахъ, на балахъ, которые она любила, она была особенно очаровательна. Средняго роста, брюнетка, съ черными, какъ смоль, волосами, съ гибкимъ станомъ и съ темными большими, выразительными глазами, графиня Воронцова не могла не поражать каждого своею наружностью. Ея красота была не классическая, потому что черты ея лица, строго говоря, не были правильны; но у нея было нѣчто такое, не поддающееся описанію, что большинству нравится болѣе классической красоты. Что подкупало въ ней въ особенности всѣхъ ее знавшихъ: это ея простота и непринужденность. Окруженная лестью многочисленныхъ своихъ поклонниковъ и всѣми почестями, какъ супруга одного изъ богатѣйшихъ Петербургскихъ сановниковъ и вельможъ того времени, она сохраняла эту дѣтскую, такъ сказать, простоту, которая въ женщинѣ, занимающей ея положеніе въ свѣтѣ, казалась замѣтной, а потому всѣхъ удивляла и очаровывала. Если добавить къ характеристикѣ графини, что она обладала рѣдкимъ остроуміемъ и находчивостью, то понятно будетъ, что она по праву занимала первое мѣсто между молодыми женщинами высшаго Петербургскаго общества, и этого права у нея никто не оспаривалъ.

И былъ ей представлень на большомъ балѣ у Австрійскаго посла (гдѣ былъ Государь Николай Павловичъ) пріятелемъ моимъ, однимъ изъ ея самыхъ усердныхъ поклонниковъ, Столыпнымъ (почему-то прозваннымъ въ обществѣ Монго), молодымъ человѣкомъ рѣдкой красоты, который послужилъ типомъ Печорина въ «Герои нашего времени» (Лермонтовъ былъ родственникъ и пріятель Монго-Столыпина).

Я помню, что на этомъ балѣ, въ самомъ его началѣ, когда еще танцы не оживлялись и танцоры лѣнливо принимались за дѣло, я пригласилъ графиню. Пустившись съ ней въ вихрь вальса по слишкомъ гладкому паркету огромной залы, я имѣлъ несчастіе поскользнуться и навѣрное упалъ бы и увлекъ ее съ собой, если бѣ, чувствуя неизбежную катастрофу, не уперся правой рукой, на одно мгновеніе, на талию графини. Она, легкая какъ пухъ, но стойкая какъ пальма, выдержала эту тяжесть давленія, и мы вновь понеслись, побѣдоносно продолжая путь до мѣста, съ легкимъ сердцемъ послѣ миновавшей для насъ опасности.

Когда я остановился, графиня сказала мнѣ спокойно: «Мнѣ кажется, что я васъ поддержала?» — «Мало того: вы спасли мнѣ жизнь, графиня!» сказалъ я при мысли объ угрожавшемъ мнѣ несчастіи, по-видимому, съ тономъ такой неподдѣльной признательности, что графиня подарила меня своимъ жизнерадостнымъ смѣхомъ. Съ той поры, при встрѣчѣ со мной, она всегда относилась ко мнѣ со свойственной ей любезностью.

Баловъ было въ обществѣ въ то время очень много; особенно значительные давали графъ Воронцовъ, князь Юсуповъ и нѣкоторые изъ пословъ.

Но самые изысканные и, къ тому-же для немногихъ избранныхъ были придворные балы въ Аничковомъ дворцѣ. Быть приглашеннымъ на эти балы, считалось между гвардейскими офицерами большимъ почетомъ; и нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе честолюбивыхъ, желаніе попасть на эти балы преслѣдовало, какъ любимая мечта, какъ единственное счастье на бѣломъ свѣтѣ. Таковъ былъ изъ числа, напримѣръ, моихъ хорошихъ знакомыхъ, ловкій танцоръ, офицеръ Преображенскаго полка поручикъ Л***. Надо сказать, что, послѣ большихъ стараній, исканій и заботъ, онъ достигъ исполненія своей завѣтной мечты и былъ нѣсколько разъ приглашенъ въ Аничковъ, вслѣдствіе чего, какъ обыкновенно люди, полагающіе свое честолюбіе въ мелочахъ, возымѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе и сталъ часто забываться. По этому поводу напоминаетъ мнѣ маленькій случай, кото-

рый произвел на меня глубокое впечатлѣніе и которому я былъ свѣдѣтелемъ.

Дѣло было такъ. Вообще на Аничковскихъ балахъ было какъ-бы менѣе сдержанности, менѣе этикета, болѣе свободы, чѣмъ на большихъ балахъ въ Зимнемъ дворцѣ, и поэтому обыкновенно всѣмъ было веселѣе. Государь Николай Павловичъ, всегда присутствовавшій на этихъ балахъ, бывалъ на нихъ особенно общителенъ; онъ являлся тутъ гостепріимнымъ хозяиномъ, обладающимъ даромъ обворожить каждаго, чѣмъ всѣ его приближенные восхищались. При этомъ Государь перѣдко, обходя гостей, останавливался и удостоивалъ разговоромъ нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ. Въ этотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, въ антрактъ между танцами, онъ подошелъ, между прочимъ, къ князю Александру Голицыну, впоследствии Прозоровскому (прозываемому всю его жизнь почему-то «Сашкой»); который, пробывши очень долго въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, былъ только что произведенъ въ слѣдующій чинъ. Поздравивши его съ производствомъ, Государь спросилъ у него, долго-ли онъ оставался въ прежнемъ чинѣ. Послѣ отвѣта князя Голицына, Государь сказалъ ему что-то лестное для него, чего я не могъ хорошо разслышать, потому что между мною и Голицынымъ стоялъ поручикъ Л***; но я понималъ смыслъ словъ Государя, потому, что Голицынъ, послѣ сказанныхъ Государемъ словъ, ему глубоко поклонился. Въ этотъ моментъ, когда Государь уже собирался идти далѣе, сосѣдъ мой поручикъ Л***, ободренный тѣмъ благодушіемъ и тѣмъ, какъ-бы родительскимъ, участіемъ, съ которымъ Государь говорилъ съ Голицынымъ, неожиданно вмѣшался въ разговоръ и сказалъ Государю съ нѣкоторою ужимкою: «Вотъ и я, ваше величество, нахожусь шестой годъ въ чинѣ поручика». Государь пріостановился, не поворачиваясь къ нему, молча окинулъ его черезъ плечо нѣсколько разъ съ ногъ до головы своими грозными очами и, не говоря ни слова, пошелъ далѣе. Я никогда не могъ забыть этой минуты. Мнѣ кажется, что если бъ я былъ на мѣстѣ поручика Л***, я бы провалился сквозь землю!...

Надо полагать, что этотъ взглядъ остался памятенъ поручику Л*** и что онъ очень успокоилъ поглощавшую его страсть къ Аничковскимъ баламъ.

Кромѣ танцевъ, которыми я увлекался, предаваясь имъ съ пристрастіемъ и неутомимостью, свойственными моимъ лѣтамъ, я часто посѣщалъ Французскій театръ и Итальянскую оперу, персоналъ которыхъ былъ до того хорошъ въ то время, что приводилъ въ восторгъ

самыхъ требовательныхъ судей. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ тоже самое время, когда на сценѣ Малаго театра играли такія знаменитости, какъ супруги Аланъ, молодой Брессанъ, дѣвица Майеръ, Фальбонъ и комикъ Вернѣ, на Итальянской оперной сценѣ пѣли Европейскія извѣстности, какъ г-жа Віардо, Рубини, Тамбурини и Лаблашъ... Русскій театръ тоже былъ хорошъ. Хотя Московская труппа стояла всегда выше, но тогда въ Петербургѣ начали свою блестящую театральную карьеру талантливое семейство Самойловыхъ и извѣстный комикъ Мартыновъ.

О балетѣ, хотя на него театральная дирекція тратила тогда бѣшенныя деньги, я ничего не могу сказать, такъ какъ видѣнное мною совершенно изгладилось изъ моей памяти, вѣроятно по той, весьма простой причинѣ, что балетъ мнѣ вообще никогда не нравился: танцующіе казались всегда мнѣ ловкими акробатами, а мимика балетныхъ артистовъ напоминала мнѣ всегда разговоры глухонѣмыхъ, будь это сказано не въ укоръ балетнымъ театрамъ, у которыхъ я охотно признаю гораздо болѣе эстетическаго вкуса, чѣмъ у меня, не умѣющаго цѣнить хореографическія достоинства балетныхъ танцоровъ и балеринъ.

Среди всѣхъ этихъ удовольствій столичной жизни въ Петербургѣ и полковой въ Царскомъ Селѣ скучать было некогда. Эта кипучая дѣятельность, захватившая меня и не давшая время опомниться и вздохнуть, мнѣ очень нравилась. Я бросился въ этотъ водоворотъ со всѣмъ пыломъ моей страстной натуры. Въ зимнее время большинство нашихъ молодыхъ офицеровъ можно было видѣть въ полку только на ученіи, да за карточнымъ столомъ, за которымъ, увлеченный примѣромъ товарищей, я, увы! также подвизался; а остальное время мы проводили въ Петербургѣ, неустанно разъѣзжая взадъ и впередъ по Царскосельской желѣзной дорогѣ.

Такъ какъ въ городѣ было строжайше запрещено великимъ княземъ ходить въ фуражкахъ, то на Петербургскомъ вокзалѣ этой дороги (весьма тогда еще скромной, деревянной, временной постройки), возлѣ кассы, въ какомъ-то чуланѣ, довольно забавно было видѣть большое количество висѣвшихъ на гвоздяхъ треугольныхъ офицерскихъ шляпъ съ бѣлыми перьями, которыя мы тогда носили. Въ этомъ нетопленномъ маленькомъ чуланѣ, по пріѣздѣ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, служащій на желѣзной дорогѣ, очень компческаго характера, молодой артельщикъ Тимоѣей, намъ всѣмъ раздавалъ шляпы и принималъ отъ насъ на храненіе наши фуражки съ изумительною ловкостью,

никогда не ошибаясь, не смотря на крики нетерпѣнья вѣчно спѣшившихъ, ожидавшихъ своей очереди, офицеровъ. Разумѣется, Тимовой получалъ за это щедрое вознагражденіе, вслѣдствіе чего никогда не находился въ совершенно трезвомъ состояніи.

Къ слову надо сказать, что изъ всѣхъ офицерскихъ головныхъ уборовъ, существовавшихъ тогда въ гвардіи, безспорно треугольныя шляпы, съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, которыя носила тогда кавалерія, были самыя нарядныя, хотя султаны стояли очень дорого (отъ 100 до 150 рубл.), и первый дождь приводилъ ихъ въ негодность.

Преданія Нѣмецкаго *милитаризма*, введеннаго у насъ въ Россію послѣ Фридриха Великаго, хотя очень ослабѣвшія по смерти государя Павла Петровича, однако еще поддерживались тогда въ гвардіи великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Самое строгое наблюденіе за формой одежды, за стрижкой волосъ, бритьемъ бородъ и пр. и пр. доходило до поразительныхъ крайностей. Такъ, напримѣръ, существовало правило для носящихъ бакенбарды, что бороду слѣдуетъ брить такъ-же образомъ, чтобы, взявъ шнурокъ въ ротъ и завязавъ его на затылкѣ, брить все то, что находится ниже линіи шнурка и оставлять небритымъ только то, что заросло бородой выше этой линіи.

Въ это время существовало, памятное еще до сихъ поръ, страшное гоненіе офицеровъ за ношеніе шубъ, галошъ или фуражекъ не по формѣ. Что же касается до ученій, то обученіе солдатъ, въ особенности въ пѣшемъ строю, напоминало педантизмъ и строгость государя Павла Петровича: такъ называемыя *шагистика* и *ружистика* были доведены до послѣдняго слова науки и до такого искусства, которому позавидовалъ бы вѣроятно самъ графъ Аракчеевъ.

О подготовкѣ солдатъ и офицеровъ ко всѣмъ требованіямъ военнаго времени тогда никто не заботился. Говорили даже, что великій князь, въ разговорѣ о военномъ дѣлѣ, сказалъ по-французски кому-то: «La guerre gâte le soldat» (война портитъ солдата).

Замѣчательно было то обстоятельство, что изъ всѣхъ начальниковъ и генераловъ, болѣе или менѣе раздѣлявшихъ это мнѣніе, большинство было изъ Нѣмцевъ, закоренѣлыхъ и самыхъ свирѣпыхъ фронтовиковъ, никогда не нюхавшихъ пороху, т. е. не бывшихъ никогда на войнѣ.

Это обстоятельство напоминаетъ мнѣ одинъ довольно забавный случай, какъ одинъ Нѣмецкій генералъ, баронъ К., дѣлавшій нѣсколь-

ко кампаній, говоря со мной, очень мѣтко, но довольно оскорбительно отозвался о другомъ генералѣ, тоже изъ Нѣмцевъ, самомъ закоренѣломъ фронтовикѣ, который никогда не бывалъ на полѣ сраженія и о которомъ шла между нами рѣчь. Онъ во всеуслышаніе сказалъ о немъ по нѣмецки: «O ja! Das ist mein braver Kriegscamarad in Friedenszeiten!» (Да! Это мой храбрый боевой товарищъ мирнаго времени)... Я не могъ не разсмѣяться этому вѣрному опредѣленію барона К. и не позабылъ о немъ до сихъ поръ.

Военная литература находилась также подъ вліяніемъ преданій, навѣянныхъ на насъ Фридрихомъ Великимъ: печатались различные статьи, трактующія о ремешкахъ и пряжкахъ солдатской амуниціи. Такъ, напримѣръ, полковникъ Шиповъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) напечаталъ цѣлую брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о репейкѣ*)».

Трудно теперь составить себѣ понятіе о томъ педантизмѣ, который существовалъ тогда въ гвардейскомъ корпусѣ, а стало-быть во всей арміи.

Вся эта чрезмѣрная военная строгость не мѣшала, разумѣется, нашей молодежи веселиться.

Я помню, что какъ-то разъ на зимнемъ парадѣ, который происходилъ въ этомъ году, въ видѣ исключенія, на площади противъ Зимняго дворца, нашъ полкъ прошелъ мимо Государя неудовлетворительно. Великій князь Михайлъ Павловичъ, взбѣшенный этой неудачей, всю вину свалилъ на офицеровъ и въ наказаніе приказалъ впредь офицеровъ гусарскаго полка не отпускать изъ Царскаго въ Петербургъ.

Такое приказаніе въ это время года было равносильно домашнему аресту всего состава офицеровъ, изъ которыхъ большинство имѣло, несомнѣнно, свои животрепещущіе сердечные интересы въ городѣ.

Вернувшись во временныя наши казармы въ Петербургѣ, молодые офицеры, не на шутку упавшіе духомъ, начали всѣ трактовать о состоявшемся, небываломъ до сихъ поръ по своей свирѣпости, распоряженіи. Въ виду всеобщаго мнѣнія, что намъ не слѣдуетъ поддаваться ударамъ неумолимой къ намъ судьбы и предаваться унынію, а, напротивъ, необходимо немедленно придумать средство борьбы

*) *Репейка*—это былъ родъ кокарды, овальной формы, твердый, покрытый сукномъ, подѣлавшіяся впереди на верхней части кивера у пѣхотныхъ солдатъ, сверхъ котораго надѣвался высокій волосинной султанъ. Вскорѣ эти кивера съ султанами въ пѣхотѣ были замѣнены касками съ мѣдными шишаками по Прусскому образцу.

съ угрожающей намъ тоской и что мы предлагаемъ для этого выслать немедленно въ Царское Село на все время нашего тюремнаго заключенія весь Московскій Цыганскій таборъ, только что прибывшій на праздникъ изъ Москвы въ Петербургъ, при чемъ я, для скорѣйшаго осуществленія этого остроумнаго предпріятія, предложилъ свою Царскосельскую квартиру, какъ болѣе другихъ просторную для помѣщенія табора.

Наше предложеніе имѣло успѣхъ: тотчасъ было условлено сдѣлать складчину на содержаніе и обязательное вознагражденіе табора за время его пребыванія въ Царскомъ; мы же (Абаза и я) отправились предупредить Цыганъ и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія о доставкѣ ихъ на другой день въ санихъ въ Царское Село.

На другой день верхомъ, въ 20 градусовъ мороза, мы отправились обратно въ Царское съ полкомъ. Цыгане были уже на мѣстѣ, когда мы всѣ съѣхались вечеромъ въ моей квартирѣ. При входѣ въ нее мы были поражены: квартира была нѣсколько дней не топлена, и мы застали всѣхъ Цыганъ разсѣвшихся по всѣмъ комнатамъ въ своихъ шубахъ и шапкахъ, такъ какъ во всей моей квартирѣ былъ трескучій морозъ.

Оказалось, что передъ нашимъ выступленіемъ изъ Царскаго, долго загостившись въ Петербургъ и выѣзжая въ невѣдніи, что не было достаточно запасено дровъ, я не позаботился объ этомъ, а человѣкъ мой, отъ излишней и неумѣстной бережливости, не рѣшился тратить на ихъ покупку деньги безъ особаго разрѣшенія.

Такимъ образомъ мое, слишкомъ радушное, гостепріимство, оказалось совершенно неудачнымъ. Ночью покупать дрова было невыносимо. Такъ или иначе, надо было немедленно выйти изъ этого затрудненія. Не долго думая, я предложилъ топить печи моею мебелью, и первый сталъ уничтожать стулья въ столовой, которые было легче разбивать въ куски, чѣмъ остальную мебель. Всѣ послѣдовали моему примѣру, вскорѣ всѣ печи затрещали, и это новое топливо оказалось превосходнымъ.

Мы всѣ перешли въ мой кабинетъ, гдѣ уже пылалъ въ каминѣ жаркій огонь и, разсѣвшись на коврѣ вокругъ камина, потребовали чаю. Немного спустя была зажжена жженка, въ кабинетѣ сдѣлалось тепло, всѣ сняли верхнюю зимнюю одежду, потребовали гитаръ, Цыгане запѣли стройнымъ хоромъ: «Хожу ли я по улицѣ», и въ эту минуту мы всѣ совершенно забыли о постигшей насъ такъ недавно неожиданной катастрофѣ.

Пребываніе Цыганскаго табора на жительствѣ у меня на квартирѣ, новый способъ, изобрѣтенный нами тогда, для быстрого отопленія моихъ комнатъ мебелью, а также великолѣпная картина живописной группы, расположенной на полу* и освѣщенной пылающимъ каминомъ, достойная кисти художника, по всей вѣроятности, долго не забывались въ послѣдствіи всѣми участвовавшими на этомъ вечерѣ моими товарищами, а у меня еще болѣе врѣзались въ память.

Изъ множества шалостей моей молодости я помню, что въ то время обыкновенно въ большинствѣ значительную роль играли Цыгане, пѣніемъ которыхъ я увлекался до упоенія. Александръ Карамзинъ и Эрастъ Абаза раздѣляли со мною эту страсть.

Тогда еще Цыгане не опошлились такъ, какъ теперь; они не отдавали себя, такъ-сказать, въ аренду содержателямъ загородныхъ ресторановъ, и поэтому не были вынуждены ежедневно ломать и тратить свѣжесть своихъ молодыхъ голосовъ на повтореніе сотни разъ, по требованію невѣжественныхъ посѣтителей, пошлыхъ романсовъ, проводя, въ ожиданіи этихъ посѣтителей, ежедневно сплошныя ночи безъ сна.

Хотя я встрѣчалъ тогда нерѣдко людей, несочувственно относившихся къ пѣнію Цыганъ и не признававшихъ его прелести, но я до сихъ поръ остаюсь при томъ мнѣніи, что оно неподражаемо, и это мнѣніе не мое личное, какъ диллетанта, а было подтверждено неоднократно такими музыкальными авторитетами, какъ, напримѣръ, знаменитымъ Листомъ и многими другими. Упомянувъ объ этомъ, я разумно пѣніе не нынѣшнихъ Цыганъ, а знаменитыхъ хоровъ прежняго времени.

Ихъ истинная виртуозность, если можно такъ выразиться, состояла въ вѣрномъ пониманіи и художественномъ выраженіи нашихъ національных Русскихъ и Малороссійскихъ мотивовъ. Сохраняя истинно-народный, свойственный Русскимъ или Малороссійскимъ пѣснямъ грустный или игривый характеръ, Цыгане умѣли модулировать ихъ по своему и, ничего не измѣняя въ ихъ наивности, съ необыкновеннымъ искусствомъ выражали всю поэзію этихъ мелодій.

Что можетъ быть и наивнѣе, и проще, какъ народныя пѣсни, подобно: *Изуйтъ, Метелицъ, Мнѣ моркотно молоденькъ, Катиліся вѣды съ гѣры* и пр., и пр.; а вмѣстѣ съ тѣмъ, могло ли быть что задушевнѣе, мелодичнѣе и трогательнѣе исполненія Цыганами подобныхъ мотивовъ?...

Романсовъ въ то время почти вовсе не пѣли Цыгане; первый романсъ, который въ тридцатыхъ годахъ надѣлалъ много шума, былъ

романсъ Алябьева «Соловей», исполнявшійся знаменитою Цыганкой Танюшей и сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени любимымъ и неизбежнымъ номеромъ въ составѣ каждаго концерта рѣшительно всѣхъ безъ изъятія дебютантокъ въ Россіи изъ первоклассныхъ иностранныхъ пѣвицъ.

Припоминая до сихъ поръ съ удовольствіемъ о тѣхъ пріятныхъ музыкальных наслажденіяхъ, которыя мнѣ доставляло пѣніе Цыганъ, я не могу забыть возмутительнаго, по моему, мнѣнія, неоднократно слышаннаго мною, будто Цыганъ можно слушать съ нѣкоторымъ удовольствіемъ только будучи не въ совершенно трезвомъ состояніи.

По случаю разныхъ встрѣтившихся неудобствъ, пребываніе Цыганъ на моей квартирѣ продолжаться не могло долѣе нѣсколькихъ дней, а такъ какъ въ Царскомъ Селѣ не существовало тогда гостиницъ, то мы вынуждены были, къ крайнему нашему сожалѣнію, отпустить ихъ обратно въ Петербургъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда, случилось такъ, что, сидя у меня за самоваромъ, въ одинъ изъ тоскливыхъ, длинныхъ зимнихъ вечеровъ, съ Абазой, и трактуя, какъ говорится, о возвышенныхъ предметахъ, мы пришли къ убѣжденію, что жизнь слишкомъ коротка, чтобы проводить ее въ такой убійственной скукѣ, тогда какъ мы находимся въ 20 верстахъ отъ Петербурга, этой современной Пальмиры, со всѣми ея соблазнами. Слѣдовательно, надлежало только туда отправиться. Положимъ, что, не смотря на строгое воспрещеніе въѣзда въ столицу, можно бы было, хотя не безъ риска, въѣхать въ Петербургъ, переодѣвшись въ штатское платье, въ саночкахъ, на хорошихъ рѣзвыхъ лошадяхъ (а въ нихъ у насъ недостатка не было), и назвавшись на заставѣ (гдѣ въ то время должны были записываться всѣ проѣзжающіе) какими-нибудь вымышленными фамиліями. Но тутъ самъ по себѣ являлся вопросъ: если въ пути все обойдется благополучно, то, по пріѣздѣ въ Петербургъ, можемъ ли мы куда-нибудь отправиться, не рискуя быть узнаваемыми?.. Побывать въ театрѣ, въ клубѣ, или въ какомъ-нибудь публичномъ собраніи было немислимо, тѣмъ болѣе, что у насъ не было въ наличности порядочной штатской одежды. Все взвѣсивъ и сообразивъ, мы пришли къ заключенію, что нигдѣ въ Петербургѣ мы не можемъ показываться, и что намъ остается одно лишь утѣшеніе и одно только доступное намъ удовольствіе: это поѣхать опять къ Цыганамъ.

Немедленно заложены были двое длинныхъ и узенькихъ Чухонскихъ савонекъ, и мы полетѣли въ Петербургъ въ гражданскихъ шу-

бахъ и теплыхъ шапкахъ. По прїѣздѣ къ заставѣ, отданы были намъ двѣ записочки, на которыхъ значились двѣ какія-то небывалыя, вымышленныя фамиліи, и мы, весьма довольные удавшеюся шалостью, весело помчались на нашихъ рѣзвыхъ коняхъ по пустой улицѣ Загороднаго проспекта. Я ѣхалъ впереди, а за мною слѣдовалъ товарищъ.

Выѣзжая въ болѣе оживленную часть города, я былъ вынужденъ умѣрить ходъ моего коня, чтобы кого-нибудь не задѣть; но лошадь моя до того разгорячилась быстрой нашей ѣздой, что весьма неохотно стала мнѣ подчиняться, и я съ трудомъ могъ ее сдерживать моими, сильно оковѣвшими отъ мороза руками. Улицы стали тѣснѣе и многолюднѣе, мимо меня мелькали кареты и одиночки, и я благополучно лавировалъ между ними довольно ловко, какъ вдругъ на какомъ-то перекресткѣ, передъ площадкой, называемой Пять Угловъ, я такъ близко пролетѣлъ мимо ѣхавшаго мнѣ навстрѣчу извозчика, что спинкой моихъ саней задѣлъ его оглоблю и краемъ спинки, какъ посредствомъ рычага, моментально приподнялъ извозничьи сани кверху и затѣмъ повалилъ ихъ на бокъ. Я видѣлъ, какъ сѣдокъ, взлетѣвъ на воздухъ, тяжело повалился на землю. Все это было дѣломъ одной секунды. Думать было нечего, я ударилъ моего коня возжей. Въ это время послышались со всѣхъ сторонъ крики «держи его!» Когда я въѣхалъ на площадь, крики усилились. Какъ я цѣлъ и невредимъ пролетѣлъ между экипажами, скрещивающимися въ этомъ мѣстѣ, гдѣ сходится пять улицъ, я до сихъ поръ не понимаю. Когда я бросился въ первый попавшійся мнѣ удобный выходъ, я слышалъ, какъ мой товарищъ, ѣхавшій за мной, громче всѣхъ кричалъ: «держи, держи его!» Когда я повернулъ быстро направо въ избранную мною улицу, я увидалъ кричавшаго товарища, мчавшагося въ сосѣднюю улицу влѣво, а за нимъ во весь опоръ стоя извозчиковъ пустилась въ погоню. Слава Богу, я былъ спасенъ необыкновенною находчивостью товарища; но я не умѣрялъ хода своей лошади и мчался по безлюдной относительно другихъ улицъ, опасаясь все еще преслѣдованія. Когда я успокоился, то былъ уже далеко, и мнѣ стоило немало труда найти надлежащій путь, чтобы добраться до улицы, гдѣ жили Цыгане.

Признаюсь, что, выѣзжая изъ саней и отдавая свою лошадь, я вздохнулъ всею грудью, какъ человѣкъ подвергшійся страшной опасности.

Въ дѣйствительности миновавшая насъ опасность была нешуточная. Прегради мнѣ только на одну минуту путь сновавшіе взадъ и впередъ на площади «Пяти Угловъ» экипажи, и я былъ бы, несом-

вѣнно, тотчасъ же остановленъ извозчиками. Полція отвела бы насъ въ участокъ, гдѣ мы, конечно, были бы легко признаны за гусарскихъ офицеровъ по золотымъ нашимъ лампасамъ; насъ отправили бы въ ордонансгаузъ къ коменданту, обо всемъ, на другой день, доложено было бы великому князю Михаилу Павловичу, и несомнѣнно, что, при существовавшей тогда строгости, мы были бы примѣрно наказаны за всю совокупность нашихъ преступленій, т. е., что весьма вѣроятно—отданы подъ судъ.

Немного спустя, пріѣхалъ къ Цыганамъ и мой спаситель Эрастъ Абаза, котораго я обнялъ отъ души за его находчивость. Радость Цыганъ при нашемъ появленіи была неописанная. Мы не скрыли отъ женскаго персонала опасности, которой мы подверглись, чтобы ихъ навѣстить, чему онѣ легко повѣрили. Онѣ это приняли съ тѣмъ участіемъ и той живостью, которыя имъ свойственны, вслѣдствіе чего онѣ пѣли еще лучше, чѣмъ обыкновенно, и мы, весьма довольные полученнымъ нами удовольствіемъ, рано утромъ, на зарѣ, отправились тѣмъ же порядкомъ, но уже по пустымъ улцамъ Петербурга, обратно въ Царское Село.

Наше заточеніе длилось однако недолго. Скоро послѣдовало разрѣшеніе отпускать насъ въ городъ, и жизнь наша вошла въ обычную колею.

Напрасно думаютъ, что молодежь, когда жизнь ей предоставляетъ полную чашу радостей и удовольствій, обыкновенно все на свѣтѣ забываетъ, чтобы испить эту чашу до дна. Я замѣчалъ, наоборотъ, что для большинства молодыхъ людей, даже самыхъ легкомысленныхъ, семейный очагъ и память о прошломъ составляютъ ихъ самыя душевные мысли, надъ которыми они часто задумываются. Мнѣ не рѣдко удавалось даже замѣтить, что молодые люди, особенно одинокіе, вдали отъ родныхъ, въ самый разгаръ увлеченій, не упускали случаевъ сближаться съ какимъ нибудь симпатичнымъ для нихъ семействомъ, чтобы, взамѣнъ собственнаго родительскаго очага, проводить семейно въ немъ свое свободное время, удовлетворяя этимъ не сознаванною ими, но живущую въ нихъ духовную потребность. Я замѣчалъ эту особенность чаще всего въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые воспитывались дома, а не въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Тоже самое было и со мною въ Петербургѣ: чувствуя свое одиночество среди этого шумнаго свѣта, я искалъ душевнаго успокоенія и родного пріюта у дяди своего, князя Петра Ивановича Мещерскаго, женатаго на старшей дочери Карамзина, единственнаго родственника

моего въ Петербургѣ. Я по этому поводу могу сказать, что я былъ избалованъ судьбой, найдя въ моемъ дядѣ друга и совѣтника въ то время, когда я всего болѣе въ нихъ нуждался.

Никто не былъ радушнѣе, пріѣтливѣе и любезнѣе къ своимъ родственникамъ, какъ онъ и тетушка моя Екатерина Николаевна. Ихъ семейная жизнь была образцовая, а забота ихъ о своихъ дѣтяхъ трогательна. Замѣчательная кротость родителей отразилась и па дѣтяхъ, которые, впоследствии, отличались ровными и добрыми характерами.

Старшій ихъ сынъ Николай, любимецъ матери, превосходно учился и отличался выдающимися способностями, при чемъ былъ замѣчательно скромнѣе и застѣнчивъ. Онъ сдѣлалъ довольно быструю карьеру, женился на графинѣ Марѣ Александровнѣ Паниной и состоялъ впоследствии попечителемъ учебнаго округа въ Москвѣ.

Будучи въ то время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Толстымъ, министромъ народнаго просвѣщенія, я за честь себя считаю, что нѣсколько содѣйствовалъ этому назначенію, которое оказалось весьма удачнымъ.

Когда обстоятельства, въ 60-тыхъ годахъ, свели меня съ моимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Николаемъ Петровичемъ, то я имѣлъ случай оцѣнить всѣ его качества вполне и всѣмъ сердцемъ къ нему привязаться; да его и нельзя было не полюбить! За свою высокую честность, безпристрастіе, необыкновенную деликатность и знаніе дѣла, онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, въ особенности во время своей дѣятельности, какъ попечитель Московскаго учебнаго округа.

Единственный упрекъ, которому подвергалась его дѣятельность, какъ попечителя, былъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени несправедливый: его критиковали за то, что онъ сосредоточивалъ все свое вниманіе на гимназіяхъ своего округа и слишкомъ мало проявлялъ вліянія и своей личной инициативы въ дѣлахъ Московскаго университета.

Дѣло въ томъ, что мой двоюродный братъ не сочувствовалъ новому университетскому уставу, созданному подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній (недоброй памяти шестидесятыхъ годовъ), который появился въ началѣ вступленія его въ должность попечителя. Этотъ уставъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ тогда былъ составленъ, въ сущности представлялъ собою всецѣло нечто иное, какъ безконтрольное университетское самоуправленіе, въ которомъ не было мѣста попечителю учебнаго округа, и, какъ всѣ наши опыты сомоуправленія, неминуемо должно было окончиться неимовернымъ хаосомъ.

Я помню, что покойный мой тесть, Сергій Григорьевич Строгановъ, сохранившій, по старой памяти, долгое время косвенное вліяніе въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, рассказывалъ мнѣ, что мой двоюродный братъ обращался къ нему по этому поводу и что въ долгой бесѣдѣ съ графомъ онъ высказалъ ему всѣ свои опасенія. Но покойный графъ, какъ видно, совершенно не раздѣлялъ его взглядовъ и не придавалъ имъ значенія, утверждая, что будто бы новый уставъ не можетъ служить препятствіемъ подобающему первенствующему вліянію попечителя учебнаго округа на дѣла университетскія. Послѣдствія, кажется, достаточно доказали: кто въ этомъ случаѣ былъ правъ и кто виноватъ.

Не даромъ о лицахъ, облеченныхъ властью и поэтому по службѣ отвѣтственныхъ, во въ дѣйствительности власти немущихъ, давно сложилась поговорка, столь часто повторяемая, что: «это положеніе хуже губернаторскаго!» Тоже самое можно было въ то время сказать о положеніи попечителя учебнаго округа. Очевидно, что попечителю вмѣшиваться въ дѣла университета невозможно, когда его авторитетъ не поддерживается законнымъ правомъ и когда его мнѣнія могутъ постоянно подвергаться полному невниманію профессоровъ.

Легко было говорить графу Сергію Григорьевичу, что попечители должны были дѣйствовать силою своего нравственнаго авторитета. Въ его время эта сила основывалась на законѣ, и не приходилось стрѣлять въ пустое пространство.

Съ другой стороны молодежь несомнѣнно нуждается въ руководителѣ, и чѣмъ выше онъ поставленъ, тѣмъ дѣйствительнѣе его авторитетъ въ глазахъ молодежи.

Во время нашихъ университетскихъ смуть, которыя періодически повторялись во всѣхъ нашихъ университетахъ, со времени введенія новаго университетскаго устава, раздавались часто голоса, упрекающіе во всемъ господъ профессоровъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны были бы быть настоящими наставниками и руководителями нашей несовершеннолѣтней университетской молодежи, предоставленной у насъ на произволъ судьбы и на волю Божию.

Не отрицая пагубнаго вліянія нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ у насъ катедры, зависящаго отъ тенденціознаго ихъ направленія, нельзя однако согласиться съ требованіемъ тѣхъ, которые возлагали на профессоровъ всю отвѣтственность за университетскіе безпорядки и хотѣли требовать отъ нихъ, чтобы они были не только хорошими профессорами, но единственными наставниками и руководителями универ-

спететской молодежи. Справедливо-ли, въ самомъ дѣлѣ подобное требованіе? Профессоръ,—этотъ жрецъ науки, поглощенный всецѣло своею спеціальностью, не знающій и не имѣющій возможности знать ничего о томъ, что дѣлають и о чемъ думаютъ студенты послѣ его лекцій, можетъ-ли онъ быть дѣйствительнымъ ихъ наставникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ въ стѣпѣ университетской аудиторіи?

Едва-ли кто нибудь изъ профессоровъ возьметъ на себя такую отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что законъ его къ этому не обязываетъ; да и времени у него для этого нѣтъ. Каждый профессоръ по прочтеніи своей лекціи сходитъ съ своей кафедрѣ, убѣжденный, что онъ совершенно добросовѣстно исполнилъ единственный возложенный на него долгъ и что онъ болѣе никакой обязанности на себя не бралъ. Были, правда, рѣдкія исключенія такихъ профессоровъ, которые силились отрезвить и образумить университетскую молодежь, во время ихъ увлеченій разными утопіями, но и эти попытки, какъ извѣстно, обыкновенно кончались неблагополучно; такъ было, напримѣръ, съ моимъ пріятелемъ, профессоромъ покойнымъ Θεодоромъ Михайловичемъ Дмитріевымъ.

Я все это говорю совершенно объективно, какъ человѣкъ посторонній, бывавшій часто свидѣтелемъ университетскихъ безпорядковъ, но отнюдь не какъ уполномоченный высказывать какія бы то ни было чужія мнѣнія, хотя бы даже и близкаго мнѣ родственника, князя Николая Петровича, бывшаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

У дяди, князя Петра Ивановича, кромѣ князя Николая Петровича была еще единственная дочь, одна изъ Петербургскихъ красавицъ, имѣвшая большой успѣхъ въ обществѣ, княжна Екатерина Петровна, вышедшая впослѣдствіи за графа Клейнмихеля и очень рано овдовѣвшая. Она осталась для меня любимѣйшею моею двоюродной сестрой и моимъ самымъ дорогимъ и почтеннымъ другомъ до старости.

Второй сынъ моего дяди, князь Владимиръ Петровичъ, сдѣлался извѣстнымъ, какъ публицистъ и издатель «Гражданина» *).

Самъ дядя, князь Петръ Ивановичъ, нигдѣ не служилъ; окончивъ свое образованіе въ Пажескомъ корпусѣ и выйдя офицеромъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ вскорѣ женился первымъ бракомъ на дочери графа Румянцова, тотчасъ вышелъ въ отставку и никогда больше ни на какую службу не опредѣлялся. Во время царствованія

*) Затѣмъ былъ еще одинъ сынъ у дяди, младшій, Александръ, экигель-адъютантъ, но умеръ въ очень молодыхъ годахъ.

Николая Павловича дядя составлялъ въ Петербургѣ въ этомъ отношеніи единственное исключеніе. Въ то время всѣ служили. Государь не любилъ неслужащихъ; онъ считалъ тунеядцами всѣхъ молодыхъ людей, которые не служили.

По этому поводу я помню, что дядя мнѣ рассказывалъ, съ добродушнымъ своимъ юморомъ, одинъ, бывший съ нимъ, забавный случай.

Какъ-то разъ онъ былъ приглашенъ на крестны къ какому-то сановнику, женатому на его родственницѣ, у которыхъ Государь Николай Павловичъ пожелалъ самъ быть восприемникомъ. Дядя отправился въ классической для всѣхъ въ данномъ случаѣ одеждѣ, т. е. въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Когда онъ пріѣхалъ, то уже засталъ довольно много приглашенныхъ, всѣхъ въ мундирахъ, ожидавшихъ вскорѣ высочайшаго прибытія Государя. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему подошелъ ему хорошо знакомый, первый чинъ двора (оберъ-шенкъ), старикъ графъ Рибопьеръ, который съ разстроеннымъ видомъ, отвѣдя его въ сторону, спросилъ у него: почему онъ не въ мундирѣ, чего требуетъ простое приличіе? Дядя, немного озадаченный такимъ замѣчаніемъ почтеннаго графа, вынужденъ былъ ему объяснить, что, не выслужавши мундира на военной службѣ и теперь вовсе не служа, онъ его не имѣетъ.—«Что же дѣлать?.. Какъ быть?» сказалъ старикъ-графъ, еще болѣе смущенный и озираясь во всѣ стороны, какъ будто желая куда-нибудь запрятать подалше моего дядю, чтобы его не видно было. «Вѣдь вы знаете — продолжалъ онъ—какъ Государь вообще не любить черныхъ фраковъ, въ особенности на молодыхъ людяхъ. Помилуй Богъ, если онъ случайно васъ замѣтитъ! Вѣдь это, навѣрное, подѣйствуетъ неблагопріятно на его расположеніе духа. Между тѣмъ времени нѣтъ; часъ уже пробилъ, онъ сейчасъ пріѣдетъ. Какая напасть! Что тутъ дѣлать?.. Знаете ли что, сказалъ графъ скороговоркой, возьмите вы въ руки мою треугольную шляпу и держите ее впереди себя такъ, чтобы ее больше было видно, хотя бы прикрывши ею только свою грудь. Въ толпѣ тогда, можетъ быть, Государь васъ не замѣтитъ, или не отличить того, въ чемъ вы одѣты».

Чтобы сдѣлать угодное графу и видя его глубокое смущеніе, дядя согласился на его предложеніе: взялъ въ руки его треуголку, всю шпигую золотомъ, и держалъ ее все время въ продолженіе церемоніи крещенія новорожденнаго, прикрывши ею свою грудь, согласно совѣту старика-графа. Все обошлось благополучно, и всѣ остались довольны хитроумной выдумкой почтеннаго старика, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, немало всѣхъ позабавила.

По этому же поводу дяди мнѣ рассказывалъ, что въ Петербургѣ, когда его сверстники или старые товарищи по Пажескому корпусу, уже выслужившіеся до высокихъ чиновъ, собирались у него (что случалось нерѣдко) и слишкомъ горячо спорили и увлекались какими-нибудь политическими вопросами или правительственными распоряженіями, дядя ихъ всегда останавливалъ и успокаивалъ, говоря: «Помилуйте, господа, зачѣмъ вы горячитесь? Нельзя ли поменьше усердія? Пожалѣйте меня! Вѣдь вы всѣ администраторы, управляете Россіей и всѣ распорикаетесь въ своихъ вѣдомствахъ. Я единственный только человекъ въ Петербургѣ, который не служитъ; стало быть я одинъ вамъ всѣмъ подвѣдомственъ; слѣдовательно вы всѣ такъ хлопочите о моемъ лишь единственномъ благополучіи. Пожалѣйте меня: вѣдь васъ много, а я одинъ. Постарайтесь поменьше усердствовать; можетъ быть, тогда дѣла пойдутъ лучше въ Россіи, а мнѣ, во всякомъ случаѣ, будетъ легче».

Этотъ маленький эпизодъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ страхѣ, который внушалъ во всѣхъ Государь Николай Павловичъ, а также и о томъ, какимъ образомъ право, дарованное дворянству, служить или не служить, было въ сущности въ то время совершенно отмѣнено, безъ всякаго изданія особаго объ этомъ закона.

Возвращаясь къ дядѣ моему, князю Петру Ивановичу Мещерскому, я долженъ сказать, что я всегда съ удовольствіемъ и любовью вспоминаю о немъ, о его семействѣ, а также и о Карамзинныхъ, о Вяземскихъ, которые такъ тепло и родственно меня приняли и обласкали, когда я молодымъ человекомъ, простившись съ родными, впервые пріѣхалъ въ Петербургъ.

Съ теченіемъ времени, какъ я уже говорилъ выше, я привыкъ къ Карамзинскому и Вяземскому семействамъ такъ, какъ къ своему собственному.

Софья Николаевна Карамзина, которая по лѣтамъ могла бы быть моею матерью, особенно меня баловала своимъ ко мнѣ расположеніемъ. У насъ были условленные часы, въ которые мы читали вмѣстѣ новыя произведенія Русской или иностранной литературы. Эти чтенія происходили въ ея комнатѣ, у камелька, между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Она при этомъ любила, чтобы хорошія конфеты, къ которымъ мы оба имѣли большую слабость, дополняли собой удовольствіе, доставляемое намъ этими чтеніями. Поэтому я всегда являлся съ фунтомъ свѣжнхъ конфетъ и разными другими сладостями. Тогда, усѣвшись у камина и, для довершенія нашего благополучія, закуривъ па-

хитоски (въ то время въ обществѣ всѣ курили пахитоски, даже и дамы), мы принимались за дѣло: я за чтеніе, а Софья Николаевна за какую-нибудь работу.

Люблю я вспоминать про эти часы, проведенные съ этой интеллигентной женщиной! Я предполагаю, что эти чтенія ей не могли доставлять такъ много наслажденій, но что она съ умысломъ преувеличивала это удовольствіе имѣя въ сущности другую цѣль, зная, какъ вообще молодые офицеры имѣютъ мало времени и часто охоты читать. Я имѣю основаніе думать, что она, при своей неимоверной добротѣ и истинно материнской заботѣ обо мнѣ, желала, чтобы я, такимъ способомъ, не отставалъ и былъ бы всегда въ курсѣ современной литературы.

Я помню, какъ разъ, посреди нашего чтенія, доложили о пріѣздѣ поэта, г. Тютчева, любившаго навѣщать Софью Николаевну. Она слегка поморщилась, но затѣмъ приказала просить этого нарушителя нашихъ мирныхъ занятій; хотя они не могли подать поводъ къ какому-либо безсмысленнымъ о насъ предположеніямъ, но когда Федоръ Ивановичъ вошелъ, то онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени деликатный, тотчасъ почувствовалъ, что онъ насъ засталъ врасплохъ и что прішелъ некстати. Замѣтно намъ было, что ему сдѣлалось неловко, а его легкое смущеніе невольно сообщилось и намъ, хотя оно и продолжалось секунду одну. Бываютъ же иногда съ людьми такія глушыя положенія! При видѣ принесенныхъ мною сладостей на нашемъ столѣ, Федоръ Ивановичъ, указывая на нихъ, чтобы что-нибудь сказать, замѣтилъ со своей тонкой улыбкой: «Вы, вѣроятно, находились въ осадномъ положеніи, что заготовили себѣ столько провіанта?» Мы расхохотались, и послѣдовалъ самый оживленный разговоръ.

Далѣе наша бесѣда приняла серьезное направленіе. Тютчевъ коснулся газетнаго извѣстія объ убійствѣ помѣщиковъ-Поляковъ крестьянами въ Галиціи. По этому поводу онъ высказалъ очень воинственные помыслы объ умиротвореніи всѣхъ Славянскихъ племенъ присоединеніемъ ихъ силою оружія подъ скипетръ Русскаго царя, какъ о фактѣ неизбѣжномъ, и о цѣли, весьма легко достижимой. Эта Славянофильская идея изъ Московскаго Славянофильскаго кружка проникла уже тогда, 60 лѣтъ тому назадъ, въ Петербургъ и очень занимала въ то время интеллигентныя сферы общества, къ которымъ, несомнѣнно, принадлежалъ Тютчевъ, со времени своего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ старый дипломатъ, онъ очень былъ занятъ этой идеей и, какъ поэтъ, увлекся ею еще болѣе, чѣмъ самые пылкіе Московскіе Славянофилы.

Хотя Тютчевъ былъ болѣе, чѣмъ вдвое, старше меня по лѣтамъ, но я въ этомъ случаѣ позволилъ себѣ вступить съ нимъ въ горячій споръ. Я высказывалъ то мнѣніе, что если Славянскіе народы могутъ быть, по своему развитію, въ состояніи воспринять эту идею (въ чемъ я сомнѣваюсь), то что они во всякомъ случаѣ далеко не въ состояніи ее осуществить, потому что они въ огромномъ большинствѣ—народы слѣшкомъ мирнаго характера, лишенные вовсе воинственнаго духа, какъ на примѣръ Болгары, народъ съ пастушескими еще нравами и обычаями, если можно такъ выразиться. Подобное противорѣчіе со стороны такого молодого человѣка, каковымъ я былъ тогда, вѣроятно раздражило Тютчева и, въ жару спора, у него вырвалось слово, которое, какъ я помню до сихъ поръ, меня тогда очень оскорбило. «Необходимо читать, сказалъ онъ, молодой человѣкъ, прежде чѣмъ высказывать свое мнѣніе». Хотя я былъ очень обиженъ и сконфуженъ подобнымъ неожиданнымъ замѣчаніемъ этого почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ и всѣми уважаемаго человѣка, но я скромно ему отвѣчалъ, что нельзя тоже всему вѣрить, что печатаютъ; потому что печатное слово уже давно потеряло свой авторитетъ непогрѣшимости и что лучше всего было-бы, для того чтобы узнать истину, побывать самому въ тѣхъ мѣстахъ и тамъ изучить эти народы. Я же хорошо зналъ, говоря это, что Тютчевъ самъ никогда не бывалъ въ этихъ странахъ.

Впослѣдствіи исторіи двухъ войнъ съ Турціей за освобожденіе этихъ несчастныхъ народовъ отъ Турецкаго ига, стоившихъ намъ столько Русской крови, въ которыхъ они не принимали никакого сколько нибудь серьезнаго участія (даже храбрые, независимые Сербы, вѣчно бряцавшіе оружіемъ), достаточно доказали, насколько ошибались Славянофилы, а вмѣстѣ съ ними Θεодоръ Ивановичъ Тютчевъ въ своихъ увлеченіяхъ сороковыхъ годовъ.

Этотъ извѣстный поэтъ, философъ и дипломатъ находился уже въ почтенномъ возрастѣ, когда я съ нимъ встрѣчался у Карамзинныхъ. Онъ былъ маленькаго роста, хорошо сложенъ и, говорятъ, въ молодости имѣлъ немало романтическихъ приключеній. Нѣкоторые изъ нихъ не лишены драматизма....

Θеодоръ Ивановичъ, всегда сосредоточенный въ своихъ идеяхъ, какъ настоящій поэтъ и мыслитель, былъ очень разсѣянъ и мало занимался какъ своимъ туалетомъ, такъ и прочими внѣшними условіями жизни. Казалось, что внѣ науки и искусства его ничто не интересовало. Его наружность, когда я его зналъ, была самая оригинальная. Блуждающій взглядъ, всегда направленный сверхъ его золотыхъ оч-

ковъ, его огромный выпуклый лобъ и непокорная прядь сѣдыхъ волосъ, которая слишкомъ часто висѣла на затылкѣ, касаясь воротника его одежды, вмѣсто того чтобы прикрывать лишенную волосъ голову, и привычный ему небрежный тонъ, съ которымъ онъ выражался, производили престранное впечатлѣніе.

Его часто можно было встрѣтить пѣшкомъ по улицамъ Петербурга, въ шинели, спускавшейся съ одного плеча, съ шарфомъ, повязаннымъ на одной сторонѣ, и съ шляпой, надѣтой на затылокъ, гуляющимъ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ.

Какъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ и умныхъ людей, онъ былъ взысканъ вниманіемъ покойной императрицы Маріи Александровны, которая не очень задолго до его смерти сдѣлала его своимъ чтецомъ. Такъ какъ онъ никогда не былъ служакой и даже довольно индифферентно относился къ службѣ, то онъ былъ чина далеко невыдающагося.

Когда онъ, занимая нѣкоторое время свою новую должность, былъ неожиданно произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, то мнѣ передавалъ одинъ его хорошій знакомый, что, встрѣтивши его гуляющаго пѣшкомъ, по звоему обыкновенію, на Невскомъ проспектѣ, онъ его остановилъ, чтобы поздравить съ милостиво-дарованнымъ ему не въ очередь высокимъ чиномъ. Тютчевъ посмотрѣлъ на него сверхъ своихъ золотыхъ очковъ съ недоумѣніемъ. Потомъ спохватившись, какъ человекъ вспомнившій вдругъ о томъ дѣлѣ, о которомъ ему говорить, сказалъ: «Ахъ, извините пожалуйста, я и забылъ. Не знаю, почему мнѣ показалось, что я въ этомъ чинѣ нахожусь уже давно!...»

Такова была непритворная забывчивость и дѣйствительное равнодушіе нашего неподражаемаго поэта и философа къ служебнымъ отличіямъ!

О семействѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго я уже говорилъ. Я его тоже часто посѣщалъ и всегда былъ родственно принимаемъ всѣми его членами, хотя собственно родства между нами не было. Старушка-княгиня, раздѣляя слабость многихъ пожилыхъ дамъ, всегда озабоченныхъ устранивать судьбу молодыхъ людей, возымѣла доброе намѣреніе, для моего благополучія, и меня пристроить. Предметомъ сватовства была на этотъ разъ молодая графиня Лидія Арсеньевна Закревская, съ матерью которой княгиня находилась въ дружескихъ отношеніяхъ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ молодой графиней во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ, года два тому назадъ. Тогда, не смотря на свой 18-тилѣтній возрастъ, благодаря своей рѣзвости, она казалась совершенно подросткомъ; однако она своими остроумными и ребяческими выходками меня очень заинтересовала. Теперь ей исполнилось 20 лѣтъ; она была небольшого роста, хорошо сложена, широкоплечая дѣвушка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ румянцемъ на щекахъ и съ большими голубыми глазами, при чемъ мелкія черты лица ея были довольно миловидны.

Графъ Арсевій Андреевичъ Закревскій въ это время отдѣлывалъ только что построенный имъ огромнѣйшій домъ противъ Исакиевскаго собора, въ которомъ онъ собирался давать большіе балы по случаю наступившаго совершеннолѣтія своей обожаемой и единственной дочери. Я былъ приглашаемъ туда родителями, принимавшими меня ласково, на всѣ ихъ балы и вечера. Я скоро сталъ посѣщать домъ Закревскихъ и въ большихъ пріемахъ, т. е. совершенно за-просто; но, сколько помню, я въ это время въ графинѣ - дочери ничего не находилъ кромѣ очень молоденькой, разсѣянной, рѣзвой дѣвушки, по развитію гораздо моложе ея дѣйствительнаго возраста и ничѣмъ на свѣтъ не интересующейся, кромѣ ребяческихъ шалостей. Не смотря на это явное несоотвѣтствіе между мной и молодой графиней, я продолжалъ часто ее посѣщать. Къ этому побуждали меня столько же ласковый пріемъ ея родителей, повидимому доброжелательно относившихся къ этому сватовству, сколько мысль о супружеской жизни, столь для меня новой и привлекательной. Когда я пробовалъ выяснить самому себѣ, какого рода чувство я питалъ къ молодой графинѣ, я приходилъ къ заключенію, что влюбленъ я въ нее не былъ.

Между тѣмъ врожденное во мнѣ рыцарское чувство идеализировать всѣхъ женщинъ влекло меня къ Лидіи Арсеньевнѣ и заставляло искать въ ней то, чего въ дѣйствительности тогда въ ней не существовало и чего она ни внушить, ни понять не могла.

Такимъ образомъ это сватовство кончилось ничѣмъ, къ крайнему сожалѣнію доброй княгини Вяземской, которой на этотъ разъ не удалось устроить судьбу столь интересующихъ ее молодыхъ людей.

Что касается до насъ обоихъ, виновниковъ этой неудачи, то мы могли бы по справедливости сказать о себѣ словами поэта:

Безъ радости была любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Заслуживаетъ однако вниманія то обстоятельство, что много лѣтъ спустя, когда я былъ уже женатъ, а графиня Лидія Арсеньевна была замужемъ за графомъ Нессельроде (съ которымъ она тогда уже развѣхалась), меня странная судьба опять свела съ семействомъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, когда онъ былъ назначенъ Московскимъ генераль-губернаторомъ, при предшественникѣ котораго (князь Щербатовъ) я состоялъ адъютантомъ и согласно распоряженію графа Закревскаго, послѣ князя Щербатова, поступилъ адъютантомъ къ нему.

Истинно печальная развязка столь многолѣтней и столь трудовой карьеры старика графа Арсенія Андреевича, карьеры, которой такъ неожиданно положила конецъ его любимая и единственная дочь, весьма извѣстна, и потому я говорить объ этомъ здѣсь не буду.

Послѣ неудачи, постигшей добрую княгиню Вяземскую въ задуманной ею женитьбѣ, отношенія ея ко мнѣ нѣсколько не измѣнились; какъ княгиня, такъ и князь Петръ Андреевичъ продолжали оказывать мнѣ самое дружеское расположеніе.

Вспоминая про князя Петра Андреевича, мнѣ невольно приходится на память одинъ случай, который меня поставилъ въ весьма неловкое положеніе по отношенію къ нему, такому почтенному человѣку, всегда такъ ласково ко мнѣ относившемуся, и къ тому же случай, который чуть не стоилъ мнѣ жизни....

Я помню, что это было весной. Имѣя нѣсколько дней свободныхъ отъ службы, я по обыкновенію зажилъ въ Петербургѣ, вполне забывъ о существованіи на свѣтѣ Царскаго Села, гдѣ сторожемъ въ моей квартирѣ состоялъ постоянно мой поваръ (въ которомъ я въ городѣ не нуждался; былъ и кучеръ при лошадяхъ и экипажахъ, необходимой принадлежности загороднаго офицерскаго хозяйства).

Въ это время я неожиданно встрѣтилъ какъ-то князя Петра Андреевича на улицѣ, во время его прогулки. Князь меня остановилъ и съ обычнымъ своимъ ласковымъ, но нѣсколько серьезнымъ тономъ спросилъ: могу-ли я дать ему ночлегъ и пріютъ на два или на три дня въ моей квартирѣ въ Царскомъ Селѣ?—«Когда угодно и на сколько угодно!» отвѣчалъ я, обрадованный тѣмъ, что мнѣ представляется счастливый случай отплатить хотя чѣмъ нибудь почтенному князю за его гостепріимство, которымъ я пользовался по прибытіи моемъ въ Петербургъ. «Спасибо, сказалъ князь; но дѣло въ томъ, что я приглашенъ по дѣлу государыней Александрой Ѳеодоровной утромъ послѣ завтра; а, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, завтра я не могу выѣхать

иначе, какъ съ послѣднимъ поѣздомъ, стало быть я только въ первомъ часу ночи прибуду на мѣсто; поэтому, если, прибавилъ князь, по какому нибудь случаю, въ такое позднее время я найду дверь вашей квартиры запертою, то куда тогда я дѣнусь?... Вы сами знаете, что гостиницъ въ Царскомъ Селѣ нѣтъ, и что тогда постигнетъ меня горькая участь искать ночлега въ Боровомъ трактирѣ, что на Большой улицѣ—единственномъ въ городѣ!»—«Помилуй Богъ! сказалъ я съ ужасомъ, да развѣ я не успѣю предупредить своего человѣка о вашемъ приѣздѣ? Въѣдо завтрашняго вечера остается полтора сутокъ, а чтобы доставить мое письмо въ Царское, болѣе трехъ часовъ не потребуется, если считать и то время, которое мнѣ нужно, чтобы дойти домой. Будьте совершенно благонадежны, прибавилъ я: отсюда я прямо отправлюсь домой и напишу подробную инструкцію своему человѣку, добавивъ въ ней, чтобы мой экипажъ васъ ожидалъ на станціи желѣзной дороги.»—«Спасибо, спасибо, сказалъ князь, какъ-то коварно ухмыляясь, но вы молоды и можете легко забыть ваши обѣщанія.»—«Какъ? сказалъ я. Вы, князь, меня обижаете! Какимъ образомъ могу забыть я такое порученіе, котораго исполненіе я считаю для себя обязательнымъ по долгу признательности къ вамъ?» Тутъ мы простились, онъ пожалъ мнѣ руку и опять повторилъ: «Пожалуйста же не забудьте написать!» Признаюсь, такая настойчивость князя въ такомъ простомъ дѣлѣ меня удивила. Я съ мѣста отправился домой, написалъ подробное письмо своему повару Ларіону и съ нарочнымъ отправилъ его въ Царское Село.

Прошло нѣсколько дней; я опять зажилъ въ Петербургѣ, ради отсутствія занятій въ полку, по случаю праздника, какъ вдругъ неожиданно встрѣтился опять съ княземъ; онъ шелъ той-же важной, невозмутимой походкой, которая была ему свойственна. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Благодарю васъ!... Я тщетно долго стучался въ дверь вашей квартиры. Вашего человѣка, какъ оказалось, не было дома, и мнѣ-таки пришлось остановиться въ Боровомъ трактирѣ, въ которомъ я, разумѣется, провелъ очень плохую ночь».

Я былъ пораженъ, какъ громомъ, этой неожиданностью и не могъ сообразить, какъ это могло случиться, когда я положительно зналъ, что письмо мое было вручено по принадлежности. Я, сконфуженный и огорченный, принялся увѣрять князя, что письмо мною было послано со всею аккуратностью и безотлагательно. Я началъ просить у него извиненія; но онъ меня не слушалъ и съ усмѣшкой все повторялъ, что онъ очень мнѣ благодаренъ и вполне признателенъ, но что впрочемъ онъ все это предвидѣлъ, и поэтому долженъ только на себя

одного пенять. Признаюсь, мнѣ такъ стыдно было, что я былъ радъ, когда князь, невозмутимо пожалъ мнѣ руку, мѣрнымъ шагомъ удаллся. Да и къ чему я сталъ бы его останавливать? Я ничего болѣе не имѣлъ ему сказать....

Еще глубоко огорченный происшедшей со мною непріятностью, я на другой-же день поѣхалъ въ Царское. Тутъ встрѣтила меня еще болѣшая неожиданность: когда я подѣхалъ къ своей квартирѣ, то нашелъ ее запертою!.. Человѣка моего не было. По справкамъ оказалось, что его давно нѣтъ; что онъ какъ-то разъ приходилъ, но потомъ опять ушелъ, ничего никому не сказавъ. Зная своего человѣка Ларіона, какъ не принадлежащаго къ числу отъявленныхъ пьяницъ, я совершенно терялся... Меня возмущала до нелзя дерзость этого человѣка, который пользовался моимъ довѣріемъ. Теперь было понятно, что онъ одинъ былъ виновенъ своей самовольной, дерзкой отлучкой тому огорченію, которое мнѣ припичилъ непріятный случай съ почтеннымъ княземъ Вяземскимъ. Раздосадованный, я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, чтобы меня тотчасъ извѣстили, какъ только мой человѣкъ появится, а самъ пошелъ искать пріюта по сосѣдству, у своихъ гостепріимныхъ товарищей, двухъ братьевъ, графовъ Влудовыхъ, полагая, что къ вечеру во всякомъ случаѣ человѣкъ мой возвратится домой. Нечего говорить о томъ, что товарищи приняли меня чрезвычайно радушно, что они очень сочувствовали моему глупому положенію быть въ Царскомъ Селѣ безъ крова п дома п, накормивши меня сытнымъ обѣдомъ, посадили за карточный столъ, за которымъ я нѣсколько забылъ о своемъ непріятномъ положеніи, хотя ождаше извѣстій о безъ вѣсти пропавшемъ Ларіонѣ все-таки меня томилло. За картами часы быстро летятъ; скоро пробило полночь, п такъ какъ никакихъ извѣстій о моемъ человѣкѣ не было, то я долженъ былъ просить товарищей у нихъ заночевать. На другой день утромъ, когда мы проснулись, мнѣ доложили, что человѣка моего все еще нѣтъ. Я не хотѣлъ давать никакой огласки всей этой исторіи п поэтому не давалъ знать полиціи или ломать замки въ моей квартирѣ, а потому я рѣшился терпѣливо еще подождать возвращенія пропавшаго.

Утро прошло также безъ извѣстій, и только послѣ обѣда вдругъ пришли мнѣ доложить, что мой человѣкъ наконецъ вернулся. Признаюсь, что когда я очутился на улицѣ, чтобы направиться къ моей квартирѣ, я чувствовалъ себя взволнованнымъ, и первые мои были сплчно натянуты. Когда я поднялся по каменной лѣстницѣ въ бельэтажъ, гдѣ я жилъ, я засталъ человѣка на верхней площадкѣ, въ пальто, безъ фуражки, стоящимъ у отворенной двери. Никакой особенной перемѣ-

ны я въ немъ не замѣтилъ, кромѣ того, что лицо его было нѣсколько побагровѣвшее, но онъ казался мнѣ совершенно невозмутимымъ. Мое первое слово, обращенное къ нему, было, разумеется: «гдѣ ты былъ?» Но не желая объясняться съ нимъ на площадкѣ лѣстницы (хотя свидѣтелей не было и мы были совершенно одни), я, не дожидаясь отвѣта, прошелъ мимо и вошелъ въ переднюю. Когда мы вошли, и онъ притворилъ дверь, я опять повторилъ ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ нахально, что онъ былъ дома. Это была капля, переполнившая сосудъ... Такая наглая ложь меня страшно возмутила. Я въ то время былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Я почувствовалъ, какъ вся кровь моя бросилась въ голову. Я забылся... и ударилъ нахала по щекѣ!... Онъ моментально бросился и обхватилъ меня обѣими руками выше локтей, своими крѣпкими мышцами стянувъ меня, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Звать было-бы напрасно; никто не могъ-бы меня услышать... Къ счастью моему, мое первое изумленіе продолжалось только одно мгновенье: я не потерялъ ни минуты присутствія духа; какъ человѣкъ съ юности привыкшій къ гимнастикѣ, я тотчасъ сталъ обороняться. Тутъ началась между нами борьба, не на жизнь, а на смерть... Онъ вѣроятно, чтобы подѣйствовать на меня нравственно и парализовать мои силы, приговаривалъ, съ трудомъ переводя дыханіе: «Нѣтъ, князь!.. Простись теперь съ жизнью... твой послѣдній часъ насталъ!..» При этомъ всѣ его усилія были направлены на то, чтобы одной рукой схватить меня за горло, съ явною цѣлью меня задушить, не выпуская меня изъ желѣзныхъ своихъ объятій, а я всѣми силами противился этому, схватывая его руку, какъ желѣзными клещами. Видя, что его усилія не успѣшны, онъ хотѣлъ меня положить на полъ. Тутъ борьба приняла характеръ болѣе атлетическаго поединка. Я тогда обладалъ значительной силой; но я тотчасъ почувствовалъ, что онъ сильнѣе меня и что вся надежда моя будетъ состоять въ моей ловкости. Сколько времени эта борьба продолжалась, не знаю; но мнѣ она показалась безкопечной. Наконецъ я сталъ чувствовать, что мышцы мои утомляются и что силы мои слабѣютъ... Тогда у меня блеснула мысль, которая одна могла меня спасти... Я собралъ всѣ оставшіяся у меня силы, чтобы быстро и сильно придвинуть его къ стѣнѣ, вдоль которой стоялъ рядъ столовыхъ стульевъ. Это мнѣ къ счастью удалось, стулья попали ему подъ самыя колѣни, онъ потерялъ равновѣсіе, а я въ это время, сильно рванувшись, могъ вырваться изъ его тѣсныхъ объятій. Тогда я моментально схватилъ стулъ обѣими руками и палесъ имъ ударъ ему по головѣ; стулъ разбился въдребезги, но я остаткомъ его еще ударилъ нѣсколько разъ... тогда онъ запатался и, не вымолвивъ ни слова, бросился въ выходную дверь. Я остался

одинъ, задыхаясь, съ обломкомъ стула въ рукахъ, и слышалъ черезъ отворенную дверь, какъ онъ не сошелъ, а кубаремъ скатился съ лестницы.

Я былъ спасенъ!.. Такъ кончился этотъ страшный поединокъ. Продлись онъ еще одну или двѣ минуты, и я бы погибъ, ибо силы мои были истощены.

Когда же страшная одышка моя успокоилась, я бросилъ обломокъ стула, разстегнулъ сертукъ и вышелъ на балконъ, гдѣ свѣжій вечерній воздухъ благопріятно подѣйствовалъ на мои нервы, когда я его вдохнулъ въ себя полною грудью. Въ это время неожиданно изъ-подъ воротъ, надъ которыми находился балконъ, показался въ страшно растерзанномъ видѣ и съ всклооченными волосами Ларіонъ. Улица была безлюдна, и вездѣ царила тишина. Ларіонъ, услыжавъ мои шаги на балконѣ, остановился, повернулся ко мнѣ и громко сказалъ: «Прощай, князь; теперь ты меня никогда больше не увидишь». — «Прощай, прощай, отвѣтилъ я, постарайся впередъ мнѣ никогда болѣе не попадаться: это для тебя лучше будетъ, а то я тебя убью».

Разумѣется, когда опасность миновала и я остался живъ, то я не чувствовалъ никакой охоты не только его убить, но даже и преслѣдовать. Если же я употребилъ эту угрозу, то я это сдѣлалъ только для того, чтобы онъ убрался куда нибудь подальше и этимъ избавилъ бы меня отъ непріятности его встрѣтить и, можетъ быть, быть вынужденнымъ его арестовать.

Я тогда же рѣшился сохранить все это дѣло, которое навсегда меня отучило отъ вспыльчивости, въ тайнѣ, такъ что только теперь, по прошествіи полвѣка, въ первый разъ, кажется мнѣ, я объ этомъ говорю. Дѣйствительное во мнѣ отсутствіе всякаго чувства мести къ этому человѣку, послѣ совершеннаго имъ поступка, за который онъ получилъ отъ меня заслуженное наказаніе, невольно напоминаетъ мнѣ курьезный и оригинальный случай съ однимъ Англійскимъ лордомъ въ Римѣ, которому я былъ свидѣтелемъ.

Лордъ Т., высокій, плечистый, съдой старикъ, шелъ пѣшкомъ, опираясь на почтенной толщины трость, по *via Condotti*, одной изъ самыхъ тѣсныхъ улицъ города и самыхъ оживленныхъ, въ которой даже не существуетъ тротуаровъ. Какой-то извозчикъ (а надобно сказать, что извозчики въ Римѣ большіе нахалы, зацѣпляющіе съ умысломъ пѣшеходовъ, въ особенности иностранцевъ), проѣзжая мимо, задрлъ старика-лорда. Не успѣлъ извозчикъ оглянуться, какъ получилъ отъ Англичанина ударъ палки по спине. Извозчикъ, обернувшись, хмыс-

нулъ его и сбиль съ него шляпу. Англичанинъ моментально побѣжалъ, схватился руками сзади за откинутый верхъ коляски, всталъ на руки, закинулъ ногу и взлѣзъ въ коляску. Тѣмъ временемъ, увидѣвши это, извозчикъ погналъ свою лошадь, но переполненная экипажами улица не дозволила ему ѣхать быстро. Старикъ-Англичанинъ, не теряя времени, схватилъ извозчика сзади и поднялъ его; лошадь, почувствовавъ, что возжи натянуты, сама остановилась. Англичанинъ сially извозчика съ козелъ, положилъ его на землю, навалился на него всей своей тяжестью, и отколотивши его порядочнымъ образомъ, всталъ и пошелъ искать свою шляпу. Въ это время уже столпилась вокругъ экипажа большая толпа народа, явился полицейскій и повелъ извозчика въ участокъ вмѣстѣ съ лордомъ, который отдалъ полицейскому свою карточку.

На другой день явился къ лорду Т. одинъ изъ начальниковъ полиціи съ глубокимъ извиненіемъ по поводу происшедшей непріятности съ такимъ высокопоставленнымъ лицомъ. При этомъ полицейскій офицеръ просилъ покорнѣйше лорда сообщить ему, какого рода онъ желаетъ получить удовлетвореніе и какому наказанію онъ желалъ-бы, чтобы былъ подвергнутъ виновный? Лордъ на это отвѣчалъ: «Чего вы отъ меня хотите? Я ни о чемъ не просилъ! Скажите полиціи, чтобы она не беспокоилась обо мнѣ. Это дѣло очень просто: я боксировалъ съ этимъ человѣкомъ и поборолъ его; больше ничего. Помилуйте, какое мнѣ удовлетвореніе? Мнѣ никакого удовлетворенія не нужно!.. Честь имѣю вамъ клясться...» Я про этого Англичанина вспомнилъ потому, что хотя обстоятельства моего дѣла совсѣмъ иныя, но мнѣ кажется, что если бъ меня спросили о томъ же, что и Англичанина, то я, вѣроятно, далъ-бы отвѣтъ приблизительно такой-же.

Ларіонъ исполнилъ въ точности свое обѣщаніе: я его не встрѣчалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ и пересталъ уже объ немъ думать, какъ неожиданно получилъ письмо отъ нашего посланника въ Лондонѣ барона Брунова, который, возлагая всю вину на меня, настойчиво требовалъ, чтобы я ее изгладилъ, выславъ этому человѣку немедленно паспортъ, такъ какъ онъ былъ нашъ крѣпостной человѣкъ и проживалъ уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ безъ всякаго вида. Я, разумѣется, на такое нахальное требованіе не отвѣчалъ ни слова.

Хотя объ этомъ эпизодѣ моей жизни я не рассказывалъ даже и своимъ близкимъ, но мысль о томъ, какая могла быть причина такого поступка моего человѣка, Ларіона, меня нерѣдко заставляла задумываться. Что онъ былъ немного выпивши, въ этомъ не было сомнѣнія; но отъ какой-нибудь лишней рюмки водки не могло проявиться въ немъ вдругъ такого ожесточенія, какое онъ показалъ; съ другой

стороны—мое, вообще кроткое обращеніе съ нимъ, вслѣдствіе корректнаго его поведенія, не могло никоимъ образомъ внушить ему такое непонятное озлобленіе, тѣмъ болѣе, что въ обыкновенное время я даже его очень рѣдко видѣлъ, такъ какъ онъ постоянно находился въ кухнѣ. Меня чрезвычайно интересовала мысль: какимъ физиологическимъ и нравственнымъ процессомъ могъ создаться изъ простого, незлобиваго, крестьянскаго мальчика такой отчаянный человѣкъ и фанатикъ, близкій къ психическому разстройству? Очень часто надъ этимъ думая, я, наконецъ, нашелъ ключъ къ разгадкѣ этой задачи въ особенныхъ обстоятельствахъ его прошлой жизни.

Чтобы выразиться въ двухъ словахъ, это оказалось дѣломъ Лютеранской пропаганды въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ онъ проживалъ около десяти лѣтъ въ одномъ весьма почтенномъ, но крайне піетическомъ протестантскомъ семействѣ, въ которомъ игралъ большую роль одинъ очень вліятельный пасторъ-пропагандистъ.

Въ то время еще было у насъ крѣпостное право, не существовавшее уже въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и поэтому служившее самой благодарной и обычной темой пропагандирующимъ пасторамъ, чтобы стараться совращать Русскихъ простолюдиновъ, внушая имъ отвращеніе къ Русскимъ порядкамъ, недовѣріе къ Русскому правительству, отчужденіе отъ православія и въ особенности ненависть къ ихъ помѣщикамъ. Весь этотъ арсеналъ лжи, клеветы и мнимыхъ разоблаченій былъ необходимъ для совращенія Русскихъ людей отъ православія, съ цѣлью обратить ихъ въ лютеранство. Обыкновенно все удавалось, кромѣ послѣдняго.

Такъ случилось и съ человѣкомъ Ларіономъ: онъ былъ оторванъ отъ своей среды, достаточно нафанатизированъ, но въ лютеранство онъ не обратился. Онъ сдѣлался меланхоликомъ, сосредоточеннымъ, малообщительнымъ, не сталъ соблюдать посты и нѣкогда не ходилъ въ церковь. Вотъ этимъ-то, по моему, только и можно объяснить иначе непонятный поступокъ повара Ларіона.

Много, много лѣтъ спустя мнѣ суждено было однако опять съ нимъ встрѣтиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда (еще до тридцатилѣтняго возраста) послѣ тяжелой болѣзни мнѣ угрожала чахотка, то доктора меня послали на Югъ, вслѣдствіе чего я отправился на зиму въ Римъ. Прибывъ, какъ я до сихъ поръ помню, въ вѣчный городъ въ Субботу и освѣдомясь о существованіи православной домовоі церкви въ нашемъ посольствѣ, я отправился туда ко всеобщей. Наше Русское посольство занимало тогда огром-

нѣйшій, весьма сумрачный палаццо князя Джустиниани. Въѣхавъ въ ворота этого таинственнаго замка, мы съ покойной женой не знали, куда идти, и попросили у швейцара, чтобы онъ далъ намъ провожатаго до церкви, опасаясь заблудиться. Намъ провели по нескончаемымъ анфиладамъ комнатъ, весьма тускло освѣщеннымъ какимъ-то ночниками. Во всѣхъ обширныхъ парадныхъ комнатахъ этого дворца стояли античныя мраморныя статуи и бюсты Римскихъ императоровъ, придававшіе много фантастическаго нашей нескончаемой прогулкѣ по дворцу. Наконецъ, мы дошли до домашней небольшой церкви, находившейся на самомъ концѣ длинной анфилады, въ противоположной сторонѣ дворца. Когда мы вошли, никого молящихся не было, церковь была пуста и темна; освѣщенъ былъ только одинъ иконостасъ, да и то черезчуръ тускло. Чтецъ читалъ плохо. Служилъ какой-то почтенный старецъ-архимандритъ, очень слабый, по всей вѣроятности присланный сюда изъ Россіи для пользованія южнымъ климатомъ.

Когда церковный служитель вынесъ изъ алтаря подсвѣчникъ и поставилъ его передъ царскими дверьми, то обликъ этого человѣка, освѣщенный среди мрака свѣчею паникадила, мнѣ напомнилъ какое-то знакомое лицо, которое я, не разобравъ хорошенько, сталъ припоминать; я сталъ пристально въ него всматриваться и вдругъ узналъ... Я не ошибался — это былъ онъ... мой бывший поваръ Ларіонъ!.. При медленной его поступи, блѣдномъ и исхудаломъ его лицѣ, онъ мнѣ сначала и вправду показался привидѣніемъ... Изумленіе мое, очень естественное, было велико; но я никому объ этомъ не сообщалъ, даже и покойной женѣ, которая ничего не знала о случившемся когда-то со мною трагическомъ и загадочномъ эпизодѣ.

Спустя нѣсколько дней, я получилъ отъ отца-архимандрита длинное письмо, въ которомъ онъ, передавая мнѣ усерднѣйшую просьбу Ларіона о моемъ прощеніи, становился горячимъ за него ходатаемъ и поручался за его искреннее и сердечное раскаяніе. Почтенный пастырь, у котораго, какъ оказалось, человѣкъ Ларіонъ служилъ единственной прислугой, повидимому, очень цѣнилъ его чрезвычайно усердный и попечительный уходъ за нимъ, слабымъ и больнымъ старикомъ. Онъ свидѣтельствовалъ предо мною въ своемъ письмѣ о безукоризненной честности этого человѣка, о его глубокомъ благочестіи, заслуживающимъ его живого участія, а съ моей стороны — полнаго забвенія и всепрощенія. За чистое покаяніе онъ просилъ полнаго милосердія.

Разумѣется, я на другой день отправился къ отцу-архимандриту. Засталъ я старика больного, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и вы-

сказалъ ему въ теплыхъ выраженіяхъ искреннюю готовность сдѣлать ему угодное и исполнить все, имъ просимое, въ самый короткій срокъ. Бѣдный старикъ заплакалъ и въ заключеніе просилъ только объ одномъ, а именно: дозволить самому Ларіону лично придти ко мнѣ, чтобы выразить мнѣ свое раскаяніе и глубокую его признательность за оказанную ему мною милость. Я тотчасъ написалъ въ Россію о высылкѣ паспорта и принялъ лично къ себѣ Ларіона, который былъ очень взволнованъ и, цѣлуя мнѣ руки, слезно просилъ его простить. При этомъ свиданіи я помню, что мнѣ очень было жаль этого человѣка, но я не могъ переломить себя и проявить ему то участіе, которое, можетъ быть, онъ на самомъ дѣлѣ заслуживалъ, а также я не сдѣлалъ ему ни одного вопроса о его мѣстопробываніи во время самовольныхъ отлучекъ изъ моей Царскосельской квартиры и о причинѣ его покушенія на мою жизнь. Я этого не сдѣлалъ для того, чтобы не омрачать такую торжественную для него минуту воспоминаніемъ тяжелаго прошлаго. Паспортъ былъ мною доставленъ архимандриту, который вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Рима скончался, и я никогда не узналъ, куда послѣ того дѣвался столь преданный ему слуга Ларіонъ.

*

Чтобы вернуться къ прерванной нити моего разсказа о Петербургскомъ обществѣ и о моихъ знакомыхъ, я долженъ упомянуть о всегда открытомъ и веселомъ домѣ Мятлева, гдѣ я часто бывалъ.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ, вельможа по богатству и положенію своему въ свѣтѣ, былъ единственный въ своемъ родѣ, довольно извѣстный поэтъ, переплетавшій очень удачно въ своихъ стихотвореніяхъ Русскій и Французскій языки; онъ былъ творецъ извѣстной *Мадамъ Курдюковой*, *Новаго юда*, *Фонариковъ* и множества другихъ юмористическихъ и сатирическихъ стихотвореній. Барыни не давали ему проходу, такъ онъ любилъ его слушать; правда, что онъ мастерски читалъ свои стихи и читалъ ихъ всегда охотно.

Если въ то время раздавался въ какой-либо Петербургской гостиной дружный, неудержимый и громкій смѣхъ, то безошибочно можно было угадать по этому присутствіе въ этомъ домѣ Мятлева, читающаго свои произведенія. Я его очень часто слышалъ; тѣмъ не менѣе, повторенія слышанныхъ мною пьесъ никогда мнѣ не надоѣдали, хотя, собственно говоря, это были фарсы. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ въ Петербургѣ, гдѣ его привыкли слышать, онъ составлялъ необходимую принадлежность званаго вечера, который оканчивался всегда его чтеніемъ. Я помню, какъ Лермонтовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанныхъ въ альбомъ Софьи Николаевны Карамзиной, весьма

остроумно, передавая всё удовольствія, доставляемыя ему вечерами въ домъ Карамзиныхъ, заключаетъ ихъ перечисленіе двумя стихами:

Ха, ха, ха, хв, хв, хв,
Ишки Матлева стихи! *)

Матлевъ имѣлъ огромное состояніе, прекрасный домъ близъ Исаіевскаго собора, гдѣ онъ жилъ со своею почтенной старушкой-матерью и принималъ верѣдко у себя царскую фамилію. Онъ вскорѣ послѣ знаменитаго костюмировавшаго бала у великой княгини Елены Павловны, гдѣ онъ былъ въ роли рыцаря Шеромзина, умеръ, оплакиваемый всѣмъ обществомъ. Онъ оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ служилъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, а другой, штатскій, много лѣтъ спустя, былъ моимъ спутникомъ въ первомъ моемъ путешествіи по Италіи. Подобный гостепріимный вельможа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный въ своемъ родѣ поэтъ, едва ли можетъ появиться когда-нибудь въ Петербургскомъ обществѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

*

Въ это время въ Петербургѣ немало возбудилъ толковъ и пересудовъ дошедшій изъ-за границы слухъ, что князь Иванъ Гагаринъ перешелъ въ католицизмъ и постригся въ іезуитскомъ монастырѣ въ Бельгіи. Это неожиданное извѣстіе всѣхъ занимало, потому что онъ былъ одинъ сынъ у отца, князя Сергѣя Ивановича, стало быть наследникъ большого состоянія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ и выдающихся молодыхъ людей того времени, принадлежавшій къ тому избранному кружку замѣчательныхъ по уму и обще-европейскому образованію лицъ, которыхъ было не мало въ обществѣ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ. Иные объясняли этотъ поступокъ раскаяніемъ князя, мучимаго будто бы угрызениями совѣсти за смерть Пушкина, такъ какъ слухъ носился давно (и никогда въ сущности не былъ опровергнутъ), что князь будто бы сочинялъ и посылалъ Пушкину тѣ анонимныя письма, которыя обвиняли его жену и Дантеса во взаимной связи и были причиной роковой дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Я помню, что приблизительно въ это время пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ и поселился въ одномъ со мною домѣ знакомый мнѣ съ юныхъ лѣтъ Юрій Θεодоровичъ Самаринъ, который, между прочимъ, былъ большимъ другомъ князя И. Гагарина.

По старой дружбѣ, онъ просилъ меня дать ему нѣкоторые совѣты по устройству его маленькаго хозяйства. Разумѣется, я, какъ уже зна-

*) И. П. Матлева звали въ семьѣ „Ишкою“, что также служило ему поводомъ для остротъ. П. Б.

комый съ Петербургомъ, взялся за это весьма охотно; но по этому поводу я помню, что перѣдко приводилъ меня въ отчаяніе Самаринъ поразительно непрактичностью, когда не спросясь распоряжался по своему. Такъ, наприм., вздумавъ, въ видѣ экономіи, сдѣлать заготовку дровъ на зиму, онъ послалъ своего камердинера на рынокъ закупить побольше дровъ. И ничего не зная, когда, случайно посмотрѣвъ въ окно, съ изумленіемъ увидалъ нескончаемую веревницу сапей съ дровами, буквально запрудившую весь небольшой дворъ нашего огромнаго дома, при чемъ на улицѣ стояли непомѣшавшіеся уже на дворѣ остальные возы этого длиннаго обоза. Сквозь зимнія рамы слышны были крики дворниковъ, испуганныхъ такимъ небывалымъ нашествіемъ, и гвалтъ крестьянъ-возчиковъ, не хотѣвшихъ вывозить возы обратно на улицу. Въ это время прибѣжалъ въ квартиру растерянный управляющій домомъ съ приказаніемъ отъ хозяйки дома, генеральши Бибиковой, доложить Юрію Ѳеодоровичу, что она ни подъ какимъ видомъ не можетъ дозволить ему наполнить весь ея дворъ его дровами, что лишить всѣхъ жильцовъ дома не только мѣста для ихъ дровъ, но и свободного проѣзда и прохода по двору, что онъ, несомнѣнно, самъ признаетъ немислимымъ, и что она поэтому проситъ его подчиниться установленному въ домѣ правилу, разрѣшающему квартирантамъ холостыхъ небольшихъ квартиръ запасать не болѣе пяти сажень дровъ заразъ. Въ сущности давно вошло въ обычай въ Петербургѣ заключать условія съ подрядчиками-дровяпиками, которые обязываются доставлять жильцу на домъ, по мѣрѣ надобности, дрова всю зиму по опредѣленной цѣнѣ. Немало стоило хлопотъ бѣдному Юрію Ѳеодоровичу, чрезъ своего камердинера, уговорить крестьянъ согласиться увезти обратно на базаръ проданные ими дрова, за исключеніемъ пяти сажень, и возвратить часть полученныхъ уже ими денегъ. Онъ, разумѣется, склонился на всевозможныя условія, самыя невыгодныя, чтобы только это дѣло покончить, и при этомъ порядочно поплатился. Мы послѣ этого немало съ нимъ хохотали надъ этой неудавшейся попыткой съэкономничать.

Другой разъ мы поѣхали вмѣстѣ въ Англійскій клубъ, куда я его записалъ, такъ какъ я, въ качествѣ столичнаго старожила (хотя я самъ не очень давно прибылъ въ Петербургъ), обыкновенно сопровождалъ его въ поѣздкахъ по достопримѣчательностямъ нашей столицы. Въ этотъ день, какъ нарочно, я очень мало встрѣтилъ въ клубѣ своихъ знакомыхъ, съ которыми бы я могъ свести Юрія Ѳеодоровича, такъ что мы послѣ обѣда, пройдясь по всѣмъ заламъ клуба, отъ нечего дѣлать зашли въ билиардную. Мы ее нашли полную посѣтителями, плотно сидѣвшими на диванахъ вокругъ стѣнъ, съ сига-

рамп во рту, переваривающими сытный клубный обѣдъ. Билиардъ не былъ занятъ. Самаринъ мнѣ предложилъ сыграть съ нимъ нѣсколько партій. Я согласился. Когда мы начали играть, взоры присутствующей публики были, разумѣется, устремлены на насъ. Первую партію я выигралъ. Пока устанавливали шары, Самаринъ вполголоса спросилъ у меня: «по чемъ мы играемъ?» Я отвѣчалъ ему также шопотомъ, что, по обыкновенію, я играю по три рубля. «Какъ это можно? отвѣчалъ мнѣ Самаринъ, нельзя при такой массѣ зрителей играть по такой ничтожной суммѣ!» — «По чемъ же ты хочешь играть?» спросилъ я. — «Ну, да по крайней мѣрѣ рублей по 25 партію!» сказалъ онъ. Я ему замѣтилъ на это, что такъ какъ, повидимому, я немного лучше его играю, то для меня безразлично, по чемъ мы будемъ играть, и поэтому я на все согласенъ, но что обыкновенно по такой высокой цѣнѣ играютъ развѣ только профессиональные игроки, къ которымъ мы съ нимъ не принадлежимъ. Но онъ не внялъ моимъ словамъ и продолжалъ настаивать на своемъ, такъ что мнѣ нехотя оставалось согласиться.

Его непрактичность житейская была очевидна. Удвоявая всякій разъ кушъ, чтобы сразу отыгаться, Юрій Θεодоровичъ въ самое короткое время оказался въ проигрышѣ трехсотъ рублей, что на повѣрку совсѣмъ не соответствовало цѣли игры, начатой отъ скуки, только лишь для препровожденія времени. Даже и послѣ этого проигрыша онъ, видимо, неохотно согласился прекратить эту игру. Я признаюсь, когда онъ при всѣхъ расплатился со мной, раскаялся, что согласился на эту шутку: мнѣ просто было совѣстно принять эти деньги отъ пріятеля своего и дальняго родственника, котораго, какъ мнѣ казалось, я, словно настоящій профессиональный игрокъ, обыгралъ навѣрняка. Между тѣмъ, повидимому, ни тотъ, ни другой изъ насъ не былъ приверженцемъ игры на билиардѣ, потому что намъ никогда въ жизни не довелось болѣе играть съ нимъ въ эту игру.

Я упомянулъ здѣсь о профессиональных игрокахъ на билиардѣ потому, что мнѣ остался очень памятенъ одинъ случай, гдѣ я сдѣлался жертвой одного такого игрока, которому я очень дорого заплатился, и это весьма незадолго передъ тѣмъ случаемъ, о которомъ я говорилъ выше, бывшимъ въ Англійскомъ клубѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ.

Случилось это такъ. Обѣдая какъ-то одинъ въ лѣтнее время, когда изъ Петербурга всѣ разъѣзжаются по дачамъ, въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ ресторановъ, у Леграна, на Большой Морской, я, скуки ради, зашелъ въ билиардную съ цѣлью посмотреть на игроковъ, чтобы развлечься. Когда я вошелъ, билиардная зала оказалась пустою; толь-

ко вдали на высокомъ диванѣ вдоль стѣны кто-то дремалъ. Не разсматрѣвъ, что это была за личность и полагая, что это маркеръ, заснувшій тутъ отъ скуки, я хотѣлъ уже выйти изъ залы, какъ вдругъ почувствовалъ прпстальный взоръ, устремленный на меня. Я немного остановился, полагая, что, можетъ быть, это лицо мнѣ знакомо. Оказалось, что я ошибся; но личность эта, видя меня, прпвстала и, очень вѣжливо обратясь ко мнѣ, созналась чпстосердечно, что, пообедавши въ ресторанѣ и очень скучая по случаю безлюдья въ Петербургѣ, задремала въ билиардной. При этомъ незнакомецъ спросилъ у меня, не играю ли я въ билиардъ, и что въ этомъ случаѣ, если я тоже, какъ и онъ, скучаю, то онъ предлагаетъ мнѣ, какъ лучшее средство убить время, сыграть съ нимъ въ билиардъ нѣсколько партій. Онъ былъ очень прплично одѣтъ, говорилъ прекраснымъ языкомъ, вообще, былъ очень симпатичной наружности, съ тонкими чертами лица, съ выразительными большими карими глазами, съ тонкими черными усиками, имѣлъ что-то аристократическое; словомъ, былъ похожъ на героя романа. Такъ какъ его наружность меня расположила въ его пользу, то я охотно согласился на его предложеніе. Когда мы стали говорить объ условіяхъ игры, то мой пзпщный незнакомецъ оказался самаго уступчиваго свойства, соглашался на все и даже предложилъ не играть за деньги (такъ какъ это слишкомъ мѣщанствомъ отзывается), а вмѣсто этого играть на груши, только - что полученные изъ Франціи хозяиномъ ресторана. Дѣйствительно, я съѣлъ одну изъ этихъ грушъ послѣ обѣда; онъ былъ превосходны; это были лучшаго сорта дюшессы по одному рублю за штуку. Мнѣ, признаюсь, понравилась оригинальная мысль незнакомца, а еще болѣе его равнодушіе къ презрѣнному металлу. Правда, что его несвоевременный сонъ въ билиардной комнатѣ мнѣ казался какъ-то нѣсколько загадочнымъ, но когда мы обмѣнялись карточками и я узналъ, что онъ по имени г. ***, а именно одинъ изъ сыновей пзвѣстнаго поэта-златоуста, то мое мимолетное подозрѣніе, разумѣется, исчезло безслѣдно. Во время игры темы для разговора выбираемы были мной партнеромъ всегда разнообразныя и интересные, такъ что я не замѣчалъ, какъ проходило время и соглашался охотно на всѣ его предложенія продолжать игру при каждой новой партіи.

Сначала мнѣ казалось, что мы одной силы на билиардѣ, потому что мнѣ нерѣдко случалось у него выигрывать, и, такъ какъ мы играли всякій разъ при проигрышѣ двойную ставку, то я часто разомъ отыгрывался. Затѣмъ, мало по-малу, эти счастливые для меня случаи становились все рѣже, и рѣже, и мой партнеръ началъ меня даже пзум-

лять своимъ искусствомъ. Незамѣтно ставки возросли до сотни грушъ, и мнѣ оставалось только разыгрывать молчаливую роль свидѣтеля, искренно любясь талантомъ артиста. Чтобы нѣсколько отыграться, я потребовалъ нѣсколько очковъ впередъ, и на это условіе мой партнеръ согласился безъ особаго труда. Но и при этомъ шансы не уравнились: какъ только мнѣ не посчастливится, и онъ въ свою очередь бралъ кій въ руки, то оканчивалъ партію сразу, не давая мнѣ играть слѣдующаго удара, и мнѣ приходилось только смотрѣть, изумляться его ловкимъ ударамъ и досадовать на себя. Опъ до такой степени оказался искуснымъ, что, положивъ шаръ въ лузу, онъ всякій разъ становилъ свой шаръ на ту точку, которую онъ могъ впередъ указать и съ которой ему слѣдующій шаръ свободно и легко было сдѣлать.

Наконецъ, какъ «всему на свѣтѣ есть предѣлъ», я предложилъ прекратить игру. Мой проигрышъ достигалъ почтенной суммы—полторы тысячи грушъ, а такъ какъ такого количества этихъ неподобныхъ фруктовъ далеко не было налицо у г. Леграна, то мнѣ оставалось только выдать сумму наличными деньгами.

Уплативши мой долгъ, полторы тысячи рублей, я только тогда появля, почему молодой ** дремалъ въ пустой билиардной залѣ, гдѣ я его засталъ: какъ я узналъ послѣ, онъ ежедневно такимъ образомъ проводилъ свое время, приобрѣтая этимъ способомъ свой кусокъ хлѣба.

Кромѣ досады, которую я испыталъ, этотъ случай навѣялъ на меня грусть и внушилъ невеселыя размышленія: черезъ какія въ самомъ дѣлѣ тяжелыя испытанія въ жизни человѣкъ вполне образованный долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ избрать подобную профессію, какъ средство для своего существованія?

Насталъ 1844 годъ, ознаменовавшійся въ Петербургѣ празднествами, по случаю почти одновременнаго бракосочетанія великой княжны Александры Николаевны съ ландграфомъ Гессенскимъ и великой княжны Елисаветы Михайловны съ герцогомъ Нассаускимъ.

Великая княжна Александра Николаевна, во время своего вѣчанія и на всѣхъ праздникахъ, сопровождавшихъ обѣ высочайшія свадьбы, представлялась на мой взглядъ и по мнѣнію многихъ какимъ-то волшебнымъ призракомъ или, лучше сказать, какимъ-то существомъ не отъ міра сего... Весь ея идеальный обликъ составлялъ нѣчто среднее между земной и небесной красотой. Ничего подобного этому величественному и свѣтлому образу я никогда нигдѣ не видалъ, хотя немало прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. Такова была она—это неземное существо, съ того момента, когда она явилась намъ во дворцѣ, въ бѣ-

лой подвѣсочной одеждѣ, съ голубой Андреевской лентой черезъ плечо, сопровождаемая величественнымъ отцомъ, который велъ ее въ церковь. И такова она, неземною, сошла въ могилу менѣе года послѣ своей свадьбы.

Государь Николай Павловичъ по справедливости могъ гордиться необыкновенной красотой своихъ трехъ дочерей; онѣ среди всѣхъ, на этихъ свадебныхъ празднествахъ, сіяли какъ звѣзды во всемъ своемъ блескѣ. Сестры вовсе не были похожи между собою; у нихъ были различные типы, природой созданные въ совершенствѣ. Это разнообразіе между ними приковывало околдованные взоры на каждой изъ нихъ отдѣльно гораздо болѣе, чѣмъ если бы между сестрами было близкое сходство, какъ бы ни была безупречна и совершенна ихъ красота.

Собственно говоря, ни въ одной изъ трехъ великихъ княженъ нельзя было признать Русскаго національнаго типа. Русскій головной уборъ, напримѣръ, который принято у насъ носить при дворѣ на выходахъ, можно сказать, изъ трехъ сестеръ шелъ болѣе къ лицу развѣ только одной великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

Отвѣтъ на обыкновенный вульгарный вопросъ о томъ, которая изъ трехъ великихъ княженъ была лучше, разумѣется дать очень трудно; но, по моему мнѣнію, великая княжна Александра Николаевна стояла выше своихъ сестеръ въ этомъ отношеніи, потому что ея красота была неземная, какъ существа, обреченнаго Провидѣніемъ покончить этотъ міръ въ самыхъ юныхъ своихъ годахъ.

Изъ всѣхъ свадебныхъ празднествъ, несомнѣнно, куртагъ въ зимнемъ дворцѣ и въ особенности костюмированный балъ 2-го Февраля въ Михайловскомъ дворцѣ были самые блестящіе.

Я не могу забыть, что въ обоихъ случаяхъ мы, лейбъ-гусарскіе офицеры, были въ весьма рѣдкой для гусаровъ формѣ, а именно: въ вицъ-мундирахъ съ длинными фалдами, въ короткихъ бѣлыхъ брюкахъ и въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Съ непривычки намъ казалось какъ-то странно и неловко танцовать въ такихъ черезчуръ уже несвойственныхъ гусарамъ бальныхъ костюмахъ.

Праздникъ въ Михайловскомъ дворцѣ, всецѣло принадлежавшій, по мысли и по исполненію, хозяйкѣ дома, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, начался великолѣпной процессіей изъ Оберона, въ которой участвовало 190 лицъ, въ богатыхъ костюмахъ, попарно; въ этой процессіи принимали участіе всѣ великія княгини и великія княжны. Шествовали въ процессіи эльфы, ундины, гномы и саламандры, смѣшпваясь съ восточными и другими костюмами, проходя по всѣмъ за-

ламъ дворца и нѣмѣ хоръ духовой музыки во главѣ. Предводительница эльфовъ, великая княгиня Марья Николаевна, оказалась царпцею бала, затмивши всѣхъ красотой и изящностью костюма. Ея необыкновенно правильныи профиль, величественная осанка, открытая шея, чудныя плечи, тонкая талія и очень искусно придѣланныя длинныя крылья довершали неподражаемое изображеніе ангела, если бы коротенькая юбка и изящныя ножки не напоминали, что она была не ангелъ, спешій съ неба, а предводительница эльфовъ.

Она была дивно хороша! Я могъ на нее достаточно налюбоваться въ то время, когда она, стоя ко мнѣ въ профиль, одной рукой поддерживала свою родительницу, государыню Александру Феодоровну; онѣ обѣ пристально смотрѣли на малевскій балетъ съ папютиками, въ которомъ дѣйствующими лицами были лица изъ высшаго общества. Любуясь довольно долго на великую княгиню, я невольно подумалъ: какъ жаль, что нѣтъ здѣсь какого-нибудь первокласснаго художника-портретиста, въ родѣ Веласкеса, Рубенса или идеальнаго Мурillo, чтобы увековѣчить и передать потомству эту чудную группу!..

Затѣмъ по порядку праздника слѣдовала Итальянская опера «Сандрильона», въ которой пѣли артисты Итальянской труппы.

Послѣ этого начались общіе танцы, гдѣ все смѣшалось, представляя волшебную картину тысячи и одной ночи. Едва ли можно было гдѣ-нибудь видѣть столько прелестныхъ женщинъ, такой массы бриллиантовъ и такое множество цвѣтовъ, какъ на этомъ сказачномъ праздникѣ! Кромѣ красавицы-хозяйки, которая тогда была въ лучшей порѣ своего полнаго расцвѣта, и кромѣ нашихъ великихъ княгинь и великихъ княженъ, о красотѣ которыхъ я уже говорилъ, находилась на этомъ балѣ цѣлая плеяда прелестныхъ женщинъ высшаго Петербургскаго общества, какъ-то: Столыпина (впослѣдствіи княгиня Воронцова), сестра ея княжна Трубецкая (впослѣдствіи графиня Рибопьеръ), Соловая (рожденная Гагарина), Столыпина (впослѣдствіи Бекъ) и т. д., и т. д. Всѣхъ нельзя припомнить.

Мудрая Латинская поговорка «*finis coronat opus*» на этомъ торжественномъ праздникѣ оправдалась вполнѣ: заключительная его часть, т. е. ужинъ, оказалась лучшею, какъ по оригинальности и смѣлости своего замысла, такъ и по изяществу, грандіозности и декоративности своего исполненія. Этотъ великолѣпный ужинъ на 840 персонъ былъ оригиналенъ потому, что онъ почти весь помѣщался на парадной лѣстницѣ дворца, занимая только двѣ смежныя съ лѣстницей боковыя залы, какъ дополненіе. Если всѣ 840 приглашенныхъ могли помѣщаться на этомъ пространствѣ, то можно судить поэтому о грандіоз-

ныхъ размѣрахъ этой лѣстницы и ея площадей! Въ дѣйствительности эта лѣстница одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя я видѣлъ: клѣтка ея занимаетъ едва ли не цѣлую четверть всего фасада этого дворца. О великой трудности этой архитектурной задачи можно судить потому, какъ она рѣдко архитекторамъ удавалась и какъ мало соответствующихъ зданій лѣстницъ было выстроено въ самыхъ великолѣпныхъ царскихъ дворцахъ на Западѣ; а между тѣмъ счастливое разрѣшеніе этой задачи, какое великое значеніе имѣеть, производя на каждаго посѣтителя первое благопріятное впечатлѣніе! Говорятъ, что могущественный Испанскій король Карлъ V, всходя въ первый разъ на ступени грандіозной лѣстницы вновь построеннаго имъ величественнаго дворца въ Толедо, сказалъ присутствующимъ сановникамъ: «восходя на эту лѣстницу, я внезапно почувствовалъ, что я дѣйствительно властелинъ міра!»

Возвращаясь къ небывалому ужину въ Михайловскомъ дворцѣ, слѣдуетъ сказать, что изобиліе цвѣтовъ и тропическихъ растений, необыкновенно яркое освѣщеніе, блескъ костюмовъ публики, богатая одежда ливрейной прислуги, разукрашенный столъ для высочайшихъ особъ, громъ оркестра на высокихъ хорахъ—все въ совокупности представляло очарованнымъ глазамъ восхитительную и неподражаемую картину, которую несомнѣнно никто изъ присутствовавшихъ на этомъ праздникѣ никогда не забудетъ. Не знаю почему, когда я имѣлъ нѣсколько разъ случай видѣть въ Венеціи извѣстную, огромнаго размѣра, картину Поля Веронеза «Вракъ въ Канѣ Галилейской», то живость красокъ богатыхъ костюмовъ массы представленныхъ лицъ мнѣ всякій разъ припоминала картину ужина въ Михайловскомъ дворцѣ.

Въ два часа царская фамилія подала, уѣзжая, сигналъ къ разѣзду. Я увѣренъ, что многимъ жалко было расставаться съ этимъ волшебнымъ міромъ, чтобы, испытавъ всѣ его чары, возвратиться послѣ того домой къ будничной однообразной жизни.

Въ это время въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ нескончаемые толки возбудило дѣло княгини Кугушевой съ ея дочерью Томилиной, дошедшее до Государственнаго Совѣта, на рѣшеніе котораго государь Николай Павловичъ наложилъ весьма строгую и очень памятную всѣмъ тогда резолюцію.

Дѣло это состояло въ томъ, что мать, княгиня Кугушева, подарила дочери своей часть своего имѣнія; но когда дочь ея, Томила, показала передъ матерью весьма дерзкую непочтительность, то послѣд-

няя стала требовать судомъ обратно подаренную ею часть имѣнія. Когда это дѣло поступило въ Сената въ Государственный Совѣтъ, то здѣсь мнѣнія членовъ раздѣлились, такъ какъ въ пользу матери выразили мнѣніе 18 членовъ, а въ пользу дочерей 5 членовъ. Въ виду такого разногласія, это дѣло поступило на высочайшее благоусмотрѣніе государя Николая Павловича, который, прочтя его, наложилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: *«Искренно благодарю 18 членовъ за правильный взглядъ на сіе постыдное дѣло. Что можетъ быть священныя обязанностей дѣтей къ родителямъ, и не прискорбно ли быть должно, когда въ высшемъ сословіи оказываются подобныя примѣры безстыдной неблагодарности и дерзости!»* Потому, раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе 18 членовъ, нахожу сверхъ того нужнымъ велѣть призвать Томплину въ Совѣстный Судъ и, въ присутствіи губернскаго предводителя и уѣздныхъ предводителей, сдѣлать отъ меня строжайшій выговоръ за поступки противъ матери и потомъ отдать на годъ на покаяніе въ монастырь». Немудрено, что объ этомъ дѣлѣ много говорилъ въ Петербургѣ и что оно получило громкую извѣстность не только потому, что княгиня Кугушева и г-жа Томилина являлись многимъ знакомыхъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, но и потому, что резолюція Государя носила печать его высокаго ума, правильнаго его взгляда на высокогосударственное значеніе нравственнаго авторитета родителей, которыми держится семья, и строгаго порицанія образа дѣйствій непочтительныхъ дѣтей, расшатывающихъ семейное начало, котораго онъ такъ твердо выступилъ въ этомъ случаѣ охранителемъ, и оберегателемъ. Въ то время семейное начало еще не было такъ расшатано, какъ въ настоящее время, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній недоброй памяти 60-тыхъ годовъ, и примѣры непочтительности дѣтей къ своимъ родителямъ были въ обществѣ гораздо рѣже; вотъ почему эта знаменитая резолюція государя Николая Павловича въ настоящее время должна поражать еще болѣе всѣхъ своею глубокою мудростью.

Покойный государь былъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ, истинно-Русскій человѣкъ, пропитанный духомъ нашего Русскаго законодательства, и въ этой сферѣ семейныхъ отношеній онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ. Государь понималъ и предвидѣлъ опасность для семьи, для общества и стало-быть для государства, отъ рѣшеній противоположнаго свойства, и онъ былъ правъ, какъ верховный охранитель закона и семьи, становясь выше всѣхъ семейныхъ дразгъ и сплетенъ, непобѣдныхъ въ подобныхъ случаяхъ.

Зима 1844 года была въ Петербургѣ самая оживленная и самая веселая. Въ эту зиму были двѣ свѣтскихъ свадьбы: одна—старшаго сына сенатора Безобразова съ единственною дочерью генерала Сухозапета (потерявшаго ногу въ какомъ-то сраженіи), очень богатаго человека и пзвѣстнаго игрока; а другая свадьба—Владимира Николаевича Карамзина съ дѣвнцей Дука (сестрой графини Клейнмхель); на послѣдней я былъ шаферомъ. Государь Николай Павловичъ, будучи на этой свадьбѣ посаженнымъ отцомъ, войдя послѣ вѣчанія въ домъ молодыхъ, сдѣлать повобрачному, когда мы все вышли его встрѣчать, памятное для меня довольно назидательное замѣчаніе противъ чрезмѣрной роскоши. Приостановившись на первыхъ ступенькахъ лѣстницы, онъ сказалъ: «если въ передней у васъ такая роскошь позолоты, ковровъ и бархата, то что же будетъ въ гостиной?..»

Государь, самъ Спартавецъ въ своихъ привычкахъ, не любилъ чрезмѣрной роскоши. Какъ оказывалось, молодой хозяинъ вполне заслуживалъ этого урока, будучи однимъ изъ первыхъ лицъ, отличившихся отдѣлкою своего дома (на Большой Морской). Эта манія, впрочемъ, во время слѣдующаго царствованія, пошла гораздо далѣе, такъ что замѣчаніе Государя, хотя и заставило много о себѣ говорить, но, къ сожалѣнію, не излѣчило общества отъ бѣшенной Петербургской роскоши.

Остальные вечера, балы и другія удовольствія этой зимы, въ которыхъ я принималъ участіе, ничѣмъ особеннымъ не отличались и не оставили слѣдовъ въ моей памяти. Помнятся мнѣ только: большой пикникъ на островахъ во время масленицы, со всемпъ львнцами большого свѣта, и пресветелый балъ у графини Ростопчиной. Пикникъ этотъ мнѣ памятенъ потому, что на этомъ вечерѣ мнѣ было замѣчательно весело: барыни ко мнѣ какъ-то очень благоволили, въ особенноти одна, которая меня очень интересовала; и въ этотъ-же вечеръ счастье за картами было у меня поразительное, такъ что, выходя изъ залы, чтобы отдохнуть отъ танцевъ, мнѣ стоило только присѣсть къ игорному столу, за которымъ въ сосѣдней гостиной играли въ крупную игру, чтобы выиграть солидную сумму денегъ. Затѣмъ я отправлялся вновь потанцовать, посадивъ за себя моего товарища и чередуя такимъ образомъ два эти удовольствія: общество прелестныхъ женщинъ и сильныя ощущенія азартной игры. Когда настала часъ разѣзда, я оставался въ выигрышѣ съ нѣскольکو тысячъ рублей; уплаченныхъ мнѣ тутъ-же богатымъ и пріятнымъ партнеромъ Львомъ Нарышкинымъ. Я могу сказать, что другого такого оригинальнаго въ своемъ родѣ, и въ одно и тоже время такого удачнаго, вечера мнѣ

никогда не приходилось провести. Правы, стало быть, тѣ, которые говорятъ, «что когда счастье везетъ человѣку, такъ ужъ во всемъ!..»

Что-же касается бала у графини Ростопчиной, то онъ мнѣ потому памятенъ, что я на немъ познакомился съ супругами Віардо. Мужъ знаменитой пѣвицы, мало еще пзвѣстной тогда въ Петербургѣ, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ, очень много путешествовавшимъ и очень свѣдущимъ въ древней живописи. Я впоследствии читалъ его замѣчательный трудъ «Описаніе Мадридской галлерей», которая (какъ я, будучи въ Испаніи, могъ самъ убѣдиться) должна считаться одной изъ первыхъ картинныхъ галлерей въ Европѣ по богатству и необыкновенному сохраненію и свѣжести картинъ.

Побесѣдовавъ очень пріятно съ г-номъ Віардо, я отправился въ балльную залу, гдѣ встрѣтила меня прелестная хозяйка, озабоченная тѣмъ, что г-жу Віардо никто не приглашаетъ и что она одна не танцуетъ. Она обратилась ко мнѣ, какъ къ хорошему знакомому, съ которымъ она не стѣснялась, чтобы просить меня ее пригласить хотя на одну кадрили, что я и исполнилъ съ большою готовностью. Г-жа Віардо была очень любезна и очень граціозна, но танцевала немного въ припрыжку, какъ тацуютъ обыкновенно всѣ Француженки. Въ это время я замѣтилъ между маменьками, сидящими вдоль по стѣнѣ залы, большое оживленіе: онѣ какъ-то всполошились и стали что-то шептать между собою, показывая въ мою сторону. Когда кадрили кончилась, то къ великому моему изумленію я узналъ, что я былъ причиною этого переполоха, потому что маменьки нашли слишкомъ щекотливымъ для своихъ дочекъ танцевать вмѣстѣ съ актрисой, и находили мой поступокъ дерзкимъ и непристойнымъ. Разумѣется, все это говорилось втайнѣ, шопотомъ; но я никакъ не ожидалъ, чтобы мой невинный поступокъ могъ произвести такое смущеніе. Таковъ былъ еще тогда въ передовомъ Петербургскомъ обществѣ взглядъ на театръ вообще и на актрисъ въ особенности!.. Отъ этого недалеко и до того, что происходило когда-то во Франціи, когда не дозволено было актерамъ хоропить на общихъ католическихъ кладбищахъ, какъ печетивыхъ!..

Послѣ этого знакомства съ четою Віардо вѣжливость требовала, чтобы я имъ сдѣлалъ визитъ, тѣмъ болѣе безотлагательный, что, какъ мнѣ сказали, они, окончивъ свой зимній сезонъ и контрактъ, собирались уже выѣхать въ Парижъ.

Пріѣхавши въ гостиницу, гдѣ они жили (кажется на Малой Морской), пока пошли обо мнѣ докладывать, я вошелъ въ темную перед-

ною, гдѣ упдалъ въ полусвѣщенномъ помѣщеніи какого-то довольно плотнаго и большого роста человѣка, который, ставъ колѣнями на высокій сундукъ, пыхтя и дѣлая, повидимому, тщетныя усилія, никакъ не могъ его запереть, потому что онъ слишкомъ былъ туго наполненъ. Я сначала не обратилъ на него вниманія, полагая, что это кто-нибудь изъ ближайшей прислуги отъѣзжающихъ за границу хозяевъ, тѣмъ болѣе, что это происходило въ противоположномъ углу комнаты. Но очевидная неумѣлость этого человѣка, который сосредоточенно продолжалъ свою работу, не обращая никакого вниманія на мое присутствіе, невольно меня удивила. Когда я подошелъ ближе, тогда, услышавъ меня, этотъ человѣкъ бросилъ поспѣшно свое дѣло, соскочилъ съ сундука и выпрямился во весь ростъ. Каково было мое изумленіе, когда я въ этомъ человѣкѣ узналъ И. С. Тургенева?! Мы оба сконфузились. Я подошелъ ближе, чтобы съ нимъ поздороваться. Онъ, со свойственной ему привычкой, скороговоркой сталъ мнѣ объяснять, что г-на Віардо нѣтъ, что онъ выѣхалъ впередъ по экстренному дѣлу въ Парижъ, а что жена его осталась и собирается тоже скоро выѣхать. Къ обоюдному нашему благополучію въ это самое время явилась прислуга, чтобы доложить мнѣ, что г-жа Віардо очень, очень извиняется, но не можетъ меня принять, по случаю укладки и скорого своего отъѣзда. Я отдалъ свою карточку и, простившись съ Тургеневымъ, поспѣшилъ выйти. Я не знаю почему, но мнѣ было какъ-то жутко за нашего знаменитаго писателя. Впрочемъ любовь оправдываетъ, говорятъ, всякія крайности!..

Наконецъ, насталъ великій постъ, и кончились всѣ удовольствія. Хотя наступленіе великаго поста и звонъ колокола здѣсь не такъ внушительны, какъ въ Москвѣ, но церкви однако бывають переполнены. Я не на шутку оставилъ Петербургъ и переѣхалъ въ полкъ, чтобы коротать, какъ говорится, время съ товарищами.

Немного мнѣ пришлось отдыхать подлѣ сѣню Царскосельской типшны, какъ ночью меня разбудилъ неожиданный гость, имѣвшій до меня экстренное дѣло. Этотъ гость былъ графъ Алексѣй Бобринскій, который былъ впослѣдствіи флигель-адъютантомъ, а затѣмъ министромъ путей сообщенія. Я былъ съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, посѣщая его очень часто въ его барской холостой квартирѣ на Михайловской площади. У него собирался постоянно цѣлый кружокъ весьма интеллигентныхъ молодыхъ людей; между прочимъ у него я свелъ знакомство съ графомъ Дмитріемъ Толстымъ, будущимъ нашимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ я остался навсегда въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Графъ Бобринскій прїѣхалъ ко мнѣ въ почную пору, чтобы просить меня быть его секундантомъ въ предстоявшей ему дуэли съ княземъ А. При этомъ онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее.

Незадолго передъ тѣмъ прїѣхало въ Петербургъ одно почтенное семейство крупныхъ помѣщиковъ Я., состоявшее изъ матери и двухъ дочерей рѣдкой красоты. Разумѣется, что онѣ окружены были роемъ соперниковъ и сонскателей благосклоннаго расположенія этихъ барышень (въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и графъ Д. А. Толстой).

По наступленіи поста, дѣвicy Я. стали ходить въ церковь въ свой приходъ, а за ними, какъ водится, чтобы не упустить случая лишній разъ на нихъ посмотреть, стали ходить въ этотъ приходъ всѣ ихъ поклонники, между которыми находился одинъ молодой человѣкъ, прїятель графа Толстого, обладавшій даромъ, отлчно рисую карандашомъ, удивительно удачно схватывать сходство.

Въ одинъ прекрасный день, во время службы въ означенной церкви, по просьбѣ графа Толстого этотъ молодой человѣкъ нашелъ себѣ удобный уголокъ, откуда ему хорошо было видно одну изъ сестрицъ Я. Въ сопровожденіи графа Толстого, служившаго ему ширманн, онъ сталъ снимать съ красавицы портретъ, рисуя его карандашомъ на бумажкѣ въ своей шляпѣ и думая такимъ образомъ совершенно скрыть свою работу отъ чужихъ глазъ. Но оказалось, что онъ ошибся. Отъ зоркихъ глазъ одного, хотя тайнаго, но самаго злого соперника, ничто не ускользнуло. Этотъ соперникъ былъ князь А.; въ прпадкѣ ревности онъ отправился въ домъ къ Я. и съ негодованіемъ предупредилъ родительницу-мать объ опасности, угрожающей ея дочерямъ отъ скандала, происшедшаго въ церкви, такъ какъ будто всѣ присутствующіе видѣли, какъ публично графъ Толстой снималъ съ ея дочерей портреты. Мать, разумѣется, страшно перепугалась. Съ того дня двери дома г-жи Я. оказались закрытыми для графа Толстого. Этотъ послѣдній скоро все узналъ и послалъ тотчасъ графа А. П. Бобринскаго, какъ своего секунданта, къ князю А., чтобы вызвать его на дуэль.

Дуэль эта не состоялась по довольно своеобразной причинѣ, а именно потому, что князь А. на вызовъ отвѣчалъ, что онъ графа Толстого не знаетъ, также какъ и графа Бобринскаго, и съ домомъ Я. онъ очень мало знакомъ, и что поэтому наотрѣзъ отказывается драться съ графомъ Толстымъ. При этомъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что онъ ничего не понимаетъ въ этой темной исторіи и что вовсе не обязанъ распутывать ее и пслѣдовать истинную причину отказа отъ дома графу Толстому госпожею Я. Послѣ такого уклончи-

ваго, но категорическаго отвѣта, графу Бобринскому оставалось только уѣхать, что онъ и сдѣлалъ; но слухъ объ этомъ распространился, и пріятели князя ему растолковали, что онъ поступилъ недостойно званію офицера, отказавшись драться, такъ какъ теперь носятъ упорные слухи, что онъ трусъ. Сперва онъ нехорошо вдумался въ послѣдствія своего поступка или не повѣрилъ своимъ пріятелямъ; но потомъ, когда слухи эти стали доходить до него все чаще и чаще, онъ рѣшился исправить сдѣланную имъ ошибку и сразу возстановить свою репутацію мужества какою-нибудь публичнымъ, наиболѣе громогласнымъ вызовомъ кого-нибудь, лишь бы этимъ надѣлать шума побольше. Такъ какъ графа Толстого онъ уже не могъ вызвать безъ явнаго противорѣчія, послѣ того что онъ ему отказалъ стрѣляться, то, недолго думая, онъ рѣшился обрушиться на графа Бобринскаго, его секунданта, нанеся ему какое-нибудь публичное оскорбленіе.

Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ поисковъ онъ встрѣтилъ графа Бобринскаго на какомъ-то концертѣ и послѣдовалъ за нимъ въ буфетъ, гдѣ при всѣхъ, возвысивъ голосъ, съ нахальностью спросилъ: какъ онъ смѣлъ говорить, что онъ, князь А., отказался стрѣляться съ графомъ Толстымъ? и продолжалъ затѣмъ кричать въ запальчивости что-то несвязное и непонятное. Бобринскій ему отвѣчалъ, что сказанное имъ есть фактъ неопровержимый и всѣмъ извѣстный, и потому о немъ говорить нечего; поэтому онъ совѣтовалъ бы князю быть поскромнѣе, а такъ какъ онъ позволялъ себѣ такую неприличную выходку, то онъ, Бобринскій, требуетъ отъ князя удовлетворенія и пришлетъ ему на другой день своего секунданта. Заспѣвъ Бобринскій взялъ ямскую тройку и пріѣхалъ ко мнѣ ни-свѣтъ-ни-заря просить меня быть его секундантомъ. Разумѣется, такой просьбѣ между порядочными людьми пріято никогда не отказывать.

Мы простились. Бобринскій поѣхалъ на своей тройкѣ обратно въ Петербургъ, а я ему обѣщалъ съ первымъ поѣздомъ поѣхать къ князю А.

Я въ первый разъ въ жизни несъ такъ неожиданно ответственную обязанность секунданта и, признаюсь, невольно задумался.

Очевидно, дѣло было серьезное. Графъ Бобринскій, какъ человѣкъ правый и къ тому же настойчивый, не пойдетъ ни на какіе компромиссы, если князь формально передъ нимъ не извинится; а какъ этого добиться отъ бѣснующагося человѣка? Съ другой стороны, если этотъ поединокъ состоится, то пхъ неминуемо будетъ не одинъ, а два: потому что князю, если онъ останется живъ, не будетъ никакой воз-

возможности отказать въ удовлетвореніи графу Толстому, который первый его вызвалъ; да если бы князь и отказалъ еще разъ графу Толстому, то онъ бы тогда сумѣлъ его къ этому понудить.

Я выѣхалъ въ Петербургъ очень озабоченный исходомъ этого дѣла, но съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свою обязанность не съ формальной только стороны, то-есть не ограничиться только установленіемъ условій поединка и счетомъ числа шаговъ между противниками, а важнѣйшею обязанностью секунданта: предварительно, чѣмъ допустить поединокъ, исчерпать всѣ возможныя и дозволенныя средства, чтобы не допустить его. Вотъ почему, по моему мнѣнію, на секундантѣ и лежитъ такая отвѣтственная обязанность.

Дорогой я сообразилъ весь свой планъ дѣйствій. Я рѣшилъ съ самаго начала моего свиданія не становиться тотчасъ на офиціальную ногу секунданта, присланнаго для вызова, а пользуясь своимъ съ юныхъ лѣтъ знакомствомъ съ княземъ А., поговорить сначала объ этой исторіи совершенно частно, что мнѣ дастъ возможность во всей наготѣ представить ему всю нелѣпость его образа дѣйствій....

*

Тутъ обрываются воспоминанія князя А. В. Мещерскаго. Въ дополненіе къ нимъ приводятся нѣкоторые свѣдѣнія о дальнѣйшемъ его поприщѣ.

Въ 1845 году князь А. В. Мещерскій вызвался охотникомъ отъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ знаменитой Даргинской экспедиціи и раненымъ вернулся въ Москву. Здѣсь, въ 1846 г. поступилъ онъ адъютантомъ къ тогдашнему Московскому генералъ-губернатору князю Щербатову.

Въ 1850 году, по настоянію докторовъ, вслѣдствіе слабости легкихъ, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и лѣчился три года, живя за границей; къ этому времени относится его путешествіе въ Испанію, имъ описанное въ особой книгѣ съ альбомомъ.

Вернувшись въ Россію, князь Александръ Васильевичъ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Къ этому періоду его жизни относится женитьба его на дочери графа Сергія Григорьевича Строганова.

Въ 1854 году, онъ снова возвращается на военную службу, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ производитъ развѣдъ военно-плѣнныхъ и раздачу пособій раненымъ Севастопольскимъ героямъ, по порученію государыни императрицы Маріи Александровны. Здѣсь онъ за усердіе награждается монаршею милостью, брилліантовымъ перстнемъ отъ императрицы. Развѣдъ плѣнныхъ описанъ имъ въ отдѣльной статьѣ, появившейся въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

За тѣмъ князь А. В. вышелъ въ отставку и былъ избранъ въ Верейскіе уѣздные предводители по Московской губерніи, на каковой должности прослужилъ 6 лѣтъ. Въ 1862 году онъ вводилъ уставныя грамоты и въ 1865 г. былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей. Далѣе его избрали Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и въ этой должности онъ тоже прослужилъ 6 лѣтъ.

Дѣятельность покойнаго князя въ должности губернскаго предводителя Московскаго дворянства, продолжавшаяся до Января 1875 года, отмѣчена устройствомъ, по его вчинанію, Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта и рѣшеніемъ многихъ важныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о значеніи дворянства въ ряду другихъ сословій, о заповѣдныхъ имѣніяхъ, о религіозно нравственномъ образованіи народа и т. д. По одному изъ этихъ вопросовъ онъ позже издалъ: *Историческій очеркъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ*. (М. 1894 г., 20 стр.). Такая дѣятельность покойнаго вызвала слѣдующую оцѣнку изъ-подъ пера И. С. Аксакова: „Князь А. В. Мещерскій ревностно работалъ въ пользу того направленія, которое называется *аристократическимъ* и которое выражается въ стремленіи поднять значеніе дворянства и даже обособить его въ смыслѣ политическомъ, придавъ ему нѣкоторыя привилегіи“ (*Русскій Архивъ* 1895 г., кн. 12, стр. 477).

Но эта же предводительская служба прошла не безъ препятствій. Еще въ 1872 году явились нѣкоторыя несогласія покойнаго съ прочими предводителями дворянства; однако князь А. В. Мещерскій одержалъ полную побѣду. По словамъ С. М. Сухотина, государь Александръ II, изволилъ тогда сказать тестю князя, графу С. Г. Строганову: „Я знаю, что у вашего зятя были непріятности съ дворянствомъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ отлочно“ (*Русскій Архивъ* 1894 г., кн. 9, стр. 57).

Послѣ обсужденія вопроса о работѣ дворянства по народному образованію, въ 1874 году, когда покойному пришлось выдержать борьбу съ мнѣніемъ Ю. О. Самарина и другихъ (см. *Журналы Московскаго губернскаго училищнаго совѣта за 1874 годъ*, Спб. 1890 г., 105 стр.), князь А. В. Мещерскій покинулъ мѣсто Московскаго предводителя дворянства.

Съ 13 Декабря 1890 года, назначенный почетнымъ опекуномъ, князь А. В. Мещерскій принялъ на себя обязанности члена Совѣта по учебной части въ Московскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины и въ Александровскомъ Институтѣ. Эту должность покойный князь сохранялъ за собою до Декабря 1896 года.

Кромѣ того онъ принималъ дѣятельное участіе въ Московской политехнической выставкѣ 1872 года и въ комиссіи по всеобщей воинской повинности.

Въ 1875 г. онъ пожалованъ въ шталмейстеры двора его императорскаго величества и въ этомъ званіи сопровождалъ дважды карету государыни-императрицы въ церемониальномъ шествіи священнаго коронованія.

Его хотѣли снова избрать Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; но, чувствуя свое здоровье разстроеннымъ, онъ отказался съ благодарностью за довѣріе и удалился въ деревню Полтавской губерніи. Тамъ, въ 1883 году, онъ былъ избранъ Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Совѣта попечительства Полтавской Маріинской женской гимназіи. Прослуживъ въ этой должности три года, онъ опять былъ выбранъ на второе трехлѣтіе съ 1886 по 1889 г.

Будучи предводителемъ дворянства Полтавской губерніи, князь А. В. Мещерскій поднялъ вопросъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Князь имѣлъ высшіе знаки отличія и послѣднимъ получилъ орденъ св. Александра Невского при покойномъ государѣ Александрѣ Александровичѣ.

Въ концѣ жизни онъ проводилъ большую часть года въ прекрасномъ своемъ имѣніи Веселомъ-Подолѣ Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда, въ средѣ своей семьи, окруженный, на закатѣ дней, заботами и любовью, какия рѣдко кому выпадаютъ на долю. Онъ скончался въ Москвѣ 22 Декабря 1900 года.
